

ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021, №2

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г., выдано Роскомнадзором.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симотомай Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (гл. редактор)

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.; Скворцова Е.М.; Суркова Т.И. (зав. редакцией); Шпорт Ю.А.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**
www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation):

ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Branch of science
(in the Russian
Federation):

07.00.00 History and
Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political
Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Luzianin Sergei G., DSc (History); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yuri S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History); Shport Yulia A.; Skvortsova Elizaveta M.; Surkova Tatiana I. (*Head of Editors Office*)

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2021, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Тимонина И.Л. Гастродипломатия Японии: экономические эффекты.....	6
Толстогузов С.А. Рай Санъё и «Нихон гайси»	26
Borisova A.A. The influence of the ICT on relationships in the family of modern Japanese (based on the Japanese students' survey).....	44
Садокова А.Р. Время рассказывать сказки: традиция исполнения фольклорных текстов в Японии.....	61
Дьячков И.В. Взаимные исторические претензии КНДР и Японии	78
Добринская О.А. Теоретические подходы к международным отношениям в Японии.....	92
Стрельцов Д.В. Российское направление политики Японии в Арктике.....	110
Лугавцова А.П. «Монахи О:баку» как отражение истории формирования учения в Японии периода Эдо (1603–1868)	127

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2021, No. 2

CONTENTS

Timonina I.L. Japan's gastrodiploamacy: economic effects	6
Tolstoguzov S.A. Rai San'yō and <i>Nihon Gaishi</i>	26
Borisova A.A. The influence of the ICT on relationships in the family of modern Japanese (based on the Japanese students' survey).....	44
Sadokova A.R. It's story time: the tradition of presenting folklore texts in Japan.....	61
Dyachkov I.V. Mutual historical accusations between the DPRK and Japan	78
Dobrinskaya O.A. Theoretical approaches to international relations in Japan	92
Streltsov D.V. The Russian vector of Japan's policy in the Arctic	110
Lugavtsova A.P. "Ōbaku monks" in the history of the formation of the Ōbaku sect in Japan during the Edo period (1603–1868).....	127

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-6-25

Гастродипломатия Японии: экономические эффекты

И.Л. Тимонина

Аннотация. Гастродипломатия – представление страны через ее гастрономические (кулинарные) традиции и продукты – превратилась в одно из популярных и перспективных направлений культурно-гуманитарного сотрудничества стран, действенный инструмент реализации концепции «мягкой силы».

Гастродипломатия Японии является «многофункциональным» инструментом, с помощью которого решаются самые разные задачи. Наряду с выполнением дипломатических функций в качестве одного из элементов культурной дипломатии и инструмента «мягкой силы», распространение японских кулинарных традиций за рубежом способствует экспорту продуктов питания и продвижению японских ресторанов, что особенно актуально в условиях относительного снижения конкурентоспособности экспортных отраслей обрабатывающей промышленности Японии. Повышение популярности и узнаваемости японской еды и кулинарных традиций за рубежом также может содействовать решению других социально-экономических задач страны – поддержки аграрного сектора и туризма, оживления сельских районов, привлечения инвестиций в Японию.

Гастродипломатия в Японии – это политика не только государства, но и предпринимательского сектора, и осуществляется она на основе частно-государственного партнерства. В Японии действует целый ряд неправительственных некоммерческих предпринимательских организаций, связанных с темой еды. В кооперации с государственными организациями (например, ДЖЕТРО) они проводят семинары по практикам зарубежной экспансии для японских предпринимателей, организуют различные международные мероприятия, проводят обучение и тренинги по японской кухне в сотрудничестве с кулинарными организациями и школами в разных странах и играют большую роль в коммуникации ресторанного бизнеса и правительства.

В настоящее время в Японии формируется своеобразная модель («экосистема») взаимно поддерживающегося роста отраслей и видов деятельности, связанных с гастродипломатией: гастродипломатия – рост популярности японской кухни за рубежом – увеличение числа иностранных туристов, приезжающих в Японию, в том числе в регионы – рост популярности японской кулинарии и продуктов за рубежом – рост экспорта продуктов питания.

Ключевые слова: Япония, гастродипломатия, «бренд Японии», туризм, региональное развитие, Cool Japan, сельскохозяйственный экспорт.

Автор: Тимонина Ирина Львовна, доктор экономических наук, профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11), Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (адрес: 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр.1). ORCID: 0000-0002-3726-9164; E-mail: timonina2000@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тимонина И.Л. Гастродипломатия Японии: экономические эффекты // Японские исследования. 2021. № 2. С. 6–25. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-6-25

Japan's gastrodiploamacy: economic effects

I.L. Timonina

Abstract. Gastrodiploamacy – representing the country through its gastronomic (culinary) traditions and products – has become one of the most popular and promising areas of public diploamacy aimed at creating a favorable image of the country.

Gastrodiploamacy in Japan is a «multifunctional» tool that solves a variety of problems. Along with performing diploamatic functions as one of the elements of cultural diploamacy and a tool of «soft power», the spread of Japanese culinary traditions abroad contributes to the export of food products and the promotion of Japanese restaurants abroad, which is especially important in the context of the relative decline in the competitiveness of Japan's manufacturing export industries. Increasing the popularity and awareness of Japanese food and culinary traditions abroad can also contribute to solving other social and economic problems of the country – supporting the agricultural sector and tourism, revitalizing rural areas, and attracting investment to Japan.

Gastrodiploamacy in Japan is a policy not only of the state, but also of the business sector, and it is carried out on the basis of public-private partnership. In Japan, there are a number of non-governmental non-profit business organizations related to the topic of food. In cooperation with government organizations (such as JETRO), they conduct seminars on foreign expansion practices for Japanese entrepreneurs, organize various international events, conduct training sessions on Japanese cuisine in cooperation with culinary organizations and schools in different countries, and play a major role in communication between the restaurant business and the government.

Currently, in Japan, a kind of a model («ecosystem») of mutually supporting growth of industries and activities associated with gastrodiploamacy: gastrodiploamacy – the growing acceptance of Japanese cuisine abroad – increasing numbers of foreign tourists coming to Japan, including to the regions – the growing popularity of Japanese cuisine and products abroad – the growth of food exports.

Keywords: Japan, gastrodiploamacy, the Japan brand, tourism, regional development, Cool Japan, agricultural export.

Author: Timonina Irina L., Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (address: 11, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (address: 82 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-3726-9164; E-mail: timonina2000@yahoo.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Timonina I.L. (2021). Gastrodiploamatiya Yaponii: ekonomicheskiye efekty [Japan's gastrodiploamacy: economic effects]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia]. 2021, 2, 6–25. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-6-25

В последние десятилетия гастродипломатия – представление страны через ее гастрономические (кулинарные) традиции и продукты – превратилась в одно из популярных и перспективных направлений публичной дипломатии, инструмент «мягкой силы», способствующий формированию благоприятного имиджа страны¹.

¹ Считается, что первым употребил термин «гастродипломатия» (англ. gastrodiploamacy) в 2002 г. автор журнала The Economist в материале о Таиланде. См.: Thailand's gastro-diploamacy // The Economist. 2020. <https://www.economist.com/asia/2002/02/21/thailands-gastro-diploamacy> (дата обращения: 10.01.2021).

Гастрономические традиции, национальные продукты, способы их приготовления и подачи признаются международным сообществом элементами культурного наследия человечества. С 2008 г. ЮНЕСКО уже внесла в Список нематериального культурного наследия 13 национальных кухонь, кулинарных традиций, продуктов. В 2013 г. в этот список была включена и традиционная кулинарная культура Японии *васёку*, представленная в ЮНЕСКО в качестве социальной практики, основанной на совокупности навыков, знаний, практики и традиций, связанных с производством, переработкой, приготовлением и потреблением пищи, и опирающейся на дух уважения к природе и устойчивое использование природных ресурсов (табл. 1)².

Таблица 1. Национальные кухни, кулинарные традиции и продукты, внесенные ЮНЕСКО в список нематериального культурного наследия человечества³.

Страна	Нематериальные культурные ценности	Год
Франция	Гастрономия	2010
Италия, Испания, Греция и Марокко	Средиземноморская диета	2010
Португалия, Кипр и Хорватия		2013
Япония	Васёку – традиционные диетические культуры японцев, особенно для празднования Нового года	2013
Грузия	Древнегрузинский традиционный способ производства вина Квеври	2013
Республика Корея	Кимчи, изготовление и распространение кимчи	2014
Армения	Лаваш, приготовление, значение и внешний вид традиционного хлеба как выражение культуры	2014
Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Оман, Катар	Арабский кофе, символ щедрости	2015
Азербайджан	Традиции создания и обмена долмы, маркер культурной самобытности	2017
Малави	Нсима, кулинарные традиции	2017
Алжир, Мавритания, Марокко, Тунис	Знания, ноу-хау и практика, относящиеся к производству и потреблению кускуса	2019 (номинация)
Грузия	Культура эндемичных видов пшеницы и ландрасов, выращивание и использование	2019 (номинация)
Сингапур	Культура лоточников, общих столовых и кулинарные практики в мультикультурном городском контексте	2019 (номинация)

² Washoku, traditional dietary cultures of the Japanese, notably for the celebration of New Year // UNESCO. 2013. <https://ich.unesco.org/en/RL/washoku-traditional-dietary-cultures-of-the-japanese-notably-for-the-celebration-of-new-year-00869> (дата обращения: 06.10.2020).

³ Составлено по: Browse the Lists of Intangible Cultural Heritage and the Register of good safeguarding practices // UNESCO. 2013. [https://ich.unesco.org/en/lists?text=&inscription\[\]=00010&country\[\]=00112&multinational=3&display1=inscriptionID#tabs](https://ich.unesco.org/en/lists?text=&inscription[]=00010&country[]=00112&multinational=3&display1=inscriptionID#tabs) (дата обращения: 06.10.2020); Washoku, traditional dietary cultures of the Japanese, notably for the celebration of New Year // UNESCO. 2013. <https://ich.unesco.org/en/RL/washoku-traditional-dietary-cultures-of-the-japanese-notably-for-the-celebration-of-new-year-00869> (дата обращения: 06.10.2020); Files 2020 under process // UNESCO. 2020. <https://ich.unesco.org/en/files-2020-under-process-01053> (дата обращения: 06.07.2020).

О высоком уровне и международном признании японской кухни свидетельствует также тот факт, что в выпуске путеводителя «Мишлен» на 2021 г. Токио снова получил больше звезд, чем любой другой город в мире. В гиде были отмечены 446 ресторанов, 34 отеля и рёкана, из которых 12 получили по 3 звезды, 42 – по 2 и 158 – по одной⁴.

Во многих странах мира (например, в Тайване, Таиланде, Южной Корее, Малайзии, Перу, США) разработаны и реализуются стратегии, специальные программы и проекты в сфере кулинарной дипломатии.

В Японии продвижение национальной гастрокультуры и еды за рубеж также рассматривается в качестве инструмента «мягкой силы», в том числе для продвижения «бренда Японии». В рамках Рабочей группы по «бренду Японии» (Japan Brand Working Group), созданной в 2005 г., действует специальное подразделение по продвижению пищевых исследований (Shoku-bunka kenkyū suishin kondankai, Food Research Promotion Discussion Group)⁵.

В 2010 г. Министерство экономики, торговли и промышленности (МЭТП) и Министерство иностранных дел (МИД) Японии представили доклад, посвященный развитию и продвижению «культурных индустрий» (Towards Nation Building Through Cultural Industries), в котором кулинарные традиции были включены в перечень элементов культурной дипломатии.

Популяризация традиционной японской кулинарии, еды и напитков включена и в национальную стратегию Cool Japan, направленную на консолидацию усилий государства и частного сектора по эффективному продвижению японского культурного контента⁶.

МИД Японии, посольства и консульства поддерживают различные гастрономические мероприятия в странах пребывания, организуя деловые завтраки и ужины, дегустации, презентации японских продуктов. Например, во время одного из международных ресторанных шоу в Нью-Йорке генеральное консульство Японии устроило прием в официальной резиденции посла в поддержку кампании «Васёку – попробуй японскую хорошую еду». Это событие также стало стартом для открытия японского павильона на международной ресторанной выставке⁷.

И это, конечно, не единичный пример, работа по продвижению японской гастрокультуры ведется МИД постоянно и систематически, о чем может свидетельствовать список мероприятий, организованных МИД при участии других государственных организаций, компаний и специалистов по японской кухне в рамках реализации программы «бренда Японии» (табл. 2).

⁴ Токио – снова кулинарная столица мира // Japan National Tourism Organization. 2020. <https://visitjapan.ru/news/michelin-tokyo-2021/> (дата обращения: 06.07.2020).

⁵ Eight Great Gastrodiplomacy Nations // University of Southern California. 2015. <https://uscpublicdiplomacy.org/story/eight-great-gastrodiplomacy-nations> (дата обращения: 06.07.2020).

⁶ Japan Revitalization Strategy – JAPAN is BACK // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2013. https://www.maff.go.jp/j/kokusai/renkei/fta_kanren/pdf/en_saikou_jpn_hon.pdf (дата обращения: 11.01.2021). С. 135.

⁷ Washoku – Try Japan's Good Food (And Sake!) // Urban Sake (blog). 2010. <https://www.urbansake.com/washoku-try-japans-good-food-and-sake/> (дата обращения: 11.01.2021).

Таблица 2. Мероприятия в рамках Japan Brand Program⁸.

Дата	Название мероприятия/ Место проведения	Участники
Октябрь 2019	<i>Церемония японской каллиграфии и чая</i> Саудовская Аравия (Эр-Рияд) Турция (Анкара) Иордания (Амман)	Institute for Japanese Culture Experience and Education
Ноябрь 2018	<i>Японский виски</i> Канада (Торонто) США (Нэшвилл)	Hombo Shuzo Co., Ltd.
Февраль 2017	<i>Японские традиционные кондитерские изделия</i> Великобритания (Лондон, Эдинбург)	Japanese Confectionery Master, Baikatei Kagurazaka
Ноябрь 2015	<i>Семинар японского сакэ</i> США (Нэшвилл, Атланта)	Maiko Tsuji, Master Brewer (Toji), Tsuji Honten
Октябрь 2015	<i>Семинар японского сакэ</i> Австралия (Перт) Фиджи	Kobe Shu-Shin-Kan Brewery
Март 2015	<i>Семинар японского сакэ</i> Австралия (Мельбурн)	
Март 2015	<i>Японское вино</i> Ливан Бельгия	
Ноябрь 2014	<i>Вечер японского сакэ</i> Перу Ямайка	

Наряду с выполнением «культурно-дипломатических функций» распространение японских кулинарных традиций за рубежом выступает как инструмент стимулирования экспорта продуктов питания и распространения японских ресторанов, что особенно актуально в условиях относительного снижения конкурентоспособности экспортных отраслей обрабатывающей промышленности Японии. Повышение популярности и узнаваемости японской еды и кухни за рубежом благодаря гастродипломатии также может способствовать решению других социально-экономических задач страны – поддержки аграрного сектора и туризма, оживления регионов, привлечения инвестиций в Японию.

Экспорт сельскохозяйственной и пищевой продукции

Наращивание экспорта сельскохозяйственной и пищевой продукции является одним из направлений Плана создания стратегических рынков (Strategic Market Creation Plan), включенного в Стратегию возрождения Японии 2013 г. (Japan Revitalization Strategy – JAPAN

⁸ Составлено по: Japan Brand Program // Ministry of Foreign Affairs. 2020. https://www.mofa.go.jp/p_pd/pds/page22e_000759.html (дата обращения: 06.07.2020).

is BACK), а также общей стратегии развития аграрного сектора и повышения его конкурентоспособности (The Agricultural Competitiveness Strengthening Program), Плана содействия формированию глобальных «пищевых» цепочек стоимости⁹. Такой экспорт в настоящее время и в абсолютном и относительном измерении невелик (около 1 % общей стоимости японского экспорта в 2019 г.), хотя и демонстрирует положительную динамику (диагр.1).

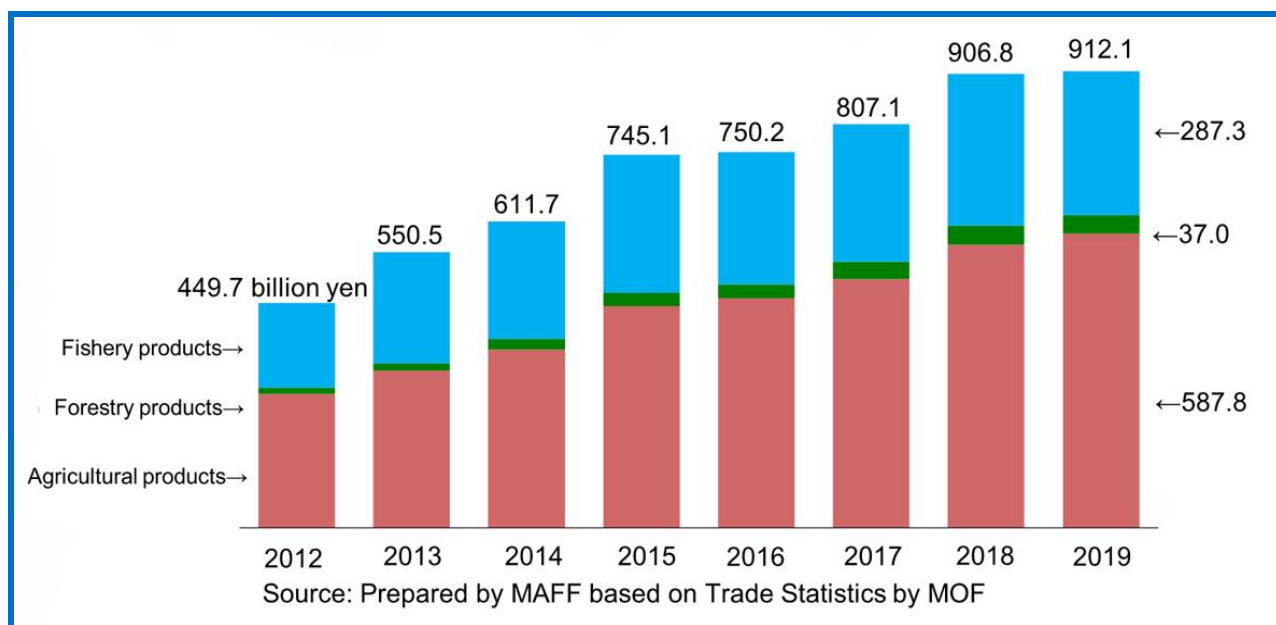

Диаграмма 1. Экспорт продукции сельского, лесного и рыбного хозяйства и продуктов питания из Японии¹⁰.

В качестве одного из важнейших инструментов освоения такого глобального рынка как рынок продуктов питания в названных выше планах рассматривается продвижение японской пищевой культуры за рубеж. В правительственных документах были обозначены и конкретные меры в области интернационализации японской пищевой культуры:

1) содействие использованию японских пищевых ингредиентов (Made from Japan) в различных национальных кухнях за рубежом, популяризация японской кухни на ЭКСПО 2015 в Милане¹¹;

2) «глобализация японской еды» на зарубежных рынках (Made by Japan): создание деловой среды, поощрение человеческих ресурсов, меры против нарушения прав интеллектуальной собственности, использование возможностей Фонда японского бренда;

⁹ Plan to Promote the Establishment of Global Food Value Chain // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2019. https://www.maff.go.jp/j/kokusai/kokkyo/food_value_chain/attach/pdf/plan_en_document.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

¹⁰ FY2019 Summary of the Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2019. <https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-177.pdf> (дата обращения: 11.01.2021). Р. 15.

¹¹ Тема выставки «Накормить планету. Энергия для жизни» (Nutrire il Pianeta, Energia per la Vita, Feeding the Planet, Energy for Life).

3) экспорт сельскохозяйственной и пищевой продукции (Made in Japan): разработка экспортной стратегии для каждого рынка и каждого товара, использование возможностей Фонда инноваций для сельского, лесного, рыбного хозяйства;

4) содействие производству продуктов, удовлетворяющих современным потребностям рынка – «высокофункциональной» еды (имеются в виду «здоровые», экологически чистые продукты питания – *И.Т.*) и экспорт этой продукции¹².

Одним из важнейших условий успешного продвижения японской пищевой культуры и наращивания экспорта продуктов питания правительство Японии считает внедрение системы международных стандартов безопасности пищевых продуктов НАССР (Hazard Analysis and Critical Control Points¹³) на японских предприятиях с тем, чтобы японские производители могли беспрепятственно экспортировать свою продукцию в США, Европу и другие страны, законодательно принявшие данную систему, а японские рестораторы могли использовать японские пищевые ингредиенты в своих заведениях за рубежом. О важности данной проблемы свидетельствует, в частности, тот факт, что во время ЭКСПО 2015 в Милане организаторы японского фуд-корта столкнулись с проблемами, связанными с использованием японской свинины, качество которой не соответствовало стандартам безопасности НАССР¹⁴.

Работа по внедрению системы НАССР началась в Японии еще в 2000 г. По данным Отдела производства пищевых продуктов Бюро пищевой промышленности Министерства сельского хозяйства, который проводит обследование предприятий отрасли, в 2020 г. 23 % обследованных предприятий придерживаются стандартов НАССР, 18 % находятся в процессе внедрения, 21 % рассматривает такую возможность, 19 % не определились и 20 % не осведомлены о системе. В то же время показательно, что в среде предприятий-экспортеров ситуация иная – 41 % уже внедрились систему¹⁵.

В Японии также внедряется сертификация сельскохозяйственных продуктов по национальным, региональным и международным стандартам GAP (JGAP Advance, ASIA

¹² Japan Revitalization Strategy – JAPAN is BACK // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2013. https://www.maff.go.jp/j/kokusai/renkei/fta_kanren/pdf/en_saikou_jpn_hon.pdf (дата обращения: 11.01.2021). Pp. 120-121; Strategic Market Creation Plan (Roadmap) // Prime-Minister Office of Japan. 2020. https://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/rm_en.pdf (11.01.2021). P. 14.

¹³ Система НАССР (Hazard Analysis and Critical Control Points) -- система управления безопасностью пищевых продуктов, предусматривающая систематическую идентификацию, оценку и управление опасными факторами, существенно влияющими на безопасность продукции. Система управления безопасностью пищевых продуктов, предусматривающая систематическую идентификацию, оценку и управление опасными факторами, существенно влияющими на безопасность продукции. В начале XXI века в США, Канаде и Евросоюзе наличие системы НАССР стало обязательным требованием. См.: Hazard Analysis and Critical Control Point (НАССР) System and Guidelines for its Application // The Food and Agriculture Organization. 1997. <http://www.fao.org/3/Y1579E/y1579e03.htm> (дата обращения: 06.07.2020).

¹⁴ Japan Revitalization Strategy – JAPAN is BACK // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2013. https://www.maff.go.jp/j/kokusai/renkei/fta_kanren/pdf/en_saikou_jpn_hon.pdf (дата обращения: 11.01.2021). Pp. 120-121.

¹⁵ Сёкухин сэйдо:гё: ни окэру НАССР ни цуита эйсэй канри но до:ню: дзё:кё: дзиттай тё:са кэкка – НАССР ни цуита эйсэй канри о до:ню: дзюми дзигё:ся ва 23% : [Результаты исследования ситуации с внедрением гигиенических норм согласно НАССР в пищевой промышленности – 23% предприятий внедрились гигиенические практики в соответствии с НАССР] // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2020. https://www.maff.go.jp/j/shokusan/sanki/haccp/attach/pdf/h_toukei-6.pdf (дата обращения: 05.09.2020).

GAP, GLOBAL GAP)¹⁶, что, по мнению экспертов Министерства сельского хозяйства, также будет способствовать экспорту (табл. 3)¹⁷.

Таблица 3. Число японских сельскохозяйственных продуктов, сертифицированных по глобальному и локальным стандартам GAP (2018)¹⁸.

Стандарт	Число продуктов
GLOBAL GAP	699
ASIA GAP	1869
JGAP Advance	2773

Помимо Министерства сельского хозяйства большую роль в продвижении, маркетинге, популяризации японских ресторанов и продуктов за рубежом играет государственная Организация содействия внешней торговле и инвестициям ДЖЕТРО, в рамках которой в 2017 г. был основан Японский центр продвижения пищевых продуктов за рубежом (The Japan Food Product Overseas Promotion Center – JFOODO).

Центр занимается оказанием услуг, связанных с организацией экспорта продуктов питания, планированием и проведением торговых выставок, ярмарок, деловых встреч в Японии и за рубежом, семинаров для японских и иностранных предпринимателей, т.е. созданием прочной платформы для рекламных акций и продвижения брендов, стимулирующих международный спрос¹⁹.

Важным направлением деятельности не только Центра, но всей организации ДЖЕТРО является деловой туризм, в том числе с целью ознакомления потенциальных инвесторов с местными производителями пищевых продуктов и с этими уникальными региональными продуктами. Например, один из туров предлагает посещение музея лапши Cupnoodles Museum. Как подчеркивается в материалах ДЖЕТРО, возникнув в Японии, лапша быстрого приготовления теперь стала «глобальной диетой»²⁰.

¹⁶ Global GAP – международный стандарт для производителей сельскохозяйственной продукции. Целью этого стандарта является обеспечение безопасности продуктов питания, здоровья и безопасности работников и охраны окружающей среды. JGAP был запущен в 2005 г. и представляет собой стандартный японский GAP, который уже получил поддержку многих заинтересованных сторон и имеет необходимое и достаточное содержание для японских сельскохозяйственных производителей. ASIAGAP позиционируется и разворачивается как общая платформа GAP в Азии в качестве международного стандарта, одобренного GFSI, который добавляет требования GFSI (Global Food Safety Initiative, Глобальная инициатива по безопасности пищевых продуктов). См.: GLOBALG.A.P.: о стандарте // Inter Konsalt. 2020. <https://www.iksystems.ru/a592/> (дата обращения: 05.12.2020); GAP нинсё ни цуитэ // Japan Gap Foundation. 2020. <https://jgap.jp/gap/difference.html> (дата обращения: 06.07.2020).

¹⁷ FY2016 Summary of the Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2016. <https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-57.pdf> (дата обращения: 06.01.2021). P. 11; FY2019 Summary of the Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2019. <https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-177.pdf> (дата обращения: 11.01.2021). P. 12.

¹⁸ Источник: FY2019 Summary of the Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2019. <https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-177.pdf> (дата обращения: 11.01.2021). P. 12.

¹⁹ The Japan Food Product Overseas Promotion Center (JFOODO) // Japan External Trade Organization. 2020. <https://www.jetro.go.jp/en/jfoodo/> (дата обращения: 11.01.2021).

²⁰ В этом интерактивном музее можно познакомиться с историей этого блюда. Посетители также могут создать свою собственную оригинальную лапшу для чашек на «My Cupnoodles Factory». См: Cupnoodles

ДЖЕТРО, как участник программы COOL JAPAN, также организовал и поддерживает целый ряд специальных сайтов для потенциальных экспортеров (и импортеров) сельскохозяйственной, лесной, рыбной продукции, продовольствия и спиртных напитков, где компании могут найти партнеров в Японии и за рубежом²¹. ДЖЕТРО размещает детальную информацию о тематических (продовольственных) выставках и ярмарках, проходящих в разных странах мира, и отдельно о зарубежных мероприятиях, в том числе промоакциях, организуемых ДЖЕТРО и Министерством сельского хозяйства.

Кроме того ДЖЕТРО оказывает информационную и PR-поддержку программе сертификации японских магазинов продуктов питания и ингредиентов за рубежом в качестве официальных «сторонников японской кухни».

Японские рестораны за рубежом: количество и качество

В деле стимулирования экспорта сельскохозяйственной и пищевой продукции большие надежды Министерство сельского хозяйства, как и другие государственные организации, заинтересованные в международном продвижении японской пищевой культуры и продуктов, возлагает на распространение японских ресторанов за рубежом. Нельзя не отметить, что ресторанная индустрия в самой Японии – это крупная отрасль, которая поддерживает занятость, в том числе и на местном уровне. В 2018 г. рынок отрасли, где действовало более 591 тыс. ресторанов, кафе и баров, оценивался (по совокупной стоимости) примерно в 29 трлн иен, а численность занятых составляла более 4 млн человек²².

Своеобразный «бум» японской кухни за рубежом начался еще в 1990-е годы. Популярность японской кухни в мире и в XXI веке велика. В ходе опроса потребителей за пределами Японии на тему «Какая ваша любимая иностранная еда?», проведенного JETRO в 2013 г., 83,4 % опрошенных назвали японскую еду (опрос предполагал возможность выбора нескольких ответов). В ходе того же опроса выяснилось, что за популярностью японской кухни стоит стремление к здоровому питанию: у потребителей сложился образ японской еды как здоровой. Когда американцев спрашивали, почему они ходят в японские рестораны, вторым по распространенности ответом после «мне нравится вкус» был «это полезно»²³.

Число японских ресторанов за рубежом к 2019 г. утроилось по сравнению с 2013 г. и превысило 156 тыс. (диагр. 2).

Museum (official name: Momofuku Ando Instant Ramen Museum) // Japan External Trade Organization. 2020. https://www.jetro.go.jp/en/ind_tourism/cupnoodle_museum.html (дата обращения: 06.01.2021).

²¹ Japanese Agricultural, Forestry and Fishery Products // Japan External Trade Organization. 2020. <https://www.jetro.go.jp/tppoas/special/agri/agris.html> (дата обращения: 11.01.2021).

²² FY2019 Summary of the Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2019. <https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-177.pdf> (дата обращения: 11.01.2021). P. 19; Statistical Handbook of Japan 2020 // Statistics Bureau of Japan. 2020. from <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/c0117.html> (дата обращения: 11.01.2021). P. 106.

²³ Special Report: Serving Japanese Food to the World, Aided by the Health-Conscious Boom // Japan External Trade Organization. November 2013. https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/2013_11_other.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

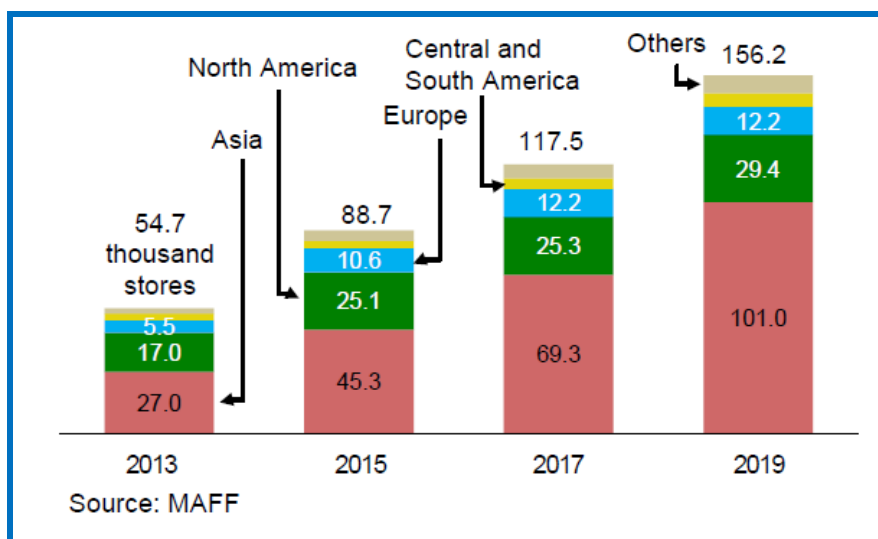

Диаграмма 2. Число японских ресторанов за рубежом (тыс.)²⁴.

Однако на фоне роста количественных показателей зарубежного успеха японской ресторанной индустрии возникла опасность «размывания» бренда японской кулинарии. Весьма тактично, но вполне определенно об этом говорили, в частности, представители Японской ассоциации общественного питания и некоммерческой организации «Японские рестораны за рубежом», указывая на то, что многие «японские» рестораны по управлению и собственности являются, например, китайскими и корейскими, и менеджмент вносит свои изменения в организацию процесса²⁵.

Для того, чтобы не допустить дискредитации японских кулинарных традиций, Министерство сельского хозяйства проводит сертификацию ресторанов японской кухни и магазинов, использующих японские пищевые продукты. По данным на 2019 г. 4776 ресторанов были сертифицированы как «рестораны, использующие продукты и ингредиенты, произведенные в Японии». К концу октября 2020 г. сертификаты получили уже 5362 магазина и ресторана, в том числе 10 в РФ (5 – в Москве, 4 – в Санкт-Петербурге и 1 – на Сахалине)²⁶.

Обратив внимание на формулировку «продукты, произведенные в Японии», можно сделать вывод, что система сертификации способствует не только «интернационализации» ресторанного бизнеса, но и экспорту японских пищевых продуктов.

Министерство оказывает и информационную поддержку японскому ресторанному бизнесу и торговле: на его официальном сайте можно найти информацию об «аутентичных» местных японских ресторанах и розничных магазинах японской кухни, где посетитель сайта,

²⁴ Источник: FY2019 Summary of the Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2019. <https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-177.pdf> (дата обращения: 11.01.2021). Р. 15.

²⁵ Мирано бампаку э но нихонсёку рэсаторан сюттэн ва дайсэйко: [Открытие японского ресторана на Милан Экспо стало большим успехом] // Japan Food Restaurant Overseas Promotion. 2015. http://jronet.org/report/2015/milano_sp6/ (дата обращения: 23.06.2021).

²⁶ List of stores and restaurants // Japan External Trade Organization. 2020. https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/trends/foods/supporter/list_store_restaurant_20201031.pdf (дата обращения: 11.01.2021); The certification program of Japanese Food and Ingredient Supporter Stores Overseas // Japan External Trade Organization. 2020. <https://www.jetro.go.jp/en/trends/foods/supporter.html> (дата обращения: 11.06.2020).

выбрав страну, город, блюда и/или интересующие японские продукты, может найти подходящее заведение в любой стране²⁷.

Не осталась без внимания и проблема квалификации поваров: они также сертифицируются. К настоящему времени сертификаты мастеров японской кухни получили 1375 шеф-поваров, работающих за рубежом, а 109 человек получили звание «послов доброй воли японской кухни». В 2019 г. такого звания были удостоены и рестораторы, работающие в РФ: бренд-шеф ресторана «Итибан боси» Хидэки Хасимото и владелец «Фурусато» Ютака Мияниси²⁸. Кроме того, Министерство ежегодно награждает людей, внесших выдающийся вклад в дело распространения японской кухни и японских сельскохозяйственных и рыбных продуктов за рубежом²⁹. Министерство также проводит ежегодный конкурс для неазиатских шеф-поваров, глубоко заинтересованных в японской кухне и стремящихся улучшить свои навыки и знания. В 2019 г. региональные отборочные турниры проходили в пяти городах мира, а финальный турнир с 5 финалистами – в Токио. В 2020 г. из-за пандемии конкурс проходил онлайн³⁰.

Гастродипломатия, туризм и возрождение регионов

Как мы отмечали выше, гастродипломатия Японии помимо реализации задач культурной дипломатии может иметь и различные экономические эффекты. Здесь будет уместным упомянуть о роли гастродипломатии в оживлении периферийных, в том числе сельских районов Японии. В ныне действующем плане регионального развития Японии – Стратегии пространственного развития (2008, 2015) заложена идея максимальной мобилизации внутренних ресурсов регионов, в том числе на основе использования рекреационного потенциала и развития туризма [Тимонина 2020], что, в свою очередь, во многом зависит от возможности предложения уникальных местных продуктов, их узнаваемости и развития гастротуризма³¹. А для многих периферийных регионов гастрономия составляет наиболее привлекательную часть их местного туристического предложения.

Инициативы местных властей и местного бизнеса в данном направлении поддерживаются государством не только в рамках реализации не только региональной политики, но и программ Cool Japan и «Одна деревня – один продукт», стратегии развития туризма, сельскохозяйственной политики.

²⁷ The Guide for You to Find Japanese Cuisine, Local Restaurant, and Food Retail Store // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2020. <https://tasteofjapan.maff.go.jp/en/> (дата обращения: 10.01.2021).

²⁸ The List of Japanese Cuisine Goodwill Ambassadors (Japan) // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2019. <https://www.maff.go.jp/e/policies/market/attach/pdf/ambassa-4.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).

²⁹ The Winners of the Minister's Awards for Overseas Promotion of Japanese Food // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2020. <https://www.maff.go.jp/e/export/award/> (дата обращения: 11.11.2020).

³⁰ About the Washoku World Challenge // Washoku World Challenge. 2020. <https://washoku-worldchallenge.jp/2020/en/> (дата обращения: 06.07.2020).

³¹ По определению Комитета по туризму и конкурентоспособности UNWTO, гастрономический туризм – это вид туристической деятельности, который характеризуется опытом посетителя, связанным с едой и сопутствующими продуктами и мероприятиями во время путешествия (посещение местных производителей, участие в кулинарных фестивалях и посещение кулинарных классов). См.: Gastronomy Tourism – The Case of Japan // UN World Tourism Organization. 2019. <https://doi.org/10.18111/9789284420919> (дата обращения: 06.07.2020). Р. 11.

Министерство сельского хозяйства реализует комплексную программу развития местного «сельского» туризма (rural tourism) и рекламируя те или иные районы, помимо природы и исторических достопримечательностей, акцентирует внимание на местной кухне и продуктах под лозунгом «Смакуйте Японию – попробуйте региональные вкусы!»³². Местный туризм также находится в сфере внимания Министерства земель и государственного управления по туризму (Japan Tourism Agency), созданного в 2008 г., которое поставило целью выйти за рамки сосредоточения внимания на расширении экономических выгод для ограниченного числа предприятий, связанных с туризмом, а вместо этого содействовать созданию сообществ, которые приятно посещать и в которых приятно жить. Создание JТА и его миссия способствовали более широкому пониманию туризма как направления регионального развития.

Представление о том, насколько идеи и практика развития гастротуризма распространены в регионах, можно составить на основе данных опроса, проведенного Всемирной туристической организацией (World Tourism Organization UNWTO) в японских префектурах и муниципалитетах. В ходе опроса выяснилось, что пока только 18 % опрошенных знали термин «гастрономический туризм», 16 % знали, что гастрономический туризм привлекает внимание и продвигается за рубежом. 42 % проводили в своем регионе мероприятия, которые можно определить как связанные с гастрономическим туризмом. При этом 22 % муниципалитетов и 38 % префектур включили или планировали включить гастрономический туризм в свою политику в области развития туризма, что ниже среднего показателя (47 %), полученного по результатам международного опроса стран-членов UNWTO. При этом 66 % респондентов, действующих в сфере гастротуризма, заявили, что опираются на государственно-частное партнерство, и это является отличительной чертой Японии по сравнению с другими странами.

В ходе исследования были выявлены также следующие тенденции гастрономического туризма в Японии, которые в целом совпадают с выводами автора данной статьи:

- ✓ государственные чиновники, занимающиеся продвижением туризма, смещают свое внимание с простого увеличения экономического эффекта для отрасли общественного питания на устойчивое региональное развитие;
- ✓ развитие гастротуризма тесно связано с политикой в области сельского хозяйства и в области регионального развития;
- ✓ гастрономический туризм в Японии рассматривается как форма конвергенции этих различных стратегий социально-экономического развития;
- ✓ местные органы власти тесно сотрудничают с предприятиями частного сектора, в том числе действующими в пищевой промышленности³³.

То значение, которое в настоящее время придается гастрономическому туризму и в развитии туризма для страны в целом, и для регионов в особенности, объясняется объективными данными о предпочтениях иностранных туристов, посещающих Японию. В целом по всему зарубежному туристическому потоку от 20 до 25 % всех расходов иностранных туристов составляют расходы на рестораны и приобретение продуктов

³² Rural Development and Tourism // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2021. https://www.maff.go.jp/e/policies/rural_dev/index.html (дата обращения: 11.01.2021).

³³ Gastronomy Tourism – The Case of Japan // UN World Tourism Organization. 2019. <https://doi.org/10.18111/9789284420919> (дата обращения: 06.07.2020). P. 11.

питания. Желание попробовать японскую еду стоит на первом месте в мотивационном списке иностранных туристов (табл. 4).

Таблица 4. Мотивация иностранных туристов для посещения Японии (% от общего числа опрошенных, данные Японского туристического агентства, 2016)³⁴.

	Чем Вы хотите заняться во время визита в Японию?	Что Вы хотели бы сделать в свой следующий визит в Японию?
Попробовать японскую еду	72,1	59,3
Шоппинг	54,5	49,9
Поллюбоваться природой	47,9	43,5
Прогуляться по улицам городов	41,0	30,9
Насладиться горячими источниками	29,6	43,4
Выпить японское сакэ	22,1	22,2

Что касается туристических потоков в «отдаленные» регионы Японии (за пределами трех крупнейших агломераций), то по данным опроса, проведенного Управлением по туризму в 2014–2018 гг., соответственно 34,4 % и 27,9 % опрошенных иностранных туристов, намеревающихся посетить «отдаленные» регионы Японии, перед отъездом в Японию указывали на желание попробовать местную японскую еду в качестве одной из целей путешествия. Результаты другого опроса той же организации, касающегося времяпрепровождения туристов во время посещения «отдаленных» регионов, продемонстрировали реальный интерес к японской кухне (54,2 % ответов)³⁵. Среди продуктов и блюд японской «региональной» кухни туристам из Южной Кореи понравились мясные блюда на Хоккайдо, в Фукуоке и на Окинаве, а также *суси* во всех трех регионах. Тайваньские туристы из ярких гастрономических впечатлений выделили морепродукты на Хоккайдо, *рамэн* в Фукуоке и мясные блюда на Окинаве³⁶.

В 2016 г. в Японии стартовала уже упоминавшаяся выше программа Savor Japan («Исследуйте региональные вкусы») Министерства сельского хозяйства, направленная на поддержку региональных инициатив по привлечению туристов, которая сосредоточилась на региональных продуктах питания, сельском хозяйстве, лесном хозяйстве и рыболовстве. В 2017 г. заявки на участие в этой программе подали 28 префектур и 44 региона, из которых были отобраны 5 участников: район Токати на Хоккайдо, города Итиноэки и Хираидзуми в Иватэ, город Цуруока в префектуре Ямагата, район Масэ в городе Гэро, префектура Гифу, регион Западная Ава в префектуре Токусима³⁷. Министерство специально сертифицирует

³⁴ Составлено по: Gastronomy Tourism – The Case of Japan // UN World Tourism Organization. 2019. <https://doi.org/10.18111/9789284420919> (дата обращения: 06.07.2020). Р. 11.

³⁵ White Paper on Tourism in Japan, 2019 (Summary) // Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism. 2019. <https://www.mlit.go.jp/kankocho/en/siryou/content/001312296.pdf> (дата обращения: 11.01.2021). Р. 14.

³⁶ White Paper on Tourism in Japan, 2020 (Summary) // Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism. 2020. <https://www.mlit.go.jp/kankocho/en/siryou/content/001375676.pdf> (дата обращения: 11.01.2021). Р. 28.

³⁷ Gastronomy Tourism – The Case of Japan // UN World Tourism Organization. 2019. <https://doi.org/10.18111/9789284420919> (дата обращения: 06.07.2020). Р. 22.

регионы, использующие свои уникальные продукты для привлечения большего числа иностранных туристов, как регионы, представляющие «Вкус Японии».

В рамках программы развития местного туризма Министерство поддерживает 349 деревень и поселков, предлагающих для туристов «пакет», включающий размещение, мероприятия, местную кухню. Общее число туристов, включая иностранцев, посетивших эти объекты, в 2016–2018 гг. увеличилось с 2,88 до 3,66 млн чел.³⁸.

Цели повышения «гастрономической» привлекательности регионов отвечает и регистрация уникальных продуктов, обладающих характеристиками, связанными с их географическим происхождением (geographical indication GI), проводимая Министерством сельского хозяйства. По данным на 2019 г. таких продуктов было 94. Практика регистрации местных продуктов является, по сути, инструментом защиты прав интеллектуальной собственности. Дифференциация региональной брендовой продукции способствует распространению на рынке качественной продукции, повышению конкурентоспособности аутентичных местных продуктов на зарубежных рынках, что не может не отразиться на ее ценах³⁹.

Политика Министерства сельского хозяйства по поддержке местных брендов (не только пищевой продукции) тесно связана и координируется со стратегией развития и продвижения креативных и «культурных» отраслей экономики (мода, еда, анимация, товары повседневного спроса, традиционные японские ремесла) Cool Japan⁴⁰, инициированной МЭТП в 2010 г. Стратегия, в частности, предполагает формирование региональных брендов, развитие местной промышленности и продвижение ее продукции за рубеж⁴¹. Среди 222 официально признанных МЭТП местных традиционных продуктов (Officially Designated Traditional Craft Products) значительное число – это продукты питания⁴². Продвижение японской еды за рубеж, по замыслу авторов стратегии, должно поддерживаться распространением кулинарных программ и сериалов, что будет увеличивать продажи японских магазинов и ресторанов.

Нельзя не отметить, что программа Cool Japan явно перекликается с инициативой «Одна деревня – один продукт», которая возникла еще в 1979 г. как местная инициатива губернатора преф. Оита М. Хирамацу [Тимонина 2003], а затем стала общенациональным

³⁸ FY2019 Summary of the Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2019. <https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-177.pdf> (дата обращения: 11.01.2021). P. 27-28.

³⁹ FY2016 Summary of the Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2016. <https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-57.pdf> (дата обращения: 06.01.2021). P. 11; FY2019 Summary of the Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2019. <https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-177.pdf> (дата обращения: 11.01.2021). P. 16.

⁴⁰ Cool Japan Initiative Cabinet Office // Cabinet Office. 2020. https://www.cao.go.jp/cool_japan/english/pdf/cooljapan_initiative.pdf (дата обращения: 06.12.2020).

⁴¹ Cool Japan Strategy // Ministry of Economy, Trade and Industry. 2012. https://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/pdf/121016_01a.pdf (дата обращения: 01.11.2020).

⁴² Traditional Crafts of Japan // Ministry of Economy, Trade and Industry. 2015. https://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/pdf/Traditional_Crafts_of_Japan.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

движением (под эгидой МЭТП) по продвижению местных продуктов (в том числе продуктов питания, напитков, текстиля, одежды и т. д.)⁴³.

Знакомство туристов, посетивших Японию, с национальной, в том числе и местной, кухней, конечно, способствует популяризации японской кухни за рубежом и стимулирует приобретение японских продуктов питания после возвращения на родину, посещение японских ресторанов в других странах. Эта тенденция подтверждается данными опроса японского Управления по туризму (табл. 5).

Таблица 5. Тенденции потребления японских продуктов и посещения японских ресторанов после визита в Японию иностранцами или их родственниками (% от общего числа опрошенных)⁴⁴.

Мотивы	Приобретение японских сельскохозяйственных продуктов и продуктов питания		Приобретение алкоголя		Посещение японских ресторанов	
	Посещение Японии	Посещение Японии родственниками	Посещение Японии	Посещение Японии родственниками	Посещение Японии	Посещение Японии родственниками
Китай	41,4	18,6	28,2	21,9	41,0	16,4
Южная Корея	29,3	15,3	38,6	16,5	24,9	16,9
Тайвань	36,8	17,2	43,8	17,5	28,5	16,5
Гонконг	46,5	13,9	35,7	25,8	36,8	14,0
США	28,8	14,4	23,7	23,7	17,5	23,2

Таким образом, формируется своеобразный «виртуальный цикл»: гастродипломатия – рост популярности японской кухни за рубежом – увеличение числа иностранных туристов, приезжающих в Японию – рост популярности японской кулинарии и продуктов за рубежом – рост экспорта продуктов питания. Можно также представить этот «виртуальный цикл» и в виде цепочки создания стоимости, которая включает в себя множество участников в различных отраслях промышленности и сферы услуг и функционирование которой поддерживается внешней и внутренней политикой страны.

Эффект этого «цикла» для экономики Японии состоит в опережающем росте потребления товаров и услуг иностранными туристами по сравнению с общим ростом

⁴³ В настоящее время кампания «одна деревня – один продукт» стала одним из направлений экономической помощи Японии развивающимся странам, благодаря популяризации среди японских потребителей привлекательных товаров из африканских и азиатских стран, таких как текстиль и изделия ручной работы, что расширяет экспортные возможности этих стран. См.: One Village, One Product Campaign - Since 2006 // Ministry of Economy, Trade and Industry. 2020. https://www.meti.go.jp/english/policy/external_economy/trade/OVOP/index1.html (дата обращения: 11.01.2021).

⁴⁴ Составлено по: White Paper on Tourism in Japan, 2019 (Summary) // Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism. 2019. <https://www.mlit.go.jp/kankocho/en/siryou/content/001312296.pdf> (дата обращения: 11.01.2021). P. 21.

продаж в отраслях, связанных с туризмом. Так, в 2012–2017 гг. в ресторанном бизнесе посещаемость иностранными туристами выросла на 192,3 %, в то время как общий объем продаж в ресторанах Японии увеличился только на 1,3 %. Расходы иностранных туристов на продукты питания и напитки во время пребывания в Японии в тот же период выросли в 4 раза и составили около 20 % их общих расходов (включая размещение).

Управление по туризму также ежегодно фиксирует несколько случаев инвестиций в регионы в производство продуктов питания, обусловленных туристическим спросом: в ежегоднике по туризму за 2018 г. были приведены 6 случаев таких инвестиций – в производство кондитерских изделий и спиртных напитков⁴⁵.

Гастродипломатия и японский ресторанный бизнес

Гастродипломатия в Японии – это политика не только государства, но и предпринимательского сектора, и фактически она осуществляется на основе популярного ныне частно-государственного партнерства. В сфере продвижения на зарубежные рынки ресторанный бизнес, а также производители и дистрибьюторы пищевых продуктов в настоящее время действуют все более консолидированно. Понимание необходимости совместных действий укрепилось в среде «пищевого» бизнеса после Миланской ЭКСПО 2015 г., для участия в которой 7 японских рестораторов организовали консорциум, в то время как ранее они действовали, в основном, индивидуально. Попутно отметим, что участие японского ресторанного бизнеса в Milan Expo было оценено японскими деловыми кругами как «первый год глобализации ресторанной индустрии» и важный этап для создания плацдарма для продвижения на рынок всего Европейского союза⁴⁶.

В Японии действует ряд неправительственных некоммерческих предпринимательских организаций, связанных с «темой еды» – Japan Federation of Japanese Culinary Expert Associations, All Japan Sushi Associations, Sushi Skills Institute, Association for the Advancement of the Japanese Culinary, Art Japan Association of Training Colleges For Cooks, The Washoku Association of Japan, Japan Food Service Association, Japanese Restaurants Overseas. Наиболее влиятельными из них являются 2 последних.

Японская ассоциация общественного питания (日本フードサービス協会, Japan Food Service Association, далее JF) была создана в 1974 г. с одобрения Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства с целью «содействия развитию японской ресторанной индустрии и богатой культуры питания». В настоящее время в JF состоят 800 постоянных и ассоциированных компаний-членов, что делает ее крупнейшей организацией, связанной с ресторанной индустрией.

Одним из ведущих направлений деятельности JF в настоящее время стало распространение японской культуры питания, в том числе на основе сотрудничества с соответствующими организациями в Японии и за рубежом, в частности с американской Национальной ассоциацией ресторанов (NRA). JF проводит семинары для японских

⁴⁵ White Paper on Tourism in Japan, 2018 (Summary) // Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism. 2018. <https://www.mlit.go.jp/kankocho/en/siryoku/content/001312295.pdf> (дата обращения: 11.01.2021). Pp. 15, 19.

⁴⁶ Мирано бампаку э но нихонсёку рэсаторан сютэн ва дайсэйко: [Открытие японского ресторана на Милан Экспо стало большим успехом] // Japan Food Restaurant Overseas Promotion. 2015. http://jronet.org/report/2015/milano_sp6/ (дата обращения: 23.06.2021).

предпринимателей, планирующих открывать свои рестораны в других странах, участвует в различных международных мероприятиях и играет большую роль в коммуникации ресторанного бизнеса и правительства⁴⁷.

Например, когда в ходе участия японских рестораторов на Миланской ЭКСПО в 2015 г., прошедшей под лозунгом «Накормить планету. Энергия для жизни», выяснилось, что некоторые продукты питания, ввезенные из Японии, а также правила использования кухонного инвентаря не соответствуют стандартам ЕС, о чем мы уже упоминали выше, именно Ассоциация активно лоббировала приведение японских стандартов в соответствие с международными⁴⁸.

Некоммерческая организация «Японские рестораны за рубежом» (Japan Food Restaurant Overseas Promotion Organization, сокращенно Japanese Restaurants Overseas, далее JRO) была создана в 2007 г. с целью содействия в организации за рубежом ресторанов, использующих и демонстрирующих традиционные японские ингредиенты, кулинарные техники, дизайн, эстетику, продвижения японской кухни по всему миру и помощи японским компаниям в освоении зарубежных рынков для японских продуктов питания⁴⁹.

Формулируя свою миссию, организация подчеркивает, что «японская еда» – это ценность мирового класса, которая культивировалась на протяжении длительного времени, и делиться ею с населением других стран означает не только улучшать не только имидж Японии, но и мировую культуру питания. Японские рестораны предоставляют иностранцам возможности соприкоснуться с японской культурой и являются базой для передачи японской кухни и культуры, которую можно назвать «выставочным залом»⁵⁰.

Практическая деятельность организации сосредоточена на 4 основных направлениях:

1. Поддержка создания местных организаций, связанных с популяризацией японской кухни за рубежом, направление экспертов из Японии для проведения международных симпозиумов.

2. Издание специальных журналов на японском и английском языках, путеводителей по японским ресторанам, подготовка учебных материалов для улучшения навыков приготовления блюд японской кухни. Примеры изданий: «Информационная книга Umami», «Лучшие рестораны японской кухни в Америке», «Путеводитель по японским ресторанам» (Шанхайское, Бангкокское, Манильское, Амстердамское, Чикагское издания, издание Лос-Анджелеса).

⁴⁷ Кокусай корю: э но торикуми [Инициативы по международному обмену] // Japan Food Service Association. 2020. <http://www.jfnet.or.jp/world/world.html> (дата обращения: 06.10.2020); Нихон фу:до са:бису кё:кай (JF) ни цуйтэ [О Японской ассоциации общественного питания] // Japan Food Service Association. 2020. <http://www.jfnet.or.jp/jf/jf.html> (дата обращения: 06.07.2020).

⁴⁸ Нихон гайсёку кигё: но EU хонкаку синсюцу ва бидзинэсу тянсу [Деловые возможности по продвижению в ЕС для японского ресторанного бизнеса] // Japan Food Restaurant Overseas Promotion. 2016. http://jronet.org/report/2016/0720_netherlands-3/ (дата обращения: 06.11.2020).

⁴⁹ Umami – Tool That Helps Food Business Magic of Japanese cuisine demonstrated at the 2008 National Restaurant Association Show // Organization to Promote Japanese Restaurants Abroad. 2008. https://www.expertclick.com/images/NRWUpload/JROpostrelease_Final_ExpertClick.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

⁵⁰ Токутэй хийри кацудо: хо:дзин нихонсёку рэсугоран кайгай фукуо: суйсин кико: ни цуйтэ [О Некоммерческой организации «Японские рестораны за рубежом»] // Japan Food Restaurant Overseas Promotion. 2020. <http://jronet.org/about/active/> (дата обращения: 06.07.2020).

3. Направление инструкторов из Японии для проведения семинаров по методам приготовления блюд и правилам гигиены, обучение и тренинги по японской кухне в сотрудничестве с кулинарными организациями и школами в разных странах.

4. Изучение потребностей клиентов и покупателей в отношении японских продуктов питания, осуществление PR-деятельности через связи с местными СМИ.

5. Обмен информацией с зарубежными партнерами для активного использования японских ингредиентов в японских ресторанах каждой страны, деловые переговоры по поводу использования японских ингредиентов.

6. Исследование проблем, связанных с карантином, тарифами в каждой стране⁵¹.

В 2008 г. JRO открыла офисы в Бангкоке, Шанхае, Тайбэе, Амстердаме, Лондоне, Лос-Анджелесе и Париже. Вскоре после этого была основана первая японская кулинарная школа в Великобритании Sozai, проведена серия семинаров по сакэ в Лондоне и Париже⁵².

После того, как в 2017 г. стартовала система сертификации шеф-поваров японской кухни для иностранцев, JRO начала проводить учебные семинары для иностранцев, изучающих японскую кухню. Организация совместно с JF и консорциумом 7 японских ресторанов с успехом участвовала в проекте Japan Food Court Project на Миланской ЭКСПО в 2015 г.

Наряду с несомненными успехами в международном продвижении национальной кухни японский бизнес встречает на этом пути и проблемы, связанные и со спецификой отрасли, и с особенностями привычек и вкусовых предпочтений людей в разных странах. Вообще бизнес, связанный с питанием, требует серьезной адаптации к местным условиям, что не должно повредить аутентичности национальной кухни. С этой проблемой сталкиваются рестораторы разных стран, в том числе и японские. Осима Акира, бывший шеф-повар ресторана амстердамского отеля Okuga и глава амстердамского филиала JRO, сформулировал свою рекомендацию по этому поводу следующим образом: «Как только вы войдете в город, следуйте за городом и подчиняйтесь, и максимально используйте свои сильные стороны»⁵³.

Одним из путей решения данной проблемы и продвижения японской кухни, по мнению представителя JF, может стать использование элементов других национальных кухонь и интеграция японской кухни в международную: «Я горжусь тем, что японская кухня была внесена в список всемирного нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Однако японская кулинарная культура не ограничивается рамками японской кухни. Исторически сложилось так, что мы использовали ингредиенты и меню со всего мира и успешно интегрировали их для достижения нашей собственной эволюции и развития»⁵⁴.

Среди других проблем и вопросов, которые необходимо решать при выходе на зарубежные рынки, сами японские рестораторы выделяют нехватку квалифицированного

⁵¹ Ibid.

⁵² Eight Great Gastrodiplomacy Nations // University of Southern California. 2015. <https://uscpublicdiplomacy.org/story/eight-great-gastrodiplomacy-nations> (дата обращения: 06.07.2020).

⁵³ Нихон гайсёку кигё: но EU хонкаку синсюцу ва бидзинэсу тянсу [Деловые возможности по продвижению в ЕС для японского ресторанного бизнеса] // Japan Food Restaurant Overseas Promotion. 2016. http://jronet.org/report/2016/0720_netherlands-3/ (дата обращения: 06.11.2020).

⁵⁴ Мирано бампаку э но нихонсёку рэсүторан сюттэн ва дайсэйко: [Открытие японского ресторана на Милан Экспо стало большим успехом] // Japan Food Restaurant Overseas Promotion. 2015. http://jronet.org/report/2015/milano_sp6/ (дата обращения: 23.06.2021).

местного персонала, а также несоответствие местных ингредиентов японским стандартам, отсутствие качественной инфраструктуры в некоторых странах (газо-, водо- и энергоснабжение). Кроме того, существуют также риски, связанные с выбором формы вхождения на рынок, налаживания системы поставок, организации пространства помещений ресторанов и магазинов, системы оплаты.

Таким образом, гастродипломатия в Японии, оставаясь важным направлением культурной дипломатии и «работая» на международный имидж Японии, одновременно оказывает стимулирующее воздействие на различные отрасли экономики и способствует решению целого ряда социально-экономических проблем. Популяризация японской кулинарии и продуктов питания за рубежом стимулирует экспорт японской сельскохозяйственной продукции и интернационализацию ресторанного бизнеса и торговли, повышает интерес к другим японским «креативным продуктам», поддерживает туристический поток, в том числе в «отдаленные» районы страны. И что особенно важно, здесь действует система прямых и обратных связей, что приводит к формированию модели (экосистемы) самоподдерживающегося роста отраслей и видов деятельности, связанных с гастродипломатией (рис. 1).

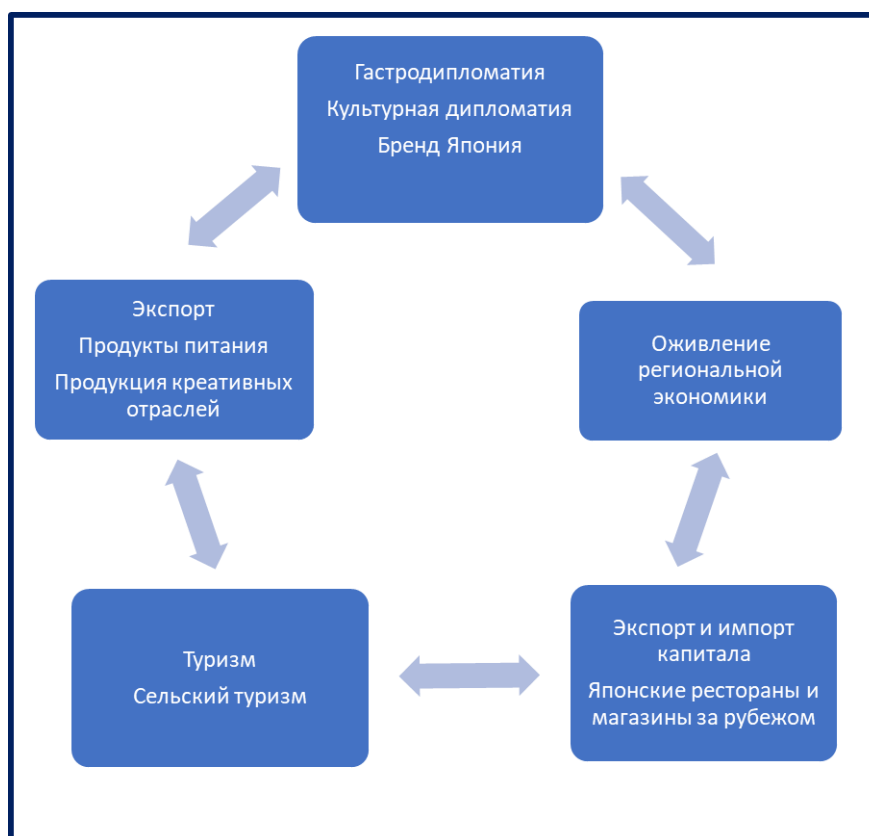

Рис. 1. Модель взаимодействия отраслей и видов деятельности, связанных с гастродипломатией⁵⁵.

⁵⁵ Составлено автором.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Тимонина И.Л. Новая стратегия пространственного развития Японии: вызовы XXI века // Японские исследования. 2020. № 4. С. 40–63. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10027

Тимонина И.Л. Региональный лидер национального масштаба – губернатор Хирамацу Морихико // Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы – М., 2003.

REFERENCES

Timonina, I.L. (2003) Regional'nyi lider natsional'nogo masshtaba – gubernator Khiramatsu Morikhiko [Regional Leader of National Stature: Hiramatsu Morihiko]. In *Yaponiya vtoroi poloviny XX veka: problemy i sud'by* [Japan in the Second Half of the 20th century: Problems and Persons] (pp. 228-248). Moscow. (In Russian).

Timonina, I.L. (2020). Novaya strategiya prostranstvennogo razvitiya Yaponii: vyzovy XXI veka [Japan's New Spatial Development Strategy: Challenges of the 21st Century]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4, 40–63. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10027

Поступила в редакцию 12.01.2021

Received 12 January 2021

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-26-43

Рай Санъё и «Нихон гайси»

С.А. Толстогузов

Аннотация. Рай Санъё (Рай Нобору) (1780–1832) родился в 1780 г. Его основные произведения были написаны на очень сложном для чтения и понимания языке – камбун, поэтому многочисленные переводы частей труда, которые были сделаны современными историками и литературоведами, всегда оставляют возможность для споров и трактовок. Основное произведение Рай Санъё – это «Нихон гайси». Наибольшую популярность оно приобретает в революционно-турбулентное время реставрации Мэйдзи, когда власть сёгунов была свергнута сторонниками императора. После чего это произведение заняло важное место в системе идеологии государства Мэйдзи. В настоящее время автор и его работа попали в разряд тех, к кому почти нет интереса.

«Нихон гайси» была задумана, как книга о власти самурайских домов в Японии. Рай Санъё в своей вступительной статье «Рэйгэн» писал, что «с самого начала целью этой работы было показать, как происходило возвышение и падение сёгунских домов». Поэтому ключевым термином истории Рай Санъё стал термин «тайкэн», который принят для обозначения верховной власти. С точки зрения морали самурайского сословия Санъё особенно высоко оценивает Минамото Ёритомо, который не стал выходить за рамки своего статуса (т.е. – претендовать на положение императорского дома – *С.Т.*) и тем самым создал в стране специфическую систему власти, которая существенно отличалась от китайской. Императору была оставлена функция предоставлять ранги в этой системе и играть роль второстепенного института власти.

«Нихон гайси» заслуживает внимания исследователей по меньшей мере в трех отношениях. Во-первых, как работа историка, который писал исследование в период, когда не сформировались основные параметры этой профессии. Во-вторых, как история борьбы за власть в период сёгуната глазами человека, жившего в тот период и оперировавшего набором представлений той эпохи. В-третьих, как восприятие японской истории в период Мэйдзи исин и падения сёгуната Токугава.

Ключевые слова: Япония, Рай Санъё, Рай Сюнсуй, Нихон гайси, сёгунат Токугава, бакумацу.

Автор: Толстогузов Сергей Анатольевич, PhD, кандидат исторических наук, визитный профессор Хиросимского университета (адрес: Япония, 739–8511, Хиросима, Хигаси-Хиросима, 1-3-2 Кагамияма). E-mail: sergeytol@w6.dion.ne.jp

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Толстогузов С.А. Рай Санъё и «Нихон гайси» // Японские исследования. 2021. № 2. С. 26–43. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-26-43

Rai San'yō and *Nihon Gaishi*

S.A. Tolstoguzov

Abstract. Rai San'yō (Rai Noboru) (1780–1832) was born in 1780. His main works were written in kanbun, a language very difficult to read and understand, so the numerous translations that were made by historians and writers always leave room for controversy and interpretation. The main work of Rai San'yō is *Nihon Gaishi*. It became most popular during the revolutionary and turbulent times of the Bakumatsu-Meiji Restoration, when power passed from the Shoguns into the hands of the Imperial House. Subsequently, this particular work gained an important place in the ideological system of the Meiji state. In modern (post-war) Japan, this author and his work are in the category of those writers from the past whose historiography of Japan has little weight.

Rai San'yō's *Nihon Gaishi* was conceived as a book about the power of samurai houses in Japan. In his introductory article *reigen*, Rai San'yō, wrote that "from the very beginning, the goal of this work was to show how the rise and fall of the shogun houses took place." Therefore, the key term of the history of Rai San'yō was *taiken*, a term which is used to denote the supreme power. From the point of view of the morals of the samurai class, Sanyo especially demonstrates appreciation for Minamoto Yoritomo, who did not go beyond his status and claim the position of the Imperial House, and thus created a system in the country that was significantly different from the Chinese one. In this system, the Emperor was left with the function of granting ranks, which did not give him real political power.

Finally, *Nihon Gaishi* deserves the attention of researchers at least in the three ways. First, it is valuable as the work of a historian who carried out historical research at a time when the main parameters of this profession were not yet formed. Second, it gives us a view of the struggles for power during the Shogunate period, the way it was perceived by a person who lived during this period. Third, it stands as a work which was influential during the Meiji Ishin period and the fall of the Shogunate.

Keywords: Japan, Rai San'yō, Rai Shunsui, *Nihon Gaishi*, Shogunate, Bakumatsu.

Author: Tolstoguzov Sergey A., PhD, Visiting Professor, Department of Integrated Arts and Sciences, Hiroshima University (address: 1-3-2 Kagamiyama, Higashi-Hiroshima City, Hiroshima, 739-8511, Japan). E-mail: sergeytol@w6.dion.ne.jp

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Tolstoguzov S.A. (2021). Rai San'yō i «Nihon gaisi» [Rai San'yō and *Nihon Gaishi*]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2021, 2, 26–43. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-26–43

Введение

Рай Санъё (Рай Нобору) (1780–1832) родился в 1780 г. Его главный труд «Нихон гайси»¹ пытались переводить на английский, французский и русский, но все переводы на

¹ Обычно название данного труда переводится как «Неофициальная история Японии», в котором слово «неофициальный» понимается как антоним официальной истории. Поэтому сразу следует обратить внимание на отсутствие официальной истории в сёгунате Токугава, что заставляет искать иные варианты перевода названия. «Гайси» – это термин, который наряду с историей мог обозначать самого историка. Это слово могло означать отсутствие у автора звания официального историка и его положение вне группы прямых вассалов. Очень хорошо осведомленный в плане знания истории региона Гэйсю современный японский историк Накамура Синъитиро предлагает считать, что это была «частная история, свободно написанная человеком без официальной должности», что позволяет учесть одновременно неофициальный статус произведения и его автора [Накамура Синъитиро 2017, т. 2, с. 441]. Поэтому название «Неофициальная история Японии» не может рассматриваться как единственное и окончательное.

европейские языки так и остались незавершенными. Единственный перевод на русский язык, начатый Мендриным [Мендрин В.М., 1999], также не был закончен. Такая история книги хорошо иллюстрирует непростую судьбу автора, которая была полна взлетов и падений.

Наибольшую популярность «Нихон гайси» приобретает в революционно-турбулентное время реставрации Мэйдзи, когда власть сёгунов была свергнута сторонниками реставрации императора. После чего это произведение заняло важное место в системе идеологии государства Мэйдзи. Сильное влияние этого труда сохранялось до конца Второй мировой войны, когда трансформировалась японская политическая система и император утратил свою ключевую роль в стране, что привело также к тому, что произведение Рай Санъё постепенно стало терять известность и политическое значение. В настоящее время автор и его работа попали в разряд тех, к кому почти нет интереса. Даже у тех, кто ставит в пример современным японцам активную жизненную позицию ярких представителей эпохи Мэйдзи, когда Рай Санъё действительно имел широкую популярность, воспоминания о нем не вызывают большого энтузиазма.

Значительная часть жизни Рай Санъё проходила в городе Хиросима в эпоху расцвета культуры годов Бунка (1804–1818) и Бунсэй (1818–1830), когда творили такие мастера как Кацусика Хокусай и Утагава Куниёси. Рай Санъё внес весомый вклад в культуру в виде не только 22 томов (свитков)² «Нихон гайси», но и нескольких тысяч стихотворений в китайском стиле (канси). «Нихон гайси» стала одной из основных исторических работ периода Токугава, в которой описывается история возвышения и упадка могущества самурайских домов от Минамото до Токугава, то есть с конца XII до начала XIX века. Это историческое произведение написано на основе изучения более ранних хроник и содержит попытку автора проделать исторический анализ и понять закономерности развития истории. Это произведение общепонского масштаба имеет важное значение как для Японии в целом, так и для западной части страны, где расположена современная Хиросима (исторический регион Гэйсю) и где жил автор этого труда.

Рай Санъё можно назвать историком прошлого, который писал задолго до того, как сформировались основные параметры этой профессии. Поэтому он работал не так, как принято у современных историков, и не делал цитат и сносок. Его основные произведения были написаны на очень сложном для чтения и понимания для современных японцев языке – *камбуне*, поэтому многочисленные переводы их частей, которые были сделаны историками и литературоведами, всегда оставляют возможность для споров и трактовок. Кроме того, он был не только историком, но и знатоком искусства и философии – разносторонним человеком с непростой судьбой. Цель данной работы состоит в том, чтобы прояснить причины крутых поворотов в его жизни, и попробовать определить, какие направления научных исследований в будущем имеют хороший потенциал.

² Труд публиковался в виде книг, в то время как каждая книга озаглавлена «маки» или свиток. Рукопись работы потеряна, поэтому в настоящее время нет возможности сделать однозначный выбор, как называть тома.

Краткая биография

Рай Санъё³ – это псевдоним автора. Большая часть его жизни прошла в городе Хиросиме и небольшом городке Такэхара, в котором издавна жила его семья.

Рай Санъё родился в семье известного конфуцианского ученого, каллиграфа и знатока китайской культуры Рай Сюнсуй (1746–1816) [Gramlich-Oka, 2010, pp. 7–37], который смог получить статус самурая и занять положение первого знатока китайских наук дома Асано⁴, игравшего важную роль в иерархии домов сёгуната Токугава и состоявшего в родстве с основателем династии Токугава Иэясу. Семейство Асано управляло одними из наиболее крупных владений периода сёгуната Токугава, носивших наименование Гэйсю хан⁵, столицей которого был город Хиросима.

Рай Сюнсуй родился в период проведения реформ годов Кёхо (1716–1736), когда уделялось большое внимание внедрению бюрократических практик в управлении государством. Они предполагали использование значительного количества письменных распоряжений, которым должны были следовать чиновники разных уровней. Соответственно повышалась значимость образования, дававшего возможность правильной трактовки распоряжений властей.

Хорошее образование давало возможность не только четкого и правильного понимания распоряжений высших инстанций, но и значительного продвижения по социальной лестнице. Примером этого может служить семья Рай Санъё, чей дед по имени Тадасука, занимавшийся окраской одежды в небольшом городке Такэхара (и деревне Ёриканэ в окрестностях этого городка), был мелким торговцем, когда решил сделать ставку на образование детей в духе конфуцианства чжусианского толка.

Старшим сыном Тадасука был Сюнсуй, который для получения образования отправляется в Осаку. Со временем он приобретает знания, достаточные для того, чтобы открыть в Осаке в 1773 г. собственную школу, получившую название «Сэйдзанся». Важным его занятием было переписывание книг по заданию книготорговцев, которые затем продавали их своим клиентам. Одной из таких работ была «Дай Нихон си»⁶, написанная в Мито и представленная сёгуну Ёсимунэ в период реформ Кёхо, но затем длительное время не получавшая разрешение на официальное издание и поэтому распространявшаяся в рукописном варианте. Создание копии объемного труда из более 200 книг было очень трудоемким делом, с которым Сюнсуй успешно справлялся. Это пополняло его исторические знания и одновременно давало неплохой доход, ибо манускрипт интересовал в первую очередь крупных самураев или князей-даймё, имевших интерес к политической истории Японии. Выполнив несколько копий, он решает преподнести преподносит одну из них главе Гэйсю хан по имени Асано Сигэакира (1743–1814)⁷ [Андо Хидэо, 1982, с. 30–31],

³ В детстве носил имя Хисатаро, которое после достижения совершеннолетия поменялось на Рай Нобору. Также пользовался именем Сисэй.

⁴ Дом Асано получил свои владения в 1619 г. и бесспорно управлял ими до 1871 г.

⁵ Гэйсю хан относится к категории владений тодзама даймё, которым был закрыт путь на официальные должности в бакуфу, однако это не мешало главе Гэйсю хан постоянно играть важную роль в политике сёгуната.

⁶ «Большая история Японии» или «История Великой Японии», написанная историками дома Мито.

⁷ Асано Сигэакира был известным знатоком китайской культуры и конфуцианства, что также повлияло на его отношение к Рай Сюнсуй.

чтобы привлечь к себе его внимание. План полностью удался, а Сигэакира решает взять его на службу, несмотря на то, что тот не имел статуса самурая.

В 1781 г. Сюнсуй получает возможность работать конфуцианским ученым – дзюкан. Ему жалуются самурайский ранг «го косё сихай»⁸. После чего он выбирает для себя редкую для Японии фамилию – Рай⁹, которая должна была символизировать его приверженность китайским наукам (такие фамилии обычны в Китае) и связь с родными местами (первый иероглиф, возможно, взят из названия деревни Ёриканэ).

Асано Сигэакира был одним из наиболее выдающихся князей-даймё из владений Гэйсю, который добился значительных успехов в управлении своими землями¹⁰. Секрет его успеха коренился в том числе в умении привлекать к управлению людей самого различного происхождения. Он смело выдвигал конфуцианских ученых, врачей и грамотных людей на административные должности, примером чему стал не только Сюнсуй, но и два его брата. Второй брат, которого звали Сюнфу (1753–1825), стал врачом в городе Такэхара. А третий брат по имени Кёхэй (1756–1834) поднялся по ступеням административной лестницы в сельской администрации дома Асано до поста дайкана¹¹ округа Миёси¹². Все трое сделали карьеру, получив статус самураев, благодаря своим знаниям китайских наук и расположению со стороны Сигэакира.

Самурай, который занимал должность дзюкан¹³ или конфуцианского чиновника, имел обширный круг обязанностей, таких как трактовка конфуцианских постулатов и преподавание их в школе для самураев и других жителей Хиросимы, а также руководство конфуцианскими церемониями и связи с конфуцианскими учеными из других регионов. Для выполнения этих функций необходимо было обладать знаниями китайских трактатов и китайского языка, которые часто использовались в переписке между разными владениями крупных самураев. Разносторонние знания позволили Рай Сюнсуй стать помощником Асано Сигэакира в Хиросиме и в Эдо¹⁴.

Сюнсуй стал руководителем конфуцианских церемоний в замке в Хиросиме и сопровождал Сигэакира в Эдо. Также ему было поручено создание клановой школы в Хиросиме, что он успешно осуществил. В 1785 г. он проводит реорганизацию конфуцианского культа в Хиросиме, укрепив роль ортодоксального конфуцианства чжусианского толка, упорядочив его преподавание в клановой школе и значительно усилив его влияние на повседневную жизнь. Он получил известность на общенациональном уровне, приняв участие в кампании по борьбе за усиление роли ортодоксального конфуцианства,

⁸ Косё – широко распространенное название административной должности в период сёгуната, связанной с выполнением различных церемониальных функций в рамках конфуцианской традиции.

⁹ Также являлся первым иероглифом в имени Минамото Ёритомо, который был основателем сёгунов в Японии, что могло подчеркивать особое отношение к основателю первого сёгуната.

¹⁰ Хиросима была одним из основных районов производства риса, также регион был хорошо известен высокоразвитыми производствами бумаги и другими промыслами.

¹¹ Главный административный чиновник сельской администрации, имевший самурайское звание и назначаемый непосредственно князем-даймё. Имел официальную резиденцию и штат помощников из числа самураев и простолюдинов. Контролировал сбор налогов и работу старост отдельных деревень.

¹² Современный город Миёси и прилегающие районы.

¹³ Конфуцианство лежало в основе идеологии сёгуната Токугава и стояло выше по своему положению, чем буддизм и синтоизм. Администраторы на посту дзюкан были идеологами, сочетавшими свою работу с преподаванием и перепиской с бакуфу и другими владениями, в которой часто использовался китайский язык и цитаты из китайской классики.

¹⁴ Гэйсю хан имел две резиденции в Эдо.

закончившейся запретом преподавания неортодоксальных учений в 1790 г. в рамках реформ годов Кансэй [Steben, 2002, p. 129]. Также Сюнсуй стал преподавателем в базовой школе бакуфу. Фактически, он сделал головокружительную карьеру для сына мелкого торговца из провинциального городка, расположенного вне пределов земель сёгуна.

Рай Нобору был старшим сыном Рай Сюнсуй, который по правилам того времени являлся наследником дома. Выполнение обязанностей на посту конфуцианского ученого, специалиста по китайской философии и истории, становится семейным делом дома Рай как раз в период рождения наследника. Поэтому Нобору получил традиционное образование в китайском стиле, позволившее ему свободно писать на древнекитайском языке. Уже в 9 лет он написал свое первое стихотворение.

В молодости Нобору стал демонстрировать большие успехи в учебе и подавать надежды как в области каллиграфии, так и изучении истории на основе находившейся в его распоряжении «Дай Нихон си». В 1796 г. он проходит обряд совершеннолетия гэмпуку¹⁵, получает новое имя Нобору вместо Хисатаро и становится взрослым самураем со всеми правами и обязанностями. На следующий год он направляется в Эдо, где его определяют для обучения в главную школу для самураев бакуфу «Сёхэйко», в которой он проводит год. В 1798 г. он возвращается в Хиросиму, где еще через год происходит важный инцидент, круто изменивший жизнь Рай Нобору. Он попытался покинуть Гэйсю хан без разрешения¹⁶.

Его отец длительное время проводил вдали от дома – в Эдо. В 1800 г. у Нобору возникла необходимость вместо отца присутствовать на похоронах одного из родственников. По дороге с помощью угрозы применения оружия он покинул своих спутников [Андо Хидэо 1982, с. 80]. Родственники обнаружили его в Киото месяц спустя и вернули обратно в Хиросиму, что обеспечило сравнительно лёгкое наказание, предполагавшее нахождение под домашним арестом, который он отбывал в усадьбе дома Рай в Хиросиме (которая располагалась на территории современного музея). Рай Санъё был лишен статуса самурая и практически утратил даже малейшую перспективу стать главой дома.

Возможно, мотивом действий Санъё был конфликт с отцом, который желал, чтобы его сын стал образцовым конфуцианским ученым. Сын не проявлял должного интереса к изучению конфуцианских канонных текстов, что вызвало открытое неудовольствие Рай Сюнсуй. По своей натуре Рай Нобору считался человеком несколько замкнутым, не склонным к широкому общению. Отец, вынужденный длительное время работать в столице, мало принимал участия в воспитании сына и практически утратил с ним контакт. Отношения Нобору с отцом были достаточно натянутыми.

Результатом самовольного ухода в Киото для Нобору стала потеря статуса самурая, что повлекло потерю права стать главой дома после смерти Рай Сюнсуй и невозможность занимать пост конфуцианского ученого. Когда ему был всего 21 год, было принято решение объявить будущим преемником Сюнсуй двоюродного брата Нобору, указав в качестве официальной причины слабость здоровья и неуравновешенность характера будущего историка.

¹⁵ Гэмпуку – ритуал, проводимый в период наступления совершеннолетия в Японии, предполагавший смену одежды, причёски и имени. После гэмпуку на самурая вне зависимости от того, являлся он главой дома или нет, распространялись все привилегии, свойственные этому статусу, включая обязанность совершить сэппуку по распоряжению своего сюзерена.

¹⁶ Даппан.

Это событие одновременно оставило неприятный осадок в душе Нобору, но вместе с тем сделало его свободным в выборе творческого пути, который он связал с написанием истории «Нихон гайси». Он берет себе псевдоним Рай Санъё Гайси, что может пониматься, как ученый без официального положения из региона Санъё по фамилии Рай¹⁷.

Термин «гайси» используется также для обозначения историка, не имеющего официального поста (в данном случае в бюрократической иерархии Гэйсю хан). Санъё оказался вне самурайского сословия и вынужден был зарабатывать на жизнь преподаванием и каллиграфией.

В 1801 г. Санъё принял решение подготовить большой исторический трактат. Он начал писать его в следующем году и через 5 лет, в 1807 г., в возрасте 28 лет, завершил написание чернового варианта. В 1805 г. он сообщил о своих планах самураю из Сэндай по имени Оцуки Хэйсэн [Андо Хидэо 1982, с. 90].

Часть, именовавшаяся «Дзю сан сэй ка¹⁸» («Тринадцать домов»), позднее составила основу «Нихон гайси». Первоначально Санъё намеревался взять более широко историю самурайских домов, не ограничиваясь 13 домами. Этот план был изложен в сохранившемся письме Санъё к его дяде Сюнфу. В качестве названия для работы Санъё рассматривались «Нихон сэйси¹⁹» (История японских домов), «Дзю року сэй ка²⁰» (16 домов), «Хаси²¹» (История гегемонии), «Хонтё хаси²²» (История гегемонии правящей династии)²³. Считается, что название «Нихон гайси» было выбрано после ознакомления с мнением дяди автора Сюнфу, имевшем в доме большое влияние.

Санъё написал в 1813 г. в предисловии, что его работа должна быть «хроникой с частных позиций одного самурайского дома, а не официальной историей Поднебесной», намекая на свою принадлежность к Гэйсю хан, что предполагало написание в первую очередь частной истории дома своего сюзерена. «Нихон гайси» по меркам того времени должна была отражать взгляды представителей дома, на территории которого живет автор (т.е. «частного» дома князя-даймё), но в действительности существенно выходила за рамки этого жанра, который предполагал значительное внимание истории дома Асано. Поэтому «Нихон гайси» следует также понимать как исторический трактат, в той или иной степени отражающий частные взгляды одного из даймё на политическую историю сёгунской власти. Таким образом, «Нихон гайси» не была историей, написанной неким частным лицом, а была скорее трактатом, написанным историком, работавшим вне сёгунских владений, который

¹⁷ Возможно, псевдоним был выбран, чтобы показать разницу в положении с автором «исторических записок» Сыма Цянем, который писал свое произведение, занимая пост придворного официального историка. Кроме того, автор при выборе названия намеренно использовал игру слов, заложив возможность сразу нескольких трактовок. Поэтому перевод Мендрина, использовавшего термин «вольный историк», не совсем точен и не учитывает важных нюансов.

¹⁸ 十三世家.

¹⁹ 日本世家.

²⁰ 十六世家.

²¹ 霸史.

²² 本朝霸史.

²³ Считается, что термин «хонтё» применяется для обозначения императорской династии. Однако это название, которое рассматривалось Санъё, сочетает в себе «хонтё» (династия) и слово «хаси» (история гегемонии), обозначающее власть, приобретенную в результате борьбы, и никогда не использовавшееся в отношении императора, являвшегося «Сыном неба» и обосновывавшего свое положение прямой связью с Небом и богами. Название «Хонтё хаси» показывает, что термин «хонтё» или «правящая династия» применялся не только в отношении императорского, но и сёгунского дома.

имел смелость предложить трактовку общенациональной истории, опираясь на взгляды не только самого автора, но и его сюзерена, являвшегося главой одного из влиятельных больших самурайских домов.

По всей видимости, во владениях дома Асано этот труд был встречен прохладно, и мы не можем найти подтверждения каких-либо отзывов на это произведение в Хиросиме. Видимо по этой причине Санъё активно начинает собирать мнения за пределами Гэйсю хан. Во время пребывания в школе «Рэндзюку» у философа по имени Кан Тядзан, где Санъё продолжал свое образование, начальная часть (на тот период 20 книг) была показана наставнику, который сообщил Рай Сюнсуй, «что это очень интересный труд, который лучше того, что написал Сорай²⁴».

Работа в клановой школе в Хиросиме также оказалась недоступной для Санъё, поэтому он после отбытия наказания направляется в Киото, где организует частную школу. В 1811 г. Санъё по прибытии в Киото приступает к написанию комментариев (ронсан), одновременно занимаясь доработкой отдельных частей своего труда. Позднее Санъё совсем переселился в Киото, многократно переписывая и перерабатывая свой труд, в 1826 г. он завершает 22-й том. В то время Санъё исполнилось 47 лет. Со времени, когда он принял решение приступить к этой работе, прошло 25 лет. «Нихон гайси» была опубликована в 1844 г. уже после смерти Санъё.

Подготовку работы к изданию начал еще сам Рай Санъё. В то время издательское дело было под очень строгим контролем со стороны бакуфу. Немало авторов, таких как специалист по вопросам обороны и общественный деятель Хаяси Сихэй (1738–1793), написавший трактат «Кайкоку хэйдан» (Щепкин, 2011, с. 12), и автор укиёэ и небольших рассказов кибёси Санто Кёдэн (1761–1816), подверглись суровому наказанию. Поэтому для представления «Нихон гайси» вниманию широкой публики необходимо было признание ее достоинств кем-то из высокопоставленных представителей бакуфу. В качестве таковой фигуры рассматривались Хаяси Дзюссай (1768–1841), руководивший системой конфуцианского образования бакуфу и школой «Сёхэйко», а также Мацудайра Саданобу (1759–1829), известный реформами годов Кансэй, в период которых он находился на посту родзю сюдза или главы высшего органа администрации сёгуната. В конце концов выбор был сделан в пользу Мацудайра Саданобу²⁵. Санъё попросил стать посредниками своего друга Итикава Бэйан и служившего в Кувана хан Таути Гэцудо, являвшегося близким лицом Мацудайра Саданобу, и 21 мая 1827 г. он преподнес в качестве подарка один экземпляр «Нихон гайси» Мацудайра Саданобу и получил от него короткое послание, в котором позитивно оценивалась работа, что в некоторой степени обезопасило ее от возможных нападок.

«Нихон гайси», по мнению Саданобу, было произведением, автор которого правильно придерживается среднего пути (то есть хорошо аргументирует свою позицию и не искажает действительность). Санъё получил от Мацудайра Саданобу в качестве ответного жеста работу «Каталог старинных культурных ценностей» в новой редакции («Сюко дзиссю»), составленный по поручению Саданобу, и 20 серебряных монет [Рай Санъё сёкан сю, 1927, т. 2, с. 112], что должно было подтвердить его благоприятную оценку. Однако издание

²⁴ Известный мыслитель и историк периода Эдо по имени Огю Сорай.

²⁵ Одним из элементов реформ была реорганизация преподавания в «Сёхэйко», разрешавшая преподавание только ортодоксального конфуцианства чжусианского типа.

работы затянулось. Оно произошло сначала за пределами Хиросимы. Первое издание книги было в Кавагоэ, расположенном за многие сотни километров от Хиросимы, и было осуществлено возможно без ведома представителей дома Рай.

Санъё умирает в 1832 г. Это произошло за более чем тридцать лет до Мэйдзи исин и за двадцать лет до «открытия страны». После смерти приобретает наибольшую популярность его основной труд, став одной из самых читаемых книг в период Бакумацу и Мэйдзи исин. Тогда же она стала первым историческим сочинением, удостоившимся внимания самых широких слоев населения Японии. Ее читали мелкие и крупные самураи по всей стране, включая сторонников и противников бакуфу. В этом списке Ито Хоробуми (1841–1909)²⁶, Кондо Исами (1834–1868)²⁷, а также последний сёгун династии Токугава Ёсинобу, задавшиеся целью поиска ответов на насущные вопросы. Большинство из читателей трактата не были склонны придерживаться буквы сказанного автором и досконально изучать его оригинальные идеи. Как написал японский историк Токуда Сусуму, «в работах людей периода Мэйдзи мысли Рай Санъё не воспроизводились в том же самом виде, в каком они были у автора» [Токуда Сусуму, 1972, с. 2]. Каждый читатель искал ответы на свои вопросы, и понимал написанное Рай Санъё по-своему. Поэтому совершенно естественным является вопрос о том, «насколько сам Рай Санъё придавал своему труду оппозиционный смысл?» [Толстогузов А., 2005, с. 160.]

Санъё не был в гуще событий той эпохи, в которую обрел наибольшую популярность. Он большую часть своей жизни провел в важном, но не самом значительном провинциальном городе. Он не дожил до Мэйдзи исин и не может считаться знатоком политических процессов, сопровождавших реставрацию императорской власти. Он написал произведение, не подозревая о том, какая судьба уготована его труду, поэтому важно в первую очередь понять те акценты, которые расставил в своем произведении автор, чтобы выявить его первоначальный замысел, предопределивший актуальность труда в разные периоды времени. Это очень серьезная задача, решение которой потребует усилий многих ученых, в том числе не только японских. Потому что она далеко не ограничивается интерпретацией исторических текстов, написанных Рай Санъё. Это во многом теоретическая проблема, связанная с пониманием сущности Мэйдзи Исин и всего хода исторического развития Японии в XIX столетии.

Нихон гайси

«Нихон гайси» была задумана, как книга об истории верховной власти самурайских домов в Японии. В ней показана история, расцвет и падение военных домов от Тайра до Токугава²⁸. Рай Санъё в своей вступительной статье²⁹ писал, что «с самого начала целью этой работы было показать, как происходило возвышение и падение сёгунских домов»³⁰ [Рай Санъё, Нихон гайси 2016, т. 1, с. 21]. Поэтому ключевым термином истории Рай Санъё стал

²⁶ Выходец из Тёсю и первый премьер-министр Японии (всего четыре срока с перерывами), первый генерал-резидент Кореи, первый председатель Тайного Совета, член Совета гэнро.

²⁷ Командир отряда «Синсэнгуми», созданного по распоряжению бакуфу из ронинов для охраны порядка в Киото.

²⁸ В случае Токугава только возвышение и расцвет.

²⁹ «Рэйгэн», была опубликована после Второй мировой войны.

³⁰ Надо отметить также, что название, которое использует Мендлин, полностью соответствует содержанию и идее Рай Санъё.

«тайкэн», который принят для обозначения верховной власти в стране. В фокусе внимания Санъё был процесс перехода власти в стране. Автор внимательно прослеживает процесс борьбы Минамото и Тайра, начиная с перехода власти от императорского³¹ дома к представителям военного сословия. Много внимания он уделяет периодам смуты, стараясь восстановить процесс борьбы за власть и понять, кто получал преимущества в ходе нее.

Санъё ставил своей целью создать такое произведение, какого ещё не было в этом «земном космосе»³² [Рай Санъё, Нихон гайси 2016, т. 1, с. 24]. Замысел Санъё, когда он принимал решение написать работу, был очень обширным и включал объединение политики, экономики и права. Однако в итоге книга получилась в основном историей борьбы за власть и возвышения различных самурайских домов, в которой политической истории уделялось основное внимание.

Образцом для Санъё послужил метод описания борьбы могущественных домов в «Исторических записках» историка начала Ханьской империи в Китае Сыма Цяня. Однако стремление писать книгу, какой прежде не было в Японии, заставило его отказаться от попыток придерживаться строго композиции «Исторических записок». Санъё решил описывать историю возвышения и упадка могущества самурайских домов на основе, в первую очередь, собственных представлений, сформировавшихся после ознакомления с несколькими десятками японских хроник и работ по истории, написанных в разное время³³ [Рай Санъё, Нихон гайси 2016, т. 1, с. 29–33]. Более всего Рай Санъё обращался к «Дай Нихон си», «Рэссо Сэйсэки»³⁴ и различным историям, написанным в первой половине периода Эдо.

Жанр произведения был выбран после тщательного обдумывания различных китайских и японских работ. Автор решил отказаться от хроники только правителей (сэйси) и от истории императоров (хонки), отдав предпочтение историческим хроникам «сики» в стиле Сыма Цяня, описывая эпохи одну за другой, включая в качестве отдельных разделов свои собственные комментарии (ронсан), поэтому по форме построения работы двух авторов имеют некоторое сходство.

Автор «Нихон гайси» стремится предоставить читателям объективную с его точки зрения информацию и предлагает им самостоятельно сделать выводы. Рай Санъё заканчивает вводную часть «Нихон гайси» такими словами: «В этой работе был выбран такой подход, который основан на том, чтобы сами события подводили читателя к появлению новых мыслей, во имя чего мне пришлось отказаться от высокопарных рассуждений. Вероятно, существуют выводы, сделанные еще до меня, с которыми я согласен, я их оставлял в таком виде, в каком они есть. Я не имел цели выдвигать обязательно новые версии событий или высказывать такое мнение, которое отличается от мнения других людей» [Рай Санъё, Нихон гайси 2016, т.1, с. 27]. Подход Санъё заключался в том, чтобы его труд оказался полезным

³¹ В отношении императора Рай Санъё использует термин «тэнси» или Сын неба, которое не тождественно императору в понимании верховного правителя страны. В Кодексе «Ёрорё» в части «Гисэйрё» предписывается использовать его для религиозных церемоний (сайси). В дополнение к чему отметим, что в Кодексе «Тайхорё» это название также предписывалось использовать в дипломатической переписке с Кореей, в то время как в переписке с Китаем должен был использоваться термин – тэнно [Такамори 1996, с. 184].

³² Имеется в виду на земле. Термин «утю», обозначающий безграничное пространство, имеет очень древнее происхождение, вопрос о котором требует дополнительного изучения.

³³ Рай Санъё пользовался хрониками времен сёгунатов Камакура, Асикага и Токугава.

³⁴ Сборник преданий о Токугава Иэясу, составленный ученым-конфуцианцем из Мито Асака Тампаку (1656–1738).

для читателя, который должен был сам увидеть общую картину, а затем решить, кто добился успеха, а кто проиграл в борьбе за власть.

Одновременно автор не претендует на полное изложение истории. Он говорит, что не имел возможности все исследовать подробно, поэтому, когда современные авторы критикуют «Нихон гайси» за обилие исторических ошибок, они должны учитывать тот факт, что Рай Саньё не ставил своей целью подробное изложение исторических событий, а пытался проследить основные тенденции. Он писал: «Я знаю, что в моей работе много ошибок и пропусков, потому что у меня не было возможности прояснить все до деталей. Осталось также много расхождений в описании событий. Я жду, чтобы все эти пробелы были заполнены глубоко сведущими людьми» [Рай Саньё 1910–1918, с. 5]. Он описывал события и действия отдельных исторических личностей, выстраивая их в цепочки, не пытаясь возвеличивать отдельных правителей. В этом отношении его история не была средством пропаганды достижений сёгунов, и в чем-то схожа с работами нынешних историков, основанных на фактологическом подходе к историческому анализу, предполагающем максимальное внимание фактам и минимум комментариев.

Среди современных ученых распространено мнение, что для трудов Саньё является общим моментом теория социального положения (мэйбунрон), заимствованная из неоконфуцианского чжусианства. Эта теория, идеями которой пронизаны все исторические сочинения в Японии эпохи Токугава, делает упор на выполнение обязанностей и социальной роли, связанной с определенным социальным положением. В понимании Саньё теория социального положения предполагает усиленное внимание к моральным аспектам поведения аристократии и самураев высокого ранга. Он порицает тех, кто нарушает рамки своего социального статуса, и отмечает тех, кто строго их соблюдает. Например, он резко критикует дом Асикага за покушение на прерогативы императорского двора в эпоху Намбокутё, и удостоивает самой высокой похвалы дом Кусуноки, который бросил вызов Асикага и выступил в защиту прав Сына неба.

С точки зрения морали самурайского сословия Саньё особенно высоко оценивает Минамото Ёритомо, который не стал выходить за рамки своего статуса, т.е. претендовать на положение императорского дома, и тем создал в стране специфическую систему, существовавшую в период сёгунов. В Японии сёгуны, а не император пользовались всей полнотой власти, хотя формально и оказывали ему определенные услуги [Рай Саньё 1910–1918, с. 148]. Императору была оставлена функция предоставлять ранги в этой системе, что лишило его даже малейших рычагов власти и свело его роль к второстепенному институту в государственной системе. Такое понимание роли императора в государстве под названием сёгунат, в целом соответствует современным представлениям. Например, авторитетный российский ученый А.Н. Мещеряков отмечал в своей работе об императоре Мэйдзи, что «военные лишили Киото каких бы то ни было распорядительных полномочий» [Мещеряков 2006, с. 16]. В период Токугава из Киото не поступило ни одного распоряжения в адрес князей-даймё вплоть до наступления периода Бакумацу. Поэтому город того времени мало подходил под определение столицы, которое предполагало местопребывание правительства и других высших органов государственной власти. Все управление страной велось из Эдо, а распоряжения сёгунского правительства не могли игнорироваться даже самыми могущественными князьями-даймё.

Такая форма правления сложилась во времена Минамото Ёритомо и продолжала существовать во всех сёгунатах. То есть Ёритомо отдана роль творца специфической системы управления в Японии, существовавшей с XII по XIX век. Он не только основал бакуфу, но одновременно создал границу, которую нельзя было переступать, не нарушая прав императорского дома. В этой системе император и сёгун сосуществовали в форме, удобной для обеих сторон, создавая сочетание, которое было абсолютно уникальным и не имеющим аналогов в китайской истории. Одновременно сёгунаты в Японии не были одинаковыми по своему государственному устройству. Роль императора была значительно выше в периоды Камакура и Асикага, чем при Токугава. В период Намбокутё императоры даже пытались восстановить свою власть во время реставрации Кэмму. При Токугава их функции были низведены до исключительно церемониальных и ритуальных. Императоры занимались в основном поэзией и изучением китайской и японской классики [Мещеряков 2006, с. 28]. Взаимоотношения с исполнительной властью ограничивались утверждением некоторых распоряжений, в том числе о присвоении сёгуну и другим руководителям бакуфу очередного ранга, решение о котором принималось без какого-либо согласования с Киото.

Как отмечает Рай Санъё, император по своей вине потерял власть, вернуть которую сил не нашлось [Рай Санъё, 1910–18, с. 5]. Управление страной перешло в руки Гэндзи (Минамото), которые также вели свое происхождение от императоров, но обладали достаточными для этой роли политическими способностями, позволившие Минамото стать фактически хозяевами Поднебесной.

По мнению Санъё, дисциплина в выполнении императорских распоряжений стала падать задолго до прихода к власти Минамото. Представители Фудзивара постоянно ссорились между собой, а Двор императора не мог никак прекратить эти свары. Если такая ситуация была на виду у императора, то что говорить о дальних провинциях. Никто, кроме Минамото, не мог обуздать своеволие тех, кто пытался хозяйничать в отдаленных регионах. Санъё также пишет, что представители Минамото долгое время воевали с бунтарями-разбойниками на севере, в то время как Сын неба делал вид, что происходящее его совсем не касается. Более того, императорский Двор отказался от прерогативы награждать за доблесть и наказывать за проступки. Это право также перешло в руки Минамото. [Рай Санъё 1910–1918, с. 183]

По мнению Санъё, притязания дома Минамото первоначально не были очень большими. Он хотел подчинить своей власти лишь некоторые регионы. Но постепенно он получает возможность назначать своих сторонников во все провинции и управлять ими из Камакура. Санъё считает, что ошибкой императорского дома было то, что он не мог по достоинству оценить огромные заслуги дома Минамото. Автор пишет, что «Двором за заслуги Минамото было дано вознаграждение столь малое, что оно не превышало одной десятой от должного» [Рай Санъё 1910–1918, с. 183]. Дом Минамото вынужден был тратить свои личные средства на выполнение государственных задач, а его ранг был лишь «сёёнми»³⁵ [Рай Санъё 1910–1918, с. 183]. В этой ситуации Небо не обошло своим вниманием Минамото, который смог получить в свои руки верховную власть (тайкэн)

³⁵ Система придворных рангов, существовавшая при системе Рицурё. В период Мэйдзи в 1869 г. по образцу системы Рицурё была принята новая система, включавшая 20 основных рангов. Рай Санъё был удостоен посмертно придворного ранга «сёсанми», то есть был поставлен выше Минамото Ёритомо.

в Поднебесной³⁶. По мнению Санъё, милости Неба оказывались не только императорскому дому, но и сёгунам. В особенности это касалось династии Токугава, которая получила мандат Неба.

В своей трактовке отношений Неба и сёгунов Санъё использует конфуцианскую категорию «сайвай» [Рай Санъё 1910–1918, с. 148] или счастье, которое понималось в плане не личного счастья, а счастливого управления государством. Санъё говорит, что Небо не намерено лишать Минамото «сайвай», чем санкционирует власть этого дома. Это соответствовало естественному движению вещей, поэтому власть переходит в новые руки. Идея естественного хода вещей, который задается небом, а не является неким результатом осознанных действий людей, является еще одной важной составляющей понимания течения истории автором «Нихон гайси». В понимании Санъё это «самопроизвольное движение политических событий» [Толстогузов А. 2005, с. 159], имеющее необратимый характер, но проявляющееся через действия людей. В целом он понимал исторические события как проявление воли Неба.

В предисловии к своей работе он сообщает, что подъем и упадок в существующем мире часто проявляются не через людские способности, а через не связанные с ними перемены в мире. Люди, которые думают о будущем, стараются сконцентрироваться на них, чтобы понять ход будущих событий. Если они правильно понимают направление движения событий, их ждет успех. Только те, кто понимает направление движения в Поднебесной, добиваются успеха, как смог добиться дом Минамото. Токугава Иэясу был тоже одним из таких людей, понимавших движение событий в длительной перспективе. Санъё пишет: «В мире есть люди, которые пытаются поставить под сомнение высокую репутацию Тосёгу (Токугава Иэясу – С.Т.), видя проблемы в ходе Зимней и Летней Осаких кампаний. Это позиция людей, которые не понимают сути «джисэй» (хода событий). Тосёгу получил в свои руки Поднебесную не после Осаких кампаний, не даже не после битвы при Сэкигахара, а после битвы при Комаки³⁷. Я это хочу подчеркнуть» [Рай Санъё 1910–1918, с. 1186].

В вводной части Санъё писал о своем понимании естественного движения событий в мире («сэй» или «джисэй»): «Движение в Поднебесной, даже если его активность спала, не означает, что оно впредь не принесет бурю, а когда наступает буря, это не означает, что она когда-то не стихнет». Это естественное чередование спокойного и бурного лежит в основе смены исторических эпох и смены обладателей верховной власти. Автор делит историю взлетов и падений самурайской власти на три периода, среди которых бакуфу Камакура, основанное Минамото Ёритомо, было начальной турбулентностью, бакуфу Муромати, основанное домом Асикага, было второй турбулентностью, в то время как объединение страны под властью Тоётоми Хидэёси было третьей турбулентностью. Санъё полагал, что, когда энергия движения достигает пика, происходят изменения, а это изменение приносит становление нового порядка, поэтому движение энергии в земном космосе является ключевым в исторических взглядах Санъё.

По мнению Санъё, власть самурайских домов достигает своего пика в период правления сёгунов Токугава. Он пишет об этом в заключительной части его «Нихон гайси». Во-первых, в ней говорится о том, что реальные правители страны – сёгуны находились

³⁶ Японцы, следуя за китайцами, так часто называли свою страну.

³⁷ Битва Токугава Иэясу и Ода Нобукацу против Тоётоми Хидэёси в 1584 г.

большую часть времени не на самых высоких постах в императорской иерархии рангов и должностей. Даже высший пост главного министра или Дадзёдайдзина был большую часть времени существования власти самурайских домов не доступен для сёгунов. И только сёгуну Иэнари удалось занять его, что дало основания Санъё говорить о наступлении пика могущества дома Токугава и его расцвета.

Во-вторых, Санъё отмечает, что в сёгунате Токугава были отступления от практики передачи поста сёгуна старшему сыну. Эти отступления имели объективные причины, что не меняет ситуации, что сёгунский пост перешел в руки одного из младших домов, к которому принадлежал князь Ютоку (сёгун Ёсимунэ³⁸), а далее власть перешла в руки младшего дома Хитоцубаси, не имевшего длительной истории и созданного сёгуном Ёсимунэ.

В-третьих, сёгун Иэнари, представлявший дом Хитоцубаси, является выходцем не из числа старинных традиционных домов, имеющих земельные владения, большие самурайские группы и свои военные силы, а из домов, созданных в мирное время и, соответственно, имеющих упрощенную структуру, предполагающую наличие дохода при отсутствии земельных владений³⁹. Соответственно его самурайская группа состояла не из самураев, служивших дому из поколения в поколение, а из временно прикомандированных из других домов, и находившихся фактически на положении административных чиновников бакуфу.

Обращение к истории присвоения титулов императорского двора представителям сёгунского дома в работе Рай Санъё демонстрирует отличия в формах наследования разных представителей сёгунской фамилии и в их родственных отношениях с сёгуном. Сыновья сёгунов получали титул уже в момент объявления наследником, в то время как другие родственники, попадавшие на вершину власти, только в момент вступления на пост сёгуна, что давало возможность читателю понять через особенности наследования разницу в происхождении отдельных сёгунов.

Все эти детали отношений в доме Токугава могли в зависимости от подхода читателя существенно снижать или повышать легитимность нынешней власти, несмотря на то, что содержали исключительно объективные данные о сёгунском доме. Внимательное чтение также позволяло любому читателю прийти к выводу о существовании у некоторых домов в иерархии сёгуната прав на высокий пост сёгуна, а также о наличии определенных прав на власть у императора исходя из хорошо известных всем интеллектуалам того времени идей Мэнцзы о наличии двух типов правителей: "одзя" (правителей), "получивших мандат Неба на правление благодаря своему происхождению, и "хася" (гегемонов), получивших власть силой. Император, благодаря божественному происхождению, принадлежал к первой категории, а сёгуны Токугава ко второй. Эти идеи были хорошо известны и до сёгуната Токугава и имели популярность в период падения Камакурского сёгуната и реставрации Кэмму. В реалиях сёгуната Токугава с точки зрения правил наследования император не имел никаких прав на верховную власть и являлся второстепенным элементом политической системы, но известность трактатов Мэнцзы приводила к тому, что различные авторы, например, Ямадзаки Андзай (1619–1682), давали свои комментарии по этому вопросу, не вызывая интереса за пределами узкого круга интеллектуалов. Однако, как оказалось, эти

³⁸ Потомок десятого сына Токугава Иэясу.

³⁹ По этой причине дом Хитоцубаси в научных работах обозначается Токугава Хитоцубасикэ. В отношении этого дома не существует такого термина, как Хитоцубаси хан, потому что этот дом не существовал в качестве территориальной единицы, хотя имел резиденцию в Эдо.

идеи таили в себе большую потенциальную энергию, которая проявилась в условиях бакумацу.

Рай Санъё не видел ничего опасного в сосуществовании императора и сёгуна, напротив, он считал его естественным для тогдашней системы. Учитывая сложную судьбу самого Рай Санъё, для него представляли огромный интерес проблемы наследования сёгунского дома. По крайней мере частично его интерес стимулировался личным опытом и не был вызван особым критическим настроем по отношению к сёгунскому дому. За исключением того, что близость Сына неба к Небу давала императору как бы некоторые преимущества перед сёгуном в правильном понимании направления движения событий в Поднебесной в отдельные периоды времени.

Рай Санъё не критиковал феодальные порядки или действия бакуфу. Однако читатели «Нихон гайси» имели склонность не обращать внимания на оригинальные идеи автора, а использовать подобранный им материал для создания собственных построений и умозаключений. Из содержания «Нихон гайси» становилось понятно специфическое положение императора в политической системе сёгуната Токугава. Оно состояло в том, что, с точки зрения ранговой иерархии, император находился на ее вершине, хотя и не имел реальной власти в стране. Поэтому работа создавала основу для истолкования ее в революционном смысле в ходе борьбы за власть. Наиболее примечательными были в этом отношении позиции Мито и Тёсю. Собственно начало этого процесса положил глава Мито Токугава Нариаки (1800–1860), который решил использовать свои отношения с киотосским двором для усиления своего влияния в борьбе за пост преемника сёгуна Иэсада. В этот момент речь не шла о перспективе получения императором верховной власти. Токугава Нариаки увидел возможность повлиять на ситуацию, использовав формальную процедуру утверждения императором определенных указов и распоряжений бакуфу. Император не утвердил действия бакуфу по заключению торгового договора с Америкой [Толстогузов С. 2003, с. 7–8]. Формально Токугава Нариаки не называл императора «одзя», но лозунг «сонно»⁴⁰, который также включает иероглиф «о», содержит намек на то, что император может трактоваться как «одзя».

Большую роль в дальнейшей трансформации идеи императора сыграли радикальные представители Тёсю, начиная с Ёсида Сёин (1830–1859), Кидо Такаёси (1833–1877), которые пошли дальше императора Комэй в своих идеях и в сотрудничестве с представителями низкоранговых аристократов, таких как Сандзё Санэтоми (1837–1891), предприняли попытку вооруженного мятежа в Киото в августе 1864 г. (Кинмон-но хэн). Это породило поразительную ситуацию, как пишет А. Мещеряков. «Княжество Тёсю ратовало за реставрацию власти императора, Комэй выступал за продолжение наступления на него». [Мещеряков 2006, с.149] Эти противоречия в позиции императора Комэй объяснимы, если принять во внимание, что действия радикалов из Тёсю могли быть не совсем бескорыстны и нацелены на замену сёгуна на главу дома Мори⁴¹, по существу не меняя положение императора в системе.

Император в ходе внутривластной борьбы периода бакумацу с определенного момента стал рассматриваться как альтернативный и в то же время законный, возникший

⁴⁰ Напомним, что «сонно» пишется не только 尊皇, но и 尊王.

⁴¹ Истории дома Мори, который длительное время имел ставку в Хиросиме, посвящена одна из 22 книг «Нихон гайси».

задолго до появления сёгунов институт власти, в руки которого может быть передана (возвращена!) власть в стране. Это не противоречило идеологии чжусианства, которое опирается на принцип верности подданных правителю и подчеркивает необходимость неуклонного его соблюдения. Чжусианство усиленно насаждалось в стране с приходом к власти Токугава, утверждая, что одним из главных теоретических положений является идея о правлении на основании добродетели "току" под которой понимались различные реформы и преобразования для улучшения управления страной. То есть возможная замена сёгуна на другого представителя самурайского сословия не противоречила чжусианству.

Для сторонников идеи «сонно» из числа конфуцианских ученых, самураев и киотосских аристократов в турбулентное время бакумацу приобретают особое значение представления о том, что существует разница между правителями "одзя" и "хася". Эти идеи были взяты на вооружение противниками сёгуната, провозгласившими императора истинным правителем, и в конце концов сёгун Ёсинобу возвращает место верховного правителя императору, сохранив в целом дуалистическую систему, переместив наверх императора и поменяв его местами с сёгуном, что затем повлекло свержение сёгунов и формирование новой системы с центром в виде императора. Наблюдается явление, когда в целом второстепенный институт существующей системы при определенных обстоятельствах приобретает особое значение, что приводит к разрушению всей конструкции власти и формирования новой системы с этим институтом в качестве центрального звена.

Заключение

«Нихон гайси» – это очень важная и фундаментальная работа периода Эдо, которая не случайно привлекла внимание сначала активных участников реставрации Мэйдзи, а затем идеологов мэйдзийского времени. Она содержит значительное количество объективной информации о политической системе и политической борьбе в период существования всех трех сёгунатов Японии. Эта работа заслуживает внимания исследователей по меньшей мере в трех отношениях.

Во-первых, как работа историка, который писал историческое исследование в период, когда не сформировались основные параметры этой профессии.

Во-вторых, как работа, в которой представлены основные моменты борьбы за власть глазами человека того времени, то есть политическая история сёгунатов на основе представлений человека, который жил в этот период и строил свои заключения на основе набора основных знаний той эпохи.

В-третьих, восприятие этого труда в период Мэйдзи исин и падения сёгуната.

По всем трем направлениям возможно ожидать увеличение интереса к работе Рай Санъё. Ее значение будет переоцениваться и пересматриваться. Точно так же стоит ожидать альтернативных переводов отдельных частей «Нихон гайси», целью которых должно стать очищение от идеологизированных трактовок мэйдзийского периода и прояснение его оригинальных идей и изначальной версии политической истории сёгуната, принадлежащей самому Рай Санъё.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мендрин В.М. История сёгуната в Японии: Нихон гайси: В 2 т. / пер. с яп. Т. 2. М.; СПб.: Рос. гос. б-ка: Летний сад. 1999. 384 с.

Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его время, М.: Наталис, Рипол Классикэ. 2006. 736 с.

Толстогузов А.А. Японская историческая наука: очерки истории. М.: Издательство «Восточная литература» РАН, 2005. 566 с.

Толстогузов С.А. Токугава Ёсинобу и борьба за сёгунский пост в годы Ансэй // Восток. 2003. № 6. С. 5–11.

Щепкин В.В. Трактат Хаяси Сихэй «Кайкоку хэйдан» как памятник военно-политической мысли Японии эпохи Эдо (1603–1867) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2011. 23 с.

REFERENCES

Mendrin, V. (1999). *Istoriya segunata v Yaponii: Nihon gaisi* [The History of the Shogunate in Japan: *Nihon Gaishi*] (Vols. 1-2). Translated from Japanese. Moscow, Saint Petersburg: Russian state library: Letnii sad. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2006). *Imperator Meidzi i ego vremya* [Emperor Meiji and His Period in Japanese History]. Moscow: Natalis, Ripol Classic. (In Russian).

Shchepkin, V.V. (2011). *Traktat Khayasi Sikhei «Kaikoku kheidan» kak pamyatnik voenno-politicheskoi mysli Yaponii epokhi Edo (1603–1867)* [Hayashi Shihei's manuscript, *Kaikoku Heidan* as a monument to the military and political thought of Japan during the Edo period (1603–1867)] (Abstract of dissertation for the Candidate of Historical Sciences degree, Saint Petersburg). (In Russian).

Tolstoguzov, A.A. (2005). *Yaponskaya istoricheskaya nauka: ocherki istorii* [Japanese Historical Science: Essays on the History]. Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russian).

Tolstoguzov, S.A. (2003). Tokugawa Esinobu i bor'ba za segunskii post v gody Ansei [Tokugawa Yoshinobu and the Struggle for Shogun Succession in Ansei Years]. *Vostok (Oriens)*, 6, 5-11. (In Russian).

* * *

Ando, Hideo. (1982). *Rai San'yō den* [The Biography of Rai Sanyo]. Tokyo: Kondo shuppansha. (In Japanese).

Gramlich-Oka, B. (2010). Neo-Confucianism Reconsidered: Family Rituals in the Rai Household. *U.S.-Japan Women's Journal*, 39, 7–37.

Nakamura, Shin'ichirō. (2017). *Rai San'yō to sono jidai* [Rai Sanyo and His Time] (Vol. 2). Tokyo: Chikuma shobo. (In Japanese).

Ōmachi, Keigetsu. (Ed.). (1910-18). *Rai San'yō, Nihon Gaishi. Shinsho kanbun sosho* (1st ed.). Tokyo: Shiseido shoten. (In Japanese).

Rai San'yō shokan shū [The Collection of Letters of Rai Sanyo] (Vol. 2). (1927). Tokyo: Min'yūsha. (In Japanese).

Rai, Seiichi & Rai, Tsutomu. (Transl. to the modern Japanese language). (2016). *Rai San'yō, Nihon Gaishi* (16th ed., Vol. 1). Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).

Steben, B. (2002). Rai San'yo's Philosophy of History and the Ideal of Imperial Restoration. *East Asian History*, 24, December.

Takamori, Akinori. (1996). [Japanese civilization seen from the historical point of view: searching a new self-image of the Japanese people]. Tokyo: Tendensha. (In Japanese).

Tokuda, Susumu. (1972). *Rai San'yō to Meiji Ishin* [Rai San'yō and Meiji Ishin]. Tokyo: Ashi Shobo. (In Japanese).

Поступила в редакцию 01.02.2021

Received 1 February 2021

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-44-60

Влияние ИКТ на отношения в семье современных японцев (на основе опроса японских студентов)

А.А. Борисова

Аннотация. Статья представляет собой анализ ответов, полученных в ходе опроса студентов японских университетов на тему влияния информационно-коммуникационных технологий (социальных сетей, мессенджеров и т.д.) на общение внутри семьи. Респондентов просили ответить, влияет ли активное использование ИКТ на общение с родными, какое именно влияние это оказывает, усугубляет ли общение в социальных сетях недопонимание между старшим и младшим поколением и т.п. Большая часть опрошенных отметила, что является постоянным пользователем различных социальных сетей (ответ «Не пользуюсь социальными сетями» в соответствующем вопросе выбрало 0 % опрошенных) и часто общается с членами своей семьи с помощью ИКТ. При этом ответивших, что среди родственников чаще всего общаются с родителями, было в два раза больше, чем тех, кто отметил общение с братьями или сестрами, что иллюстрирует особенности внутрисемейных отношений японцев. Также было отмечено положительное влияние такого способа коммуникации на общение внутри семьи, так как «можно быстро обменяться необходимой информацией», «укрепляются связи с родственниками, которые живут далеко» и «в сообщении легче написать то, что сложно сказать человеку в лицо». Людей, которые сочли влияние ИКТ на внутрисемейное общение отрицательным, было значительно меньше. При этом многие опрошенные не увидели связи между использованием социальных сетей и отсутствием взаимопонимания между поколениями, ответив, что социальные сети никак на это не влияют, хотя и было отмечено, что сетевой сленг, присущий общению молодежи между собой, может быть непонятен более старшим поколениям. Следует сказать, что при проведении подобного опроса среди представителей другого поколения либо среди молодежи, не являющейся представителями университетского студенчества, результаты могут значительно отличаться.

Ключевые слова: Япония, ИКТ, общение в семье, социальные сети, опрос студентов, молодежный язык.

Автор: Борисова Анастасия Анатольевна, ассистент кафедры японоведения СПбГУ (адрес 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11). E-mail: a.borisova@spbu.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Работа выполнена в рамках проекта «Лингвистическая эволюция в контексте развития информационно-коммуникационных технологий: 2020 г., этап 7».

Для цитирования: Borisova A.A. The influence of the ICT on relationships in the family of modern Japanese (based on the Japanese students' survey) // Японские исследования. 2021. № 2. С. 44–60. (На англ.) DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-44-60

The influence of the ICT on relationships in the family of modern Japanese (based on the Japanese students' survey)

A.A. Borisova

Abstract. The article is an analysis of the answers received during a survey of students of Japanese universities on the impact of information and communication technologies (social networks, instant messengers, etc.) on communication within the family. The respondents were asked to answer whether the active use of ICT affects communication with relatives, what kind of impact it has, whether communication on social networks aggravates misunderstandings between the older and younger generations, etc. Most of the respondents noted that they were regular users of various social networks (the answer "I don't use social networks" at the corresponding question was chosen by 0 % of respondents) and often communicate with their family members using ICT. At the same time, there were twice as many respondents who noted that they communicated with their parents more often than with other relatives in comparison with those who noted communication with brothers or sisters; it shows the peculiarities of the intra-family relations of the Japanese. The positive influence of this method of communication on contacts within the family was also noted, since "one can quickly exchange the necessary information", "ties with relatives who live far away are strengthened", and "there are things which are easier to write in a message than to say in person". There were significantly fewer people who considered the impact of ICT on intra-family communication to be negative. At the same time, many respondents did not see the connection between the use of social networks and the lack of mutual understanding between generations, answering that social networks do not affect in any way, although it was noted that the network slang inherent in youth communication could be incomprehensible to older generations. It is worth noting that the results of the same survey among representatives of another generation or among young people who are not representatives of university students may differ significantly.

Keywords: Japan, ICT, family communication, social networks, student survey, youth language.

Author: Borisova Anastasia A., assistant lecturer of the Department of Japanology, St. Petersburg State University (11, Universitetskaya nab., 199034, Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.borisova@spbu.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the project "Linguistic evolution in the context of the development of information and communication technologies: 2020, stage 7".

For citation: Borisova A.A. (2021). The influence of the ICT on relationships in the family of modern Japanese (based on the Japanese students' survey). *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 2, 44–60. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-44-60

Nowadays, information technology is deeply ingrained in the life of almost every family. Many applications help to plan family budget, leisure, managing of everyday life and vacations. Mobile communication and the Internet are used in almost every home; and now it is difficult to imagine everyday life without various electronic devices. In such situation, the role of information and communication technologies (ICT), including various social networks, instant messengers such as WhatsApp or FaceTime etc., cannot be overestimated. Now, the absence of someone's account in any social network is surprising; and the global network plays a leading role in the exchange of various information. It seems that the abovementioned statements can be applied to almost any country in the modern world, and Japan is no exception.

Undoubtedly, the role of communication technologies in the life of modern Japanese, especially young people, is exceptionally large. Much of communication takes place through social networks or instant messengers.

A study of the impact of social networks and instant messengers on everyday communication in the modern Japanese family was conducted within the framework of the project “*Linguistic Evolution in the Context of ICT Development*”, at the Department of Japanese Studies of the St. Petersburg State University. The aim of the study was to find out the impact of communication through modern communication technologies on family relations, in particular, on communication of young people (university students) with members of their families. To accomplish the aim, a survey of students of several Japanese universities was conducted in 2019, and the answers were analyzed comparing the obtained results with the data given in various articles and research works on the related topics.

The works by E. M. Fife, LuA. LaCava, & C. L. Nelson [Fife, LaCava & Nelson, 2013], and S. Sultana [Sultana, 2017] are not specifically devoted to the family communication of the Japanese, but the problems described – for example, the growing influence of the SNS on family communications and the dilemmas such as whether to approve parents’ requests for becoming ‘friends’ via Facebook or not – are quite similar to those taken into consideration in the current article. It also demonstrates the relevance of the topic and its significance not only in Japan, but in general.

A survey of the impact of communication technologies on the youth language of modern Japanese was conducted among students of the University of Tsukuba in 2016. All of the respondents, without exception, noted their using one or several instant messengers. Students were asked to choose which social network or messenger they use for communication most often and why. The results of the survey were presented in the article by A. Borisova and N. Issa [Borisova A., Issa N., 2018], where great influence of the ICT was noted not only on development, but also on the wider spread of new words and trends.

In the course of the study, statistical data presented on the Internet were also used, as well as materials from various Internet sites, including blogs, reviews, and surveys. It seems that the wide spread of the ICT and the specific features of its usage by the Japanese can influence not only communication between friends, but also communication between relatives and members of the family.

Methodology of the research

The survey the results of which are to be presented further involved 97 people, mostly students at the universities of Aoyama and Tsukuba, and the Osaka University of Foreign Studies. 83 % of the respondents were younger than 25 years old. 68.4 % of the respondents were female, and 31.6 % were male. Respondents were offered several questions concerning the impact of communication through social networks and instant messengers on their contacts with members of their families. Respondents were to comment on their answers to some questions in order to describe the impact of ICT on communication with their close relatives (or the lack of it) more accurately.

There were the following questions:

- How much time per day do you use social networks?
- Do you use SNS to communicate with your family?

- Whom in your family do you often contact via SNS or messenger?
- What is the main purpose of such contacts?
- Do SNS and messengers affect daily communication with your family members?
- How do SNS and messengers influence daily communication with your family members?
- Do you reply to a message from your family as soon as you receive it?
- If not contacting your family via SNS or messenger, please, explain why.
- Do you think that SNS and messengers have made it difficult for young people to understand the previous generation?
- What will happen to communication through SNS and messengers from now on?

There were multiple choices of answers to some of the questions. The respondents were also asked to give some comments on their answers.

Average use of the SNS per day

In the first question, it was asked how much time per day a respondent basically spends on social networks or how much time per day he or she uses an instant messenger. It is noteworthy that the option “I do not use it at all” was not chosen at all. The results were as follows:

- I use it for 1–3 hours per day – 53.6 %
- I use it for 3–5 hours a day – 32 %
- I use it for 5–8 hours a day – 10.3 %
- I use it for more than 8 hours a day – 4.1 %

Thus, all respondents indicated that they devote a certain amount of time per day to communicate through information and communication technologies. According to the data of an article published in *Nikkei* in 2016, the Japanese, on average, spent just 19 minutes a day on social networks [Nikkei, 2016]. However, these data were given for users of various age groups, not only young people. As for the young users of social networks, according to the data provided by the “*Nippon.com portal. Modern look at Japan*”, in 2019, high school students in Japan (the group of respondents, the closest in age to the object of our study), spent about 3 hours and 37 minutes a day, communicating on the Internet [Nippon.com, 2019]. Such data correlate with the result of our study; and it can be stressed that communication through social networks and instant messengers plays an important role in contacts among young people. It is observed quite often that young people (and those not so young also) walk without taking their eyes off the screen of their smartphones and not paying attention to what is happening around. That is why there appeared a large number of posters and social advertising messages warning of the dangers of the constant use of smartphones in different situations in Japan.

No doubt, this is facilitated by the increasing proliferation of mobile technologies, smartphones that support high-speed Internet and the desire of young people to keep up with the fashion, in other words, to be up to date on all the fashionable novelties and trends – that is exactly the information most quickly distributed through social networks focused on young users.

Specific features of the network communication of the Japanese

For many young Japanese, communication via instant messengers is an integral part of their lives. However, does such an active online life affect real relationships between people – particularly, real life communication with their family members?

To find out, the respondents were offered a question asking whether they communicate with their family members via instant messengers and social networks or not.

91.8 % answered affirmatively.

8.2 % answered that they do not communicate with their families using the ICT.

Respondents who gave a negative answer to the question were asked to comment on their choice; and the following variants were received:

- There's enough communication in real life.
- My family members don't like social networks.
- I don't like being contacted anywhere and anytime.
- There are no young people of my age among my relatives.
- I don't even talk on the phone with them.
- Parents prefer emails and telephone calls.

Many researchers note that the Japanese are often limited by different frameworks of conventions and traditions, not only at work, but also at home. For some Japanese, for young people especially, their life online is a way to relax, to escape from the surrounding reality, giving them some freedom to express their opinion, even if they are hiding in the network under a mask. That is why the blogosphere is exceptionally developed in Japan; and it is the blogging and reading activities that Japanese most often prefer on the Internet. In addition, the Internet is often used for entertainment. It can be assumed that communication with the family falls under the category of 'serious' conversations, when one has to use the appropriate style of communication and writing that is not quite fun. This is perhaps one of the reasons why young Japanese are not in a hurry to add their relatives as friends in social networks [Rocketnews.24, 2017]. The abovementioned statements coincide with the results of a study conducted by Eric M. Fife, LuAnn LaCava and C. Leigh Nelson. That study focused on privacy on Facebook and in family communication. As the researchers note: "They [young people] seemed comfortable with their ability to prevent and/or appropriately respond to privacy issues when they developed, by untagging photos, limiting family access, or engaging in other practices related to the technology platform. Second, they felt more comfortable managing turbulence in those situations where they had face-to-face or other forms of regular contact with family members, enabling them to communicatively manage those situations shortly after they arose. When participants felt, they lacked either technological or relational power, they tended to report feeling more vulnerable" [Fife, LaCava & Nelson, 2013, p. 118].

At the same time, everyone is well aware that any information posted on the network can be seen by a wide range of people, even if there are restrictions on viewing. It is a probable explanation of the modesty of the Japanese in social networks. Many of the Japanese reluctantly post their real photos, ask their friends not to tag them on group photos, limit a circle of friends who can see a certain type of information. According to the students' survey that took place in 2016, most of its respondents were using the LINE messenger, since it is the most popular one in Japan. It has the

biggest number of registered users; and, therefore, other applications are simply not needed, according to the students' comments. "Everyone is registered there, it's very convenient," was the most frequent answer.

Facebook takes the second place. Almost half of the respondents noted their regular use of the network. In addition to the usual comments about connecting with friends who are far away and looking for useful information, some respondents noted that they use Facebook to communicate with those they trust. For some respondents, it was important that they could express themselves through that social network; and there were also comments about using Facebook for formal or business correspondence.

Most of the respondents that mentioned the use of Skype associated it with taking online lessons and chatting with friends abroad [Borisova, 2018].

Thus, each of the abovementioned instant messengers was used in a certain situation or even within a certain group of people. Based on these comments, it can be concluded that social networks in which it is necessary to register and create a page with personal data, hobbies, etc. not only make the users think over more carefully their manner of communication, but also somehow control their circle of friends, unlike the aforementioned LINE, where it is difficult to understand the true identity of a person because of short messages. In an article written by Kinjo Shinichiro "How the 'Shy' Japanese are using Social Media", the author declares that using a social network can tell a lot about the account owner. "For example, a young woman and student who lives in the rural areas of Japan will use MIXI, a businessman will use Facebook or LinkedIn, and a student in Tokyo or a young man will use Twitter" [Kinjo, 2011]. A kind of practical approach to the use of communication technologies among the Japanese may be noted: depending on the purpose of communication, the Japanese choose different methods and channels [Social Media lab, 2020].

In general, speaking about the use of social networks in Japan, a noteworthy paradox can be identified: with all the abundance of advanced technologies, including ICT, in their everyday life, the Japanese are quite wary of social networks, where one needs to enter personal data for registration. According to statistics, the majority of the Japanese users prefer the Japanese platform for communication LINE (more than 36 million users). Twitter is used by 30 million users. Also, the MIXI network is quite popular (approximately 25 million users) [Travel Voice, 2017]. Despite such a large audience, network users manage to preserve the desired privacy, since MIXI pages are not displayed, for example, in Google global search, and, for the registration there, one needs to receive an invitation from an already registered user, while those who want to register must be 18 years old and above. Recently, a rapid increase in the popularity of Instagram can be seen. Currently, more than 27 million Japanese users have already been registered on this network. This process seems to be quite natural, since even the users of the network themselves point out that every new generation of Internet users starts with new social networks, making them popular [Borisova A, Issa N., 2018, p. 90].

The peculiarities of communication with the family via SNS

The same regulations of communication can also be applied to the family members. Based on the comments received, it can be concluded that, in some cases, the younger generation of the Japanese intentionally tries to limit their online communication with relatives. In this sense, a comment about the absence of relatives close in age is indicative: it seems that the respondent

emphasized in such a way a significant gap between his or her own generation and the generation of parents. It was observed that, unlike communication with other young people, communication with older relatives on social networks does not take place very often. This may also be due to the fact that the older generation does not always understand the rules of social networking adopted among young people; it incorrectly uses the specific vocabulary adopted in online communication, which causes some embarrassment [Rocketnews.24, 2017]. On one of the Internet portals on the development of the youth language in Japan, the importance of the correct use of words and expressions of the youth language is emphasized: “If you use your favorite words thoughtlessly, not knowing their true meaning, the person you are talking to will not be of high opinion of you. It would be better to check the way of usage in order not to make a floater” [Wakamono kotoba, 2020].

Also, noteworthy, there is a desire of some respondents to limit their communication with relatives to real life only, as well as the reluctance to communicate at any time and in any situation, which is quite often inherent in social networking.

Nevertheless, the majority of respondents noted that, one way or another, communication in social networks, as well as through instant messengers, was carried out.

The following questions were addressed to those who gave an affirmative answer to the question about communication with their relatives through the ICT.

The additional question was: whom exactly in the family do they most often communicate with through social networks and instant messengers (it was possible to choose several options). The received results were as follows:

- With parents – 87.8 %
- With brothers and sisters – 42.2 %
- With grandparents – 3.3 %
- With other relatives – 6.7 %

The large gap between the respondents who noted that they most often communicate with their parents through the ICT, and those who answered that they most often communicate with brothers and sisters is obvious. It could be considered that communication with younger people of similar age should occur more often than with representatives of the previous generation; this is especially true for contacts through communication technologies. However, such a gap seems surprising at first glance only. In fact, there are several important reasons for such a difference in the number of responses. The first reason is that the birth rate is steadily declining in Japan, and, in the 90s, that is, during the period when most of the respondents were born, the birth rate did not exceed 10 per 1000 persons. Thus, many young people are the only child in the family; and they simply do not have an opportunity to communicate with the relatives who are close in age. However, even if there are several children in a family, there are peculiarities of communication between brothers and sisters in Japan. It is necessary to explain this specificity of family relations between siblings.

Francis Fukuyama noted that, in Japanese families, the bonds between parents and children (in other words, vertical ties) are often much stronger than those between brothers and sisters (horizontal ties). Fukuyama even cites an example for the fact that there is a situation where brothers and sisters do not know each other's phone numbers [Fukuyama, 2004, p. 294]. Developing his thought, one can say that modern siblings do not add each other as friends in social networks.

The specific feature of the Japanese traditional family was a strict vertical hierarchy, where all members of the house unconditionally obeyed the head of the family. As a rule, the eldest son was declared the heir. In Japan, it was considered normal if the younger brothers left the family nest and founded their own households as soon as the older brother began to fully manage the house. Naturally, the relationship between father and sons (especially the eldest son) was much closer than between brothers. The brothers generally could not maintain relations with each other, although recognized the authority of the elder brother. It seems a probable explanation for a certain estrangement between older and younger brothers and sisters inherent in Japanese families.

A small percentage of those who indicated frequent communication with grandparents via social networks could be explained by the fact that the older generation is not so active in using the global network, in comparison to younger people, but, according to the statistics from 2019, 73.9 % of the population from 60 to 69 years old and 46.7 % of the population over 70 years old were Internet users, which is not so little [Statista, 2020, Internet]. On the other hand, most of the elderly population in Japan, even those using the Internet, do not use social networks. According to the data from 2016, only 13.7 % of the population aged 65–69 used LINE. Among the population over 70, there were only 9.2 % of such users [Emarketer, 2016].

Those who chose the option “communicate with other relatives” left a comment “communicate with a spouse”. Such a comment was given by two respondents, and both were over 25 years old. This can be seen as a confirmation of the tendency of the Japanese to enter into marriage at an increasingly later age (the Japanese now marry usually about thirty years old, on the average). Representatives of the younger generation prefer the answer “communicate with parents” or “communicate with brothers and sisters”.

As for the question on which communication with family members takes place via the ICT, the answers turned out to be quite predictable (it was also possible to choose several answers).

65.6 % of respondents answered that they communicate on everyday topics / have small talks.

37.8 % of respondents answered that communication through network occurs when it is necessary to make a request or to give an instruction.

32.2 % of respondents answered that they exchange various information with their families via social networks and instant messengers.

24.4 % of respondents use SNS to share photos.

17.8 % of respondents use social networks and instant messengers in case they need to say something urgent (for example, to warn about being late).

It is interesting that the “Other” option was not chosen by anyone. Thus, it can be assumed that topics for communication with family members are not critically different from communication with friends and do not have peculiar specific features.

The influence of the communication via the SNS on communication within a family

One of the most important questions of this survey was whether respondents believed that contacts via the information and communication technologies had an impact on everyday communication within their family.

58.9 % of respondents answered affirmatively.

41.1 % of respondents answered negatively.

Among them, 52.2 % of respondents admitted that the communication level within their families increased. 43.3 % of respondents did not see any significant influence of communication via the SNS on their communication within the family. Just 1.1 % of the respondents said that communication became more difficult and 3.3 % of the respondents found it difficult to answer.

The affirmative answers got the following comments (comments on the similar subject are combined into one group).

- Family ties have become stronger.
- Communication has increased / Thanks to various social networks, communication with relatives has increased.
- It became more fun, because I can easily connect with the whole family / It is convenient that I can contact anytime and anywhere.
- The exchange of information with parents increased, and therefore we began to talk about serious problems and on serious topics / We began to talk more about modern technologies / There appeared more common topics for conversation / We began to consult with each other more often.
- We all live separately from each other, and thanks to social networks we began to communicate closely / I live abroad, and social networks are the most important means of communication with the family / With the help of social networks, I can quickly ask about my relatives' health if I worry.
- Through social networks, one can say what is difficult to say in person / Father supported me during the exams, writing words that he had never said out in person.
- If you send a photo of a pet the reaction will be immediate.

These comments, in general, are quite positive, but there were also more negative comments.

- Communication has decreased.
- Communication became somehow compulsory.
- On the one hand, social networks are a good reason to start communicating, but on the other hand, you have to hide information that you don't want to show, and that may cause troubles.
- Now even when we are all at home, we often communicate via LINE, sitting in different rooms.
- We are chatting via SNS, and in this way it's as if we are just talking.

Thus, it can be concluded that communication through social networks, on the one hand, strengthens bonds between family members, since communication with relatives, even those living separately, becomes easier and more accessible. The ability to contact a person anytime, anywhere, which was mentioned by some respondents in previously shown questions as a negative feature of communication through social networks, in this aspect, is viewed more as a positive side of the ICT. This is quite true in the case when a person is worried, for example, about the health of his or her parents, or if they live separately and want to get news about their family in real time. This corresponds with the results of the research by Professor Takahashi, who considers the peculiarities of young people's connections in the Internet era: "Mobile SNSs allow young people to break away from their immediate spatial locations to connect with their friends beyond the time-space constraints, and in a way to reinforce social intimacy and maintain the new forms of *uchi* to which they currently belong. In this manner, young people create and maintain multiple *uchi* through their constant complex online and offline interactions in their social worlds" [Takahashi, 2014, p. 192].

Interestingly, several people mentioned that – with the help of social networks – one can express something that, for some reason, cannot be said in person. Perhaps, such manifestation of feelings and emotions, unusual for most Japanese people in everyday life, makes them take a different look at their relatives and may positively affect relations within the family. This is also confirmed by the comments on the increasing number of topics discussed with relatives. Communication in the global network allows one to express his or her thoughts more freely and openly, which, undoubtedly, affects communication between people, especially between relatives, who take a new look at the people they live with. On the other hand, the negative comments (although these were noticeably less numerous than the positive ones) should also be commented on.

Respondents mentioned that communication becomes mandatory, even if one does not want to communicate. It has already been said above that, for many Japanese, their life online and their life in the real world often do not overlap and seem to exist in parallel. Many friends in social networks have never met in person; and it is impossible to even vouch for the accuracy of the information provided in the online profile. However, in the case of relatives, one must inevitably have to reveal one's own "Self" even in the virtual world, since the refusal to communicate or correspond (or even lack of reaction to the photos that had been sent) can be regarded negatively and cause offense to a family member. Of course, such an attitude cannot have a negative effect only on relations between relatives.

"Participants did point out that they were more comfortable with some family members as friends on Facebook than others, for a variety of reasons. One factor that clearly influences rules for disclosure on Facebook is the age of a family member. Some students expressed concern about older family members seeing aspects of their Facebook profiles, notably images and videos. They were particularly concerned that older family members might judge them, without even giving them a chance to discuss what may be a misleading picture. As one participant remarked, 'You don't know exactly what they're interpreting. They could see something and not talk to you about it, and see it in a certain way. They don't know the real story'. Also, the participants pointed out that Facebook, by its nature, tends to emphasize events during which something interesting actually happens, like a party – so, most people don't post pictures of their study groups. As one said, 'guess they would only be seeing the fun side'. Another noted, 'no one is going to bring your camera while you're studying in the library'." [Fife, LaCava & Nelson, 2013, p. 115]. Similar results were obtained when studying young people from different countries, not only Japan. It seems that the study of such similarity in the responses of representatives of the young generation can lead to interesting results in further studies of the impact of the global network on young people.

The same desire to preserve certain privacy even in the virtual world can explain the comment that one has to hide a part of the information from their profile. This is especially true for various photographs, statements, etc., which can be interpreted incorrectly and lead to misunderstanding or offence.

It is interesting that, in some cases, according to the comments, real life communication was replaced with correspondence in social networks. On the one hand, the ability to find information and to respond to it quickly is convenient, of course, but, on the other hand, this form of communication can be a reason for family members to distance themselves from each other, since direct communication becomes secondary to the virtual message exchange of content. As Saida Sultana notes in her study devoted to the impact of the Internet on the relations between parents and children in Bangladesh, "An explanation is time displacement: It has been argued that Internet use

is negatively associated with family time. The main contention is that time spent on one activity cannot be spent on another. Internet use is a time-consuming activity, and in families that are connected to the Internet, high frequency of use might be negatively associated with family time and positively associated with family conflicts” [Sultana, 2017, p. 47].

Authors of numerous studies on the impact of the ICT on communication between people come to the conclusion that direct communication between people is often reduced due to the increasing use of the ICT, but the results of our study show that the gap between those who believe that ICT has an impact on communication within the family and those who do not consider it in such way, is not so radically large.

Among the 41.1 % of respondents who answered that communication technologies did not have any impact on everyday communication within their families, there were people who made the following comments:

- On social networks we communicate only on insignificant topics that we forget soon, such as shopping. In case of something serious, it is better to call or to go and to talk in person.
- I don’t communicate with my family too much.
- Either with social networks, or without them – the same.
- I write in social networks only if I have a kind of request.
- I send important information in messages, but this does not affect our family relations in any way.
- The amount of communication has not changed.

Thus, the number of respondents who evaluated the impact of social networks and instant messengers on communication within the family as negative is rather lower than the total number of those who responded positively or declared the absence of such influence. However, it should be noted that the focus group of the current study were students of higher educational institutions – in other words, quite socially prosperous groups. In the case of focus groups of some other social level, the results may differ significantly. These results can be confirmed with the data presented in the research where the attitude of Japanese and American parents and teens towards the SNS and communication via the SNS was analyzed. According to the research, only 25 % of Japanese teens feel distracted when their parents use mobile phone while being near and only 6 % of them say that mobile devices are hurting parent-child relationships [Bay, 2017].

The results of the survey are also confirmed by the fact that the question about how quickly the respondents react and respond to the messages received from their family members was answered in the following way: 58.9 % of respondents answered that they react as soon as possible. 38.9 % answered that they respond in the reasonable time, and only 2.2 % answered that they did not respond to such messages. Thus, the overwhelming majority of the respondents, regardless of the positive or negative assessment given by them to the impact of ICT on the communication within the family, do not leave messages from relatives unanswered; and they even try to respond as soon as possible.

The influence of communication via the SNS on communication between older and younger generations

In order to evaluate the impact of the use of social networks and instant messengers on the communication of representatives of different generations, the following question was offered: do you think that, due to the use of social networks and instant messengers, the older generations find it difficult to understand the youth?

- 60 % of respondents answered negatively.
- 40 % of respondents answered affirmatively.

Despite the fact that the majority still believes that the ICT does not affect mutual understanding between different generations, quite a large number of respondents think differently, so they gave the following comments:

– Network slang of young people is incomprehensible to the older generation. Older people do not even understand why young people constantly look at the phone even in the elevator / Artificial words like 草 or www appeared (an example with these words was given several times) / There are words that are used in the network only / Probably, it is difficult to understand abbreviated words / There is a lot of information distributed through social networks and focused exclusively on young people.

– This is a way of communication which previous generations are unfamiliar with / Older people do not use social networks / I think that for 70-year-old people, it is difficult to understand the youth / Many people lie on social networks especially in order to show their importance. It is difficult to understand / One cannot understand new realities such as, for example, sending New Year's cards via Internet/ The culture of instant information sharing via Twitter or Instagram has just started, and the older generation has simply not gotten used to it.

- I do not even understand the younger sister's hobbies.
- People stopped talking face to face.

Thus, many who responded positively to the question about the impact of the ICT on mutual understanding between representatives of different generations note that not only the behavior of young people, but even a specific language that appeared to communicate in the network may be incomprehensible to previous generations, who do not get used to social networks and instant messengers. The shaping of such language looks quite natural: most users of social networks and instant messengers are young people, who are often characterized with the creation of specific vocabulary that is inherent in each generation in order to stand out and be different from previous generations. Naturally, the constant use of Internet communications cannot but influence the development of the language. There is a so-called network slang, changing the norms of communication, writing familiar words, etc. It is young people who are the first to respond to the slightest changes in society, be it the emergence of new technologies, social, economic, and political changes, etc. At the same time, new words are not always a part of the official dictionary. Many of them are to be considered obsolete even among the representatives of the generation that created them, not to mention the next generations.

At the same time, older generations not only consider the expressions of the youth language to be 'inelegant' and 'irrelevant', but often simply do not understand the young Japanese, even if they

use common words, because their meaning often changes. In particular, the words “草” (*kusa* – the grass) or “www” mentioned in the commentary are used to mean laughter (in the West, the abbreviation LOL is often used for this). The first sound of the word “laugh” in Japanese – “warau” (笑 う) – W, repeated several times, resembles the grass on the lawn (www) with its outlines, which was replaced by the character meaning “the grass” [Borisova A, Issa N. 2018].

Thus, the most vivid examples of the misunderstanding between the generations given in the comments above are words and expressions of the youth language and network slang. However, this is true for the generations of parents of today's youth, and for their parents: every next generation invents its own words and expressions, often with that very aim of making its speech incomprehensible to older generations. Therefore, it is difficult to say whether the use of social networks and instant messengers has a great influence on mutual understanding between generations, or is it just a natural process in which every next generation tends to differ from the previous one; and the ICT is just a convenient tool for achieving this aim.

Other comments, in their turn, refer, rather, not to the use of the ICT, but to changes in the life of the society as a whole, including the rapid introduction of new technologies, the process which representatives of previous generations may not be ready for, as well as for a certain style of communication in social networks. For older people, it is unusual to use, for example, online orders and delivery (it's easier for them to go to the store by themselves), emails and sending greetings via e-mail. Thus, indeed, it is not so much a matter of the ICT, as the differences of the way of life typical of representatives of different generations.

It can be confirmed with the comments of respondents who believe that the ICT does not affect understanding between people of different generations. These comments are following:

- I think that the ICT is not what influences mutual understanding. A different matter is that children now use smartphones and other technologies from the cradle, but this is more a matter of social problems.

- The ICT does not particularly affect, I think, the difference lays in cultural differences with previous generations.

- There are points of coincidence, and there are also mismatching points as it was before. I don't think the ICT particularly affects.

- There is a gap between older people who do not know how to use social networks and young people.

- The generation of our parents communicates quite differently and establishes connections between people in a different way. I think it's hard for them to understand our communication style.

Thus, although quite many representatives of the younger generation point out the misunderstandings between their own and older generations, they are not inclined to blame the ICT for the development of mutual misunderstanding between the generations of parents and children.

Moreover, some respondents assessed the impact of communication via the ICT positively and even expressed the hope that the ICT would serve to overcome the existing misunderstanding between generations.

- People of all generations are free to express their opinions, and this can be the key to mutual understanding.

– Since it is easy to contact and talk even with relatives living far away, the relationship is only getting stronger.

– Thanks to the diversity of connections between people, the ICT help to strengthen such connections.

– It has become easier for me to communicate with older relatives when they started using social networks.

– It has become easier to establish strong connections with people.

– Through the use of *emoji*, it has become clear what people really feel.

– Some things for people are easier to write than to say, so it's easier to understand each other.

It is easier for many Japanese to express their thoughts and emotions in writing than in personal communication – and this fact draws attention again. It is not surprising that *emoji* was separately noted as a means of expressing one's own emotions: the culture of visual images is quite close to the Japanese mentality with its figurative writing (characters) and, therefore, thinking. At the same time, in the everyday life, a vivid demonstration of emotions and feelings is not welcomed. Perhaps, that is why *emoji*, bright and funny, often grotesque, exaggeratedly depicting various emotional states, has become an integral part of the culture of Internet communication, aiding mutual understanding and illustrating messages.

Thus, university students noted that the impact of the ICT on communication between representatives of different generations is not always negative, which is often noted in various studies, and even was rated positively. On the other hand, it was noted that the spread of social networks, although it entails an increase in the number of the vocabulary of network slang, incomprehensible to older relatives, was not a determining factor affecting the understanding between different generations.

Some perspectives on the future development of the ICT

In the last question, respondents were asked to evaluate the further impact of technology development on communication. The overwhelming majority of respondents (67.3 %) responded that further development of technologies and their spread will touch an increasing number of various areas. One of those who responded in this way commented on his answer like this: “Not only social networks, but all technologies, in general, are rapidly developing. It is possible that, in the future, it will not be so necessary to meet and communicate in person. Probably, some changes in the style of communication are inevitable”. Some respondents also made comments that personal contacts were likely to shorten.

– 25.5 % of respondents suggested that the development of technology would not affect the relationship between people, and communication will remain about the same, as it is without changes now.

– 4.1 % of respondents believe that at present the development of technologies has reached its peak, therefore, no significant changes and further influence on communication are expected in the future.

– Finally, 3.1 % of respondents found it difficult to answer.

Conclusions

Based on the foregoing, the following conclusions can be drawn.

Information and communication technologies, in particular, social networks and instant messengers play an important role in the communications of the modern Japanese, especially young people, who are the most active users of the global network among all age groups. Without any doubt, the proliferation of these technologies cannot but affect the communication between family members, which was confirmed by the results of the survey.

Most of the respondents, all of whom answered that they were users of social networks and used some instant messengers, in one way or another used social networks, as well as other ICT, to communicate with their relatives. At the same time, communication with parents via social networks and instant messenger takes place more often than with brothers and sisters. The opinions of those who responded to the question of whether the ICT influenced daily communication with relatives or not have divided, but the number of those who responded negatively slightly exceeded the number of the affirmative responses. At the same time, the majority of those who answered in the affirmative gave a positive assessment of the impact of the ICT on communication with their family members, noting that they managed to strengthen bonds between relatives and had the opportunity to communicate more often. There were fewer of those who mentioned negative impact of the ICT on communication, but one should not ignore the comments that communication in social networks is intrusive, and building a circle of virtual friends leads to the need of hiding some undesired information, which can be misinterpreted. As for the topics of communication, no specific differences from communication with friends of the same age, for instance, were revealed. However, many respondents noted that the spread of communication through social networks and instant messengers can lead to misunderstandings among representatives of different generations, especially with regard to the spread of network slang. In general, the older generation may find it harder to adapt to the rapid development of the ICT. However, some respondents believe that it is not so much the development of technology, but the existing difference between habits, including communication habits, of different generations. Moreover, according to some opinions, communication in social networks can serve to strengthen mutual understanding between generations and serve to establish closer ties between relatives.

At the same time, the majority of respondents believed that further development of technologies, including the ICT, would continue, and this might have a certain impact on direct communication between people. Comments were received that, due to the development of the ICT, the need for personal communication may be reduced.

In the future, it would be interesting to conduct a similar survey among the representatives of the older generation and compare the obtained results. In such analytical comparison it would be possible to find out not only the opinion of representatives of different generations on the impact of the ICT on communication between relatives, but also to evaluate the extent of the spread of the ICT in the everyday life of the modern Japanese, as well as to try to shed light on some social problems of intergenerational relations.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борисова А.А., Исса Н. Механизмы словообразования в японском молодёжном языке // Лингвокультурная эволюция Японии в информационном обществе: погружение в новую реальность. СПб: ВВМ, 2018. С. 80–99.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. 711 с.

REFERENCES

Borisova, A., & Issa, N. (2018). Mekhanizmy slovoobrazovaniya v yaponskom molodezhnem yazyke [Mechanisms of word formation in the Japanese youth language], *Lingvokul'turnaya evolyuciya Yaponii v informacionnom obshchestve: pogruzhenie v novuyu real'nost* (pp. 80–99). Saint Petersburg: VVM. (In Russian).

Fukuyama F. (2004). *Doveriye. Sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow: AST. (In Russian).

* * *

Bay, W. (2017). Teens and parents in Japan and US agree – mobile devices are an ever-present distraction. *The Conversation*. Retrieved February 25, 2019, from <https://theconversation.com/teens-and-parents-in-japan-and-us-agree-mobile-devices-are-an-ever-present-distraction-84325>

Borisova, A. (2018). The Influence of the Social Networks and Messengers on the Youth Language of the Japanese//IAFOR Research archive. Retrieved December 19, 2020, from <https://papers.iafor.org/submission41776/>

Emarketer. (2016). Senior Internet Users in Japan Who Use Line, by Age, 2015 & 2016 (% of respondents in each group). Retrieved September 20, 2019, from <https://www.emarketer.com/Chart/Senior-Internet-Users-Japan-Who-Use-Line-by-Age-2015-2016-of-respondents-each-group/197901>

Fife, E. M., LaCava LuA., & Nelson C. L. (2013). Family Communication, Privacy, and Facebook. *The Journal of Social Media in Society*, 2(1): 106-125.

Kinjo, S. (2011). How the “Shy” Japanese are Using Social Media. Retrieved December 3, 2020, from <https://blog.btrax.com/how-the-shy-japanese-are-using-social-media/>

Nikkei Asian Review. (2016). Japanese spend least time on social media worldwide. Retrieved January 20, 2021, from <https://asia.nikkei.com/Business/Japanese-spend-least-time-on-social-media-worldwide>

Nippon.com. (2019). Japanese Youth Spending More Time Online. Retrieved December 19, 2020, from <https://www.nippon.com/en/japan-data/h00408/japanese-youth-spending-more-time-online.html>

Rocketnews.24. (2017). Gendai-no wakamono nettomin ga ageta «SNS-o shinai riyū» iroiro «ryōshin-to Facebook-de kakawaritakunai kara» nado [Among the reasons «Why not using the SNS» given by the young population of the Network, «Don't want to get in touch with parents in Facebook» etc.]. Retrieved March 23, 2019, from <https://rocketnews24.com/2017/12/08/989085/> (In Japanese).

Social Media Lab by Gaiax. (2020). [Jakunensō-no SNS riyō jōkyō kanren-no chōsa matome] Terebi wa minaiga netto dōga wa mainichi miru. Jakunensō-no netto riyō jōkyō to wa? [Survey summary related to SNS use situation of young generation. We do not watch TV, but we watch net animation every day. What is the net use situation of young people?]. Retrieved November 15, 2020, from <https://gaiax-socialmedialab.jp/post-55237/> (In Japanese).

Statista. (2020). Internet penetration rate in Japan in 2019, by age group. Retrieved December 15, 2020, from <https://www.statista.com/statistics/759869/japan-internet-penetration-by-age-group/>

Statista. (2020). Leading countries based on Instagram audience as of October 2020 (in millions). Retrieved January 15, 2021, from <https://www.statista.com/statistics/578364/countries-with-most-instagram-users/>

Sultana, S. (2017). Social Networking Sites (SNS) and Family Relationship: A Study on Youths of Dhaka City. *IOSR Journal Of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS)*, 22 (4, Ver. II): 46–52.

Takahashi, T. (2014). Youth, Social Media and Connectivity in Japan. In *The Language of Social Media. Identity and Community on the Internet* (pp. 186–207), London.

Travel Voice Japan Trade News. (2017). SNS users account for 70 % of all Japanese Internet users. Retrieved January 15, 2021, from <https://www.travelvoice.jp/english/japanese-sns-users-account-for-70-of-the-total-internet-users/>

Wakamono kotoba jiten (2020). Anata wa wakarimasu ka? Wakamono ga tsukau kotoba-no “imi”, “yurai”, “shiyō rei” wo majie wakariyasuku setsumei shimasu [The dictionary of the youth language. Do you understand? The easy-to-understand explanation of the meaning, origin and use examples of the words, used by the young Japanese]. Retrieved January 15, 2021, from <http://bosesound.blog133.fc2.com> (In Japanese).

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-61-77

Время рассказывать сказки: традиция исполнения фольклорных текстов в Японии

А.Р. Садокова

Аннотация. Статья посвящена изучению принципов японского традиционного исполнения сказочных текстов. Эта тема ранее не была в нашей науке предметом специального изучения, хотя законы устного исполнения сказок и произведений других фольклорных жанров оказали большое влияние на японскую культуру, в частности, на структуру произведений средневековой японской литературы, и даже на поведенческую модель японцев.

В работе рассматриваются установленные правила рассказывания сказок, соотношение временных рамок рассказа с обрядовой традицией. Отмечается, что процесс рассказывания никогда не был хаотичным, а был связан с определёнными днями и часами, а также с датами календаря и представлениями о «хороших» и «плохих» днях. Сказка считалась наиболее действенным способом обезопасить себя и дом, оградить свою семью от бед и болезней.

Особое внимание уделяется важности структурных элементов японской сказки, каждый из которых играл при рассказывании особую роль в процессе воздействия на слушателя. Рассматриваются специфические черты японских сказочных зачинов, концовок, медиальных формул. Анализируются взаимоотношения сказочника и слушателей, приёмы настроя на сказку и введения слушателя в особое коммуникативное состояние. В японской традиции процесс рассказывания сказок был обоюдным, то есть слушатель в процессе рассказывания не был пассивен, а даже мог давать оценку рассказчику. При этом процесс ввода в особое коммуникативное состояние, как и процесс вывода из него, был настоящим искусством. У каждого сказочника были свои приёмы, как настроить слушателей на полное погружение в сказку, как «отключить» их от повседневности, как «подчинить» своему голосу, и как потом вернуть «к реальности», наполнив его жизнь счастливой символикой и надеждой.

Также рассматриваются принятые в фольклоре способы коллективного рассказывания сказок, известные как *дандан-катари* (букв. «ступенчатое рассказывание») и *хяку-моногатари* (букв. «сто историй»). Именно эта форма совместного проведения досуга, а часто – и обряда, оказала большое влияние на формирование структуры некоторых литературных жанров, что свидетельствует ещё об одном аспекте сохранения тесных фольклорно-литературных связей в средневековой японской литературе.

Ключевые слова: Япония, сказочник, народная сказка, время исполнения, структурные элементы сказки, категории слушателей.

Автор: Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11). ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: sadokova@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Садокова А.Р. Время рассказывать сказки: традиция исполнения фольклорных текстов в Японии // Японские исследования. 2021. № 2. С. 61–77. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-61-77

It's story time: the tradition of presenting folklore texts in Japan

A.R. Sadokova

Abstract. This paper reviews the principles of traditional fairy-tale presentation in Japan. The subject has not been previously covered in specialised research in our country, even though the rules for orally presenting fairy-tales and works of other genres of folklore have had a profound impact on Japanese culture, specifically the structure of Mediaeval Japanese literary works, and even the behavioural model of the Japanese people.

This paper studies the customary rules for telling fairy-tales and the relationship between the narration's time frame and traditional rituals. We particularly emphasise that, rather than being chaotic or random, the process of story-telling was always timed to fall on specific dates and specific times, as well as calendar days, and was in accordance with the traditional perception of "good" and "bad" days. Fairy-tales were considered the most effective way of safeguarding the individual and one's household and family from misfortune and illness.

We focus particularly on the importance of various structural elements of Japanese fairy-tales. Each of the elements played a specific role in the process of engaging with the audience. We consider the unique features of the beginning and ending of Japanese fairy-tales and typical formulas for the middle. We also analyse the relationship between the story-teller and the audience and the techniques for getting the audience engaged in the narrative and prompting them to enter a special communicative state. In Japanese tradition, the act of story-telling was reciprocal; the audience was not passive. On the contrary, members of the audience could even rate the narrator's performance. Notably, the process of getting the audience to enter and then be drawn out of a special communicative state was a form of art. Each story-teller had their own ways of ensuring that the audience was fully immersed in the narrative, of "shutting off" the outside world, making the listeners hang on their voice, and eventually, making them "snap out" of the story and come away transformed by its life-affirming symbolism.

Finally, we examine the traditional folkloric techniques of communal story-telling, known as *dandan-katari* and *hyaku-monogatari*. This particular form of communal leisure and, often, communal ceremony shaped the structure of several literary genres, shedding light on yet another aspect of how the tightly intertwined folkloric and literary traditions of Mediaeval Japanese literature have been preserved.

Keywords: Japan, story-teller, folk tale, presentation timing, structural narrative elements, audience categories.

Author: Sadokova A.R., Doctor of Sciences (Philology). Professor, Department of Japanese Philology, Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University (address: 11, Mokhovaya Av., Moscow, 125009, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: sadokova@list.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Sadokova A.R. (2021). Vremya rasskazyvat' skazki: tradiciya ispolneniya fol'klornykh tekstov v Yaponii [It's story time: the tradition of presenting folklore texts in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2021, 2, 61–77. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-61-77

Введение

Роль сказочника в японском народном быту

На протяжении многих десятилетий в японской фольклористической науке особое место занимали исследования, посвященные народной сказке. История изучения связана с именами известных японских этнографов и фольклористов: Янагита Кунио (1875–1962), Сэки Кэйго (1899–1990), а также ученых последующих поколений, например, Инада Ко:дзи (1925–2008). Так, в 1994 г. было выпущено самое крупное исследование сказок, известное как «Нихон мукашибанаси дзитэн» («Энциклопедия японских народных сказок») [Nihon mukashibanashi... 1994]. В создании этого труда приняли участие более ста семидесяти японских фольклористов, в том числе такие известные ученые как Инада Ко:дзи, Кавабата Тоёхико, Оосима Татэхико.

Несмотря на столь распространенную практику, особенно в японской фольклористике и этнографии последних десятилетий, называть свои труды энциклопедиями-*джитэн*, это была, по сути, огромная коллективная монография. Традиция создания справочных, но включающих корпус фольклорных текстов серьезных научных трудов сохраняется в японской фольклористике и сегодня. Более того, вероятно, чтобы отвечать духу времени, многие монографические и коллективные исследования имеют прямо-таки рекламные подзаголовки, что может смутить читателя, незнакомого с этой формой современного издательского дела.

Таковым является и крупная, несколько раз переизданная, работа известной исследовательницы народных сказок Ёнэя Ёити «Гайдо букку. Нихон-но минва» («Путеводитель. Японские народные повествования»), в которой дается анализ более двухсот текстов произведений японского повествовательного фольклора, в том числе и сказок [Yoneya Youichi 2011].

Можно вспомнить и серьезную теоретическую работу мэтра современной японской фольклористики Инада Ко:дзи «Нихон мукашибанаси хандобукку» («Справочник по японским народным сказкам»), вышедшую уже после смерти ученого. Она была написана в соавторстве с супругой, которая в 2010 г. и издала их совместный труд [Inada Kōji, Inada Kōjuko 2010]. Эти и другие работы японских ученых, в которых нашли своё отражение многолетние научные изыскания и результаты полевых записей японских фольклористов и этнографов, стали теоретической основой данного исследования.

Современному человеку, который привык рассматривать сказки как исключительно чтение «для самых маленьких» или «для младшего школьного возраста», трудно представить себе, какое значение еще сравнительно недавно придавалось рассказыванию сказок во взрослой аудитории.

Сказочников в Японии, и вообще людей, которые рассказывали сказки, называли *катарисю* или *ханасимоно*. Среди них было много таких, которые помнили наизусть огромное количество текстов самых разных сказочных жанров. Количество исчислялось сотнями, потому репертуар в двести или в триста текстов считался обычным. Однако были такие сказочники, которые помнили наизусть пятьсот-шестьсот текстов, и тогда их статус в сознании людей значительно повышался. Говорили даже, что они, вероятно, восходят к далеким *катарибэ*. Это древнее слово, как обращение к сказочникам, подчеркивало особый статус в цеховой среде рассказчиков, потому что они считались самыми рьяными

защитниками традиций, которые помнят не просто много текстов, но хорошо знают традиции сказительства.

Интересно, что при столь уважительном отношении к сказочникам с большим репертуаром, в бытовой среде сохранялось и чрезвычайно простое обращение к ним. Их называли *катари-дзиса* и *катари-баса*, то есть «дедушка-рассказчик» и «бабушка-сказительница». Не только в давние времена, но еще и сравнительно недавно во многих отдаленных деревнях Японии проживали профессиональные сказочники, как мужчины, так и женщины. Они имели в деревне и в своем регионе особый статус, были признаны слушателями, так как считалось, что им дано право передавать из глубины веков великие знания. Их дар рассказывать сказки очень ценился, само присутствие воспринималось как божественное благословение, а процесс слушания сказки считался благоприятным для жизни всех, кто в этом процессе участвует.

С точки зрения личности сказочника в японской культуре выделились два типа рассказывания. Первый предполагал домашнюю передачу сказочного материала. Тогда в роли сказочников выступали члены семьи, чаще всего дедушки и бабушки, которые вели свое повествование в домашнем кругу, когда вся семья собиралась вокруг очага *ирори*, или перед сном. Такая передача называлась *ути-но дэнсё*: – «домашняя передача (наследование)». Эта форма была, безусловно, самой распространенной, но даже она не понималась как простое рассказывание сказок «на ночь». Обратим внимание, что в состав термина входило слово «дэнсё», которое кроме значения «передача» имело значение «наследование». Именно так и воспринимались эти домашние «уроки»: передача юным поколениям знаний предков.

Другой тип рассказывания сказок получил название *мура-но дэнсё*: – «деревенская передача (наследование)». Понятно, что идея была та же, только в качестве сказочников выступали жители деревни, которые были известны как хорошие исполнители и поддерживались в этом качестве всеми местными жителями. Вот именно их и было принято называть «дедушка-рассказчик» или «бабушка-сказительница».

Репертуар сказочников «деревенского масштаба» был обширным, потому что должен был отвечать задачам воспитания самых разных групп слушателей. Группы формировались по половозрастному принципу, и каждой из этих групп соответствовал определенный корпус текстов. Разные сказки рассказывались группе детей – *кодомогуми*, группе неженатых молодых людей – *вакамоно-гуми*, группе незамужних девушек – *мусумэ-гуми*. Именно эти группы должны были пройти необходимую «школу» умения жить в обществе и строить отношения. Понятно, что каждая из них «получала» свой набор сказочных текстов, обучавших ее правильно вести себя в соответствии со своим половым и возрастным статусом. Деревенский сказочник, роль которого нередко напоминала роль местного учителя, уважительно именовался *дэнсё:ся*, то есть «передающий наследие».

Когда в Японии рассказывали сказки

Процесс рассказывания никогда не был хаотичным, вызванным чьим-то желанием, а соотносился с определенными днями и часами, а также с датами календаря и представлениями о «хороших» и «плохих» днях для рассказывания. В свое время известный исследователь русского сказочного фольклора Э.В. Померанцева, обращая внимание на связь сказки и мифа, подчеркивала, что, даже будучи утраченной, эта связь

существует на подсознательном уровне и сохраняет в представлении исполнителей и слушателей свое магическое значение. «Этим объясняются, – писала Э.В. Померанцева, – имеющиеся у ряда народов запреты на рассказывание сказок или, наоборот, обычаи рассказывать их в определенные моменты производственной и общественной жизни» [Померанцева 1963, с. 10–11].

Данное высказывание в полной мере относится и к японской традиции. И хотя строгого временного запрета рассказывать сказки в Японии не было, существовало такое большое количество народных примет и поговорок о времени для сказок, что постепенно сложились четкие, хоть и неписанные правила.

В основе лежал запрет рассказывать сказки днем. Предполагалось, что все взрослые в это время работают на поле, и потому рассказывать, а также слушать сказки могут только бездельники. У детей, понятно, был другой режим, но и им запрещалось тратить дневное время на сказки, то есть на досуг. В разных районах Японии сохранилось немало формул этого запрета, который всегда начинался одинаково: «Если днем будешь рассказывать...». Далее следовали всевозможные пояснения, что именно может случиться. Иногда они были забавные, а иногда нарочито нереальные, но именно благодаря своей народной выразительности запоминались навсегда. Например, продолжением фразы «Если днем будешь рассказывать...» становились такие пояснения: «Пойдешь к мышкам в услужение», «Мыши будут смеяться», «Мыши *кимоно* погрызут».

То, что было так много выражений, связанных с мышами, лишний раз свидетельствует о важной символической роли мыши в японской народной культуре. Мышь воспринималась как хранительница домашнего очага и гарант достатка в доме: если в амбаре нет зерна, мыши и не заведутся. Конечно, мышей боялись и видели в них вредителей, но существовавшее исстари представление об охранительной и счастливой символике мыши, ее связи с богами – покровителями урожая выходило явно на первый план [Садокова 2020, с. 125–127].

Кроме мыши в формах запрета на рассказывание сказок днем упоминались и другие персонажи, а также предметы быта. Говорили, что «Черти будут смеяться», что «Рассмешишь храмовый колокол», «Крышка кастрюли треснет», «От горы кусок отвалится», «С потолка одноногое чудище, истекая кровью, свисать будет». Упоминались и нереальные погодные явления: «Летом снег пойдет» или «Красный снег пойдет».

Лучшим и важным временем для сказок считался вечер, точнее сумерки, некое пограничное время, которое у многих народов считалось наиболее опасным для человека. Полагали, что именно на пограничье дня силы зла особенно активны и получают над человеком особую власть. Это время перехода получило в Японии даже особое название – *хо:ма-но токи*, то есть «время встречи с демонами».

Среди способов обезопасить себя наиболее действенным в Японии издавна считалось рассказывание сказок, которые выступали в роли оберега. Объяснения появления у сказок особой силы именно в период сумерек и вечернее время были разные, но в основном говорили о том, что сказки как бы выставляют заслон силам зла и, услышав сказки, демоны поймут, что в дом войти невозможно. Согласно другому объяснению, демоны сами так заслушаются рассказчика, что просто забудут, зачем сюда пожаловали.

Понятно, что если были временные отрезки, когда запрещалось рассказывать сказки, то должны были быть и те периоды, когда это делать разрешалось. В японской традиции «периоды разрешения» обозначались четко, и для рассказывания сказок были даже отмечены

специальные дни в японском календаре. В эти дни рассказывать сказки считалось обязательным.

Таких «узловых» обрядовых точек выделялось несколько, но при всем разнообразии их объединяет одно: обряды были продолжительны во времени и наполнены идеей ожидания, причем долгого ожидания, которое нередко было равнозначно понятию «коротать ночь». Время ожидания и стало в японской народной традиции временем сказок, которые выполняли две функции: помогали скоротать время, но, главное, воздействовали на божественные силы, которые, в зависимости от обряда, должны были помочь людям в реализации той или иной обрядовой просьбы.

Прежде всего, сказки были неотъемлемой частью обряда *косин-мати*, что буквально означает «ожидание *косин*». Словом «косин» обозначается циклический знак обезьяны шестидесятичного цикла, принятого в системе дальневосточного счисления времени. Традиционно время «косин» возникало с периодичностью в шестьдесят дней и сопровождалось важными ритуальными действиями. О современном состоянии этого обряда известный японский этнограф Кавагути Кэндзи написал так: «Домочадцы и добрые соседи собирались вместе; существовал обычай за вкусной едой и хорошей выпивкой до самого рассвета рассказывать друг другу сказки и всякие другие истории. Сейчас этот обычай сохранился только в некоторых горных деревнях; в стране не найдется района, где бы он продолжал бытовать на большой территории» [Kawaguchi Kenji 2001, p. 328].

А в прошлом *косин-мати* входил в число самых популярных обрядов «ожидания», то есть таких обрядов, во время которых надо было целую ночь провести без сна. Обряд *косин* представляет собой пример синто-буддийского синкретизма: в нем легко уживались буддийские представления о душе и образы синтоистских божеств. Обряд проводился шесть (иногда – семь) раз в год, через каждые шестьдесят дней в день обезьяны. Именно поэтому все в этом обряде было связано с символической ролью обезьяны, которая считалась и посланником, и воплощением богов дорог и плодородия. При этом сам обряд основывался на представлении о трех «червях», которые пребывают в теле человека. Первый находится в голове; он отвечает за зрение, но он же и портит его, а еще – заставляет волосы сесть. Второй живет в животе, точнее – во внутреннем «я» человека: он заставляет людей переедать и злоупотреблять вином, приносит дурные сны. Третий – живет в ногах, ему подвластны жизненная сила и низменные чувства [Kawaguchi Kenji 2001, p. 328].

Как считалось, в ночь *косин* эти три «червя» могут покинуть организм и рассказать высшим силам обо всем, что дурного сделал человек в каждой из названных частей своего тела. Если об этом узнают, жизнь человека сразу станет короче. Не выпустить «червей» можно только одним способом – не спать. Потому как они покидают только сонное тело. Со временем сложилось представление, что самым действенным способом не только не заснуть, но и умиловить этих «червей», является рассказывание сказок.

Сказки помогали провести ночь и во время особых календарных дат, известных как *хи-мати* и *цуки-мати* – «ожидание солнца» и «ожидание луны». Обряд встречи солнца проходил несколько раз в год: после новогодних праздников, в пятом месяце и в пятнадцатый день девятого лунного месяца, но дни могли меняться в зависимости от района. Соседи собирались у кого-то в доме около восьми часов вечера, каждый приносил угощение. Устраивали общее застолье и ждали восхода солнца, рассказывая сказки. Названные даты в японском календаре почитались «светлыми», «благоприятными». Именно в эти дни

обращение к богам считалось особенно действенным. Молили о хорошем урожае, благополучии в деревне и в доме. Ожидание восхода солнца понималось как форма обращения к богам, а сам восход рассматривался как их ответная благожелательная реакция.

Обряд «ожидания солнца», также как и обряд *косин*, имел и буддийскую, и синтоистскую составляющие, равно как и обряд «ожидания луны». Луну было принято встречать особым образом чаще, чем солнце, а именно: в первом, пятом, девятом и одиннадцатом месяцах. Даты были четко определены и соответствовали фазам луны. Особое значение придавалось ночи полнолуния: власть злых сил, как полагали, в это время была особенно сильна. Однако эти силы боялись, когда люди дружно собираются, едят вкусную еду, шутят и рассказывают сказки.

В некоторых районах Японии в качестве «закрепки» практиковались даже совместные обряды под названием *цукимати-химати*, то есть ожидание луны и солнца в одном обряде. Описывая этот обряд, проводившийся на юге Японии, в уезде Кайбу в префектуре Кагосима четырнадцатого числа первого месяца, известный японский этнограф и фольклорист Судзуки То:дзо: отмечал, что сначала, закрывшись в доме и не выходя на улицу, ждали появления луны, а затем, продолжая затворничество, проводили дома целый день и вечером начинали готовиться к встрече солнца. Так хотели в новом году заручиться благосклонностью большего числа богов и отогнать все беды и несчастья от дома и деревни. Конечно, это также было время рассказывания сказок и других историй. Сегодня от этого обряда осталась только долгая молитва представителей деревни, обращенная к солнцу [Suzuki Tōzō 1979, p. 183].

Помимо перечисленных обрядов были и другие узаконенные для рассказывания сказок дни. И все они относились к числу «благоприятных»: именно в эти дни надо было обращаться к богам, изгонять все дурное и думать о будущем. Эти своеобразные дни «очищения и защиты», какой бы обряд на них не приходился, всегда предполагали долгое вечернее или ночное бдение и имели свой своеобразный сценарий.

Кроме еды и напитков, которые должны были строго соответствовать именно этой дате календаря, в сценарии большое место отводилось устным рассказам и сказкам. Они не только помогали с интересом провести несколько часов в замкнутом пространстве, но и главное – выполняли важную обрядовую функцию. А именно – разными способами отгоняли силы зла: пугая, отвлекая, смеша. То есть показывали им, что люди заняты своими делами и на них не обращают никакого внимания. Сказки служили для японцев надежным оберегом, проверенным веками.

Однако рассказывать сказки целую ночь было делом непростым. Собравшиеся должны были владеть значительным репертуаром, что, конечно, было не под силу обычным жителям деревни. Но о том, что в деревнях практически каждый житель мог выступать в роли рассказчика, свидетельствуют довольно распространенные формы коллективного рассказывания в Японии сказок и других фольклорных текстов. Две из них можно считать основными.

Первая – это так называемые *дандан-катари*, что следует понимать как «повествования, рассказываемые постепенно». Речь идет о коллективном рассказывании, когда много людей, собравшись, по очереди рассказывали сказки или истории других жанров, подхватывая друг у друга эстафету.

Интересно, что эта народная традиция утвердилась и в японской литературе. Можно назвать несколько письменных памятников, построенных по принципу *дандан-катари* или

тяготеющих к нему. Это и собрание поучительных историй *сэцува* эпохи Камакура под названием «Кодзидан» («Истории о давних делах», 1212–1215), в которое было включено более четырехсот рассказов. «Собрание старых и новых историй» – одно из трех самых крупных собраний *сэцува*, больше известное как «Тёмондзю:» (полное название – «Кокон тёмондзю:», 1254), включавшее более семисот текстов. А также произведение жанра исторического повествования *рэкиси-моноготари* под названием «О:кагами» («Великое зеркало», ок. 1119 г.) [О:кагами 2000].

Как видно, фольклорная форма совместного рассказывания историй оказалась привлекательной для литературы и даже получила обозначение *мэгури-моноготари*, что следует понимать как «проехать по рассказам» или «рассказы по кругу», то есть от одного к другому. Слово «мэгури», которое можно записать разными иероглифами, имеет значения «объезд, разъезд» или «окружность». Его сегодня используют, например, в выражениях типа «осмотреть (объехать) достопримечательные места».

Но если в литературных произведениях для создания всей полноты повествования требовалось большое число участников или многократное возвращение к тем или иным рассказчикам, в фольклорной традиции «рассказы по кругу» могло осуществлять небольшое количество людей. Минимально достаточным считалось число семь или восемь. Когда кто-то завершал рассказ, новый рассказчик сразу произносил принятую в данном районе фразу, смысл которой был таков: «А я расскажу еще одну сказку, а вы, слушатели, примите ее». Были популярны и более короткие фразы для перехода: «А вот теперь еще одну добавлю», «Еще одной продолжу», «А теперь я продолжу».

При коллективном рассказывании широко использовался прием своего рода «фиксации» перехода от одной сказки к другой. После каждой сказки давался определенный сигнал, который означал не только границу между сказками и переход эстафеты к новому рассказчику, но и настраивал слушателя на новый сюжет. Самой эффективной «фиксацией» были действия, а не слова: они быстро переключали внимание слушателей. А поскольку в прошлом рассказывание происходило при свечах, то зажигание и тушение огня стало общепринятым сигналом-фиксацией. Было несколько вариантов использования огня при рассказывании сказок. Например, рассказчик, пока говорил, держал зажженную свечку, лучину или даже тлеющую ветку. А когда завершал свой рассказ, передавал ее новому рассказчику. Этот прием получил название *хи-ватаси* – «передача огня» или *хи-маваси* – «огонь по кругу».

Но была еще одна форма рассказывания сказок при зажженных свечах. Она известна как *хяку моноготари*, то есть «сто историй». Это была специфическая форма рассказывания, потому что на нее собирались, чтобы рассказать и послушать страшные истории: сказки и былички.

Существовало поверье, что за определенный срок, например, к новому году, в доме собирается сто демонологических персонажей. Помещение давно не чистилось и требуется большая уборка не только полов и стен, но и самого пространства. Но не так-то просто избавиться от всего недоброго, что собралось в доме: вымести его нельзя, смыть – тоже, но можно напугать. Именно с этой целью происходило коллективное рассказывание страшных историй, которых должно было быть строго сто, по числу представителей нечисти, от которой требовалось избавиться.

Понятно, что для такого большого числа сказок нужно было больше рассказчиков или же собравшиеся должны были знать по несколько текстов, чтобы рассказывать их по кругу несколько раз. Собирались, когда уже было темно, иногда ближе к полуночи, и зажигали сто свечей. В комнате становилось светло – этим хотели показать нечисти, что ее никто не боится. Далее начинали рассказывать сказку за сказкой, быличку за быличкой. И каждый раз, когда история завершалась, гасили одну свечу. К глубокой ночи больше половины свечей уже гасло, а темнота еще была густой. Это вызывало эффект неподдельного страха, и именно на это время оставляли самые страшные истории. Пугались, конечно, сами, но еще больше, как считали, пугали все плохое, что затаилось в темных уголках дома и сада. Сказки рассчитывали таким образом, чтобы к первым признакам рассвета, ведь зимой солнце восходит поздно, все свечи были потушены, а сказки рассказаны. Это означало, что дом очищен, и ничто более не угрожает его хозяевам.

Сегодня, когда большую популярность приобретают так называемые городские легенды, в которых в современных условиях действуют многочисленные японские демонологические персонажи, исследователи этой области современного фольклора уже не призывают собираться с сотней свечей, но избавляться от дурного в доме по-прежнему советуют. Вот так, например, призывает выполнять охранительные действия автор большого числа статей, посвященных современной городской демонологии Нагата Микако: «Выключите в комнате свет и в самом темном месте, где может пребывать нечисть, подумайте о ней и скажите вслух, что вы уже много о ней знаете, чтобы бояться, и тогда встречи у вас с ней точно не будет!» [Nagata Mikako 2015, p. 217].

И все-таки коллективные рассказывания сказок происходили далеко не всегда. Гораздо чаще люди собирались послушать именно сказочника. Столько сказок, сколько знал настоящий мастер своего дела, конечно, не знал никто. Потому на праздники приглашались профессиональные сказочники (сказители), владеющие большим репертуаром. Не исключено, что таким мастером мог оказаться и местный житель. Сказочник брал на себя роль ведущего и был основным исполнителем, заставляя окружающих следовать его указаниям и требуя особого внимания. Отношения сказочника и слушателей, а также модель поведения обоих во время рассказывания имели свои законы. И даже если сказочник был «из своей» среды, никакого панибратства не допускалось.

За сказками слушатели занимались разными делами. Если рассказывание приходилось на праздничные дни, то могли ничем другим не заниматься, а только слушать. Но когда сказки рассказывали по вечерам в кругу семьи или повод был более простой, конечно, не сидели без дела. Собравшись вокруг очага в полу, известном как *ирори*, счищали с хурмы кожуру, мастерили поделки из бамбука и ракушек, терли листья табака, то есть занимались сидячей работой, и тогда сказка становилась подспорьем и помогала делать работу, не замечая ее монотонности.

Сказочник и слушатели: принципы коммуникации

В японской традиции процесс рассказывания сказок был обоюдным, то есть слушатель в процессе рассказывания сказок не был пассивен, более того, он даже был вправе давать оценку рассказчику. Но преувеличивать «шумность» самого процесса рассказывания не следует. Основной фигурой всегда был сказочник. Именно он благодаря умению выстроить

и вести повествование подчинял слушателей своему голосу, настраивал на погружение в определенное коммуникативное состояние. И тогда повседневные дела и заботы уходили на задний план, а слушатель переносился из «этого мира» в «тот», следуя за голосом сказителя, рождающего в сознании слушателя картины неведомых событий.

Процесс ввода в особое коммуникативное состояние был и остается настоящим искусством. У каждого сказочника или сказителя в любой стране мира были и есть свои приемы, как настроить слушателей на полное погружение в сказку или рассказ иного жанра, как «отключить» их от повседневности, как «подчинить» своему голосу. Сам процесс подготовки к рассказу (как вошел, как сел, как встал) – это уже начало «погружения». И, конечно, велика роль формул, которые предваряют или начинают этот процесс.

Для «завладения аудиторией» сказочникам, как правило, не требовалось каких-то длинных вступлений. Достаточно было нескольких фраз или даже слов, которые уже были известны слушателям, и потому на подсознательном уровне сразу перестраивали его. Так реализовывалась мнемоническая функция формул: память четко ассоциировала эти формулы с чем-то приятным, увлекательным и нездешним.

В японской традиции процесс «ввода» выражался в произнесении сказочником нескольких фраз, дающих слушателям коммуникативную установку. Здесь уместно вспомнить, что и у многих других народов существовало понятие «введения» в сказку. В нашей традиции есть такое слово «присказка». Это композиционный элемент сказки, который напрямую не связан с самим повествованием и с его содержанием. Зачастую это небольшой юмористический текст, в котором видна даже некая нарочитость нереального. Как отмечала специалист по теории фольклора В.А. Бахтина, «стремление зародить легкий скепсис в отношении слушателей к предстоящему фантастическому рассказу». Например, «Это не сказка, а присказка, а сказка будет после обеда, поемши мягкого хлеба...» [Бахтина 1993, с. 285].

Совершенно иную картину мы наблюдаем, когда речь идет о японских сказках. Можно сказать, что там тоже есть своего рода присказки. Эти фразы, тяготеющие к формульности, но допускающие импровизацию и вариативность, по содержанию особо не отличались в разных районах Японии. Но при этом содержали в себе важные для теории фольклора параметры, как бы подтверждая некоторые принципиальные постулаты. В этом смысле японский материал – просто находка. И хочется обратить внимание на два момента.

Уместно напомнить, что основной параметр отличия сказочной народной прозы от несказочной (легенды, предания, былички) – это вопрос о «правдивости» повествования. Если несказочная проза всеми доступными средствами старается подтвердить «правдивость» своего рассказа, то сказочная проза не позиционирует себя как «правда» и не скрывает свою установку на вымысел. Отсюда, например, и длинные инициальные формулы, полные нарочито фантастических картин мира, характерные для некоторых, в основном, передне- и среднеазиатских фольклорных сказочных традиций.

Также важен вопрос о восприятии сказочником или сказителем своего места «в истории». Большинство традиционных исполнителей воспринимают себя исключительно как «передатчики» информации, то есть считают, что они передают «слово в слово». Хотя понятно, что каждый исполненный ими текст будет вариативен, и вопреки желанию сказочника, будет иметь минимальные, но изменения. Вариативность, как известно, одно из главных качеств фольклорного произведения. Теперь интересно посмотреть, как именно

реализуются эти два замечания во вступлениях японских исполнителей при настраивании слушателей на сказочный лад.

Сказочник в Японии всегда появлялся торжественно, вставал или поднимался на специально отведенное для рассказывания место. Затем он и слушатели кланялись друг другу. После этого сказочник произносил особое обращение. Впервые такие вводные обращения записал в префектуре Кагосима еще в 1930-х годах известный японский этнограф и собиратель фольклора Хаякава Котаро (1889–1956): «Давно-предавно... было оно или не было... Но вы должны слушать так, будто оно вправду было» [Yoneya Youichi 2011, p. 211]. Традиция обращаться к слушателям сохранялась и последующие десятилетия. И уже в 1960-х годах на южных мысах острова Кюсю – Оосуми и Сацума (та же префектура Кагосима) было записано такое вводное обращение: «То, что сейчас расскажу, было на самом деле или не было, не знаю... Передам только то, что сам слышал. Но вы слушайте так, словно все случилось на самом деле» [Yoneya Youichi 2011, p. 212]. Обратим внимание, что именно в этом варианте обращения сказочник объявляет себя «передатчиком» информации, специально подчеркивает свое второстепенное значение в процессе распространения текста.

Обе приведенные здесь в качестве примера присказки-обращения к слушателям были записаны японскими учеными на юге Японии, и может показаться, что подобное напутствие было характерно только для этой части страны. Однако это не так. Практически идентичный текст был зафиксирован в северной части Японии, в префектуре Ямагата: «В старину, в невесть какую давнюю старину случилось это или не случилось... Мне то совсем не ведомо... Но вы слушайте, будто так оно на самом деле и было» [Yoneya Youichi 2011, p. 211–212].

Как видно, все приведенные здесь обращения в полной мере реализуют основную идею сказки – установку на вымысел. Сказочник это всегда понимал, и у него не было задачи доказать обратное. В этом его принципиальное отличие от исполнителей произведений несказочной прозы, таких как легенда или предание. Там, наоборот, сказитель всячески будет доказывать, что всё, о чём пойдёт речь, реальный факт. И в качестве подтверждения будет упоминать имена реальных исторических лиц и известные на общенациональном или на локальном уровне исторические события, географические названия, особенности рельефа (горы с двумя вершинами, водопады необычной формы и прочее), которые и сегодня можно увидеть своими глазами.

Сказочник ничего не доказывает, он знает, что его рассказ полностью неправдив, но предостерегает слушателей от «легкого» отношения к рассказу. Ему важно донести свой посыл: рассказывание и слушание сказки – это не игра, не развлечение, а серьезное дело.

И ведь это на протяжении веков так именно и было. Сказка исстари воспринималась людьми как важный воспитательный и образовательный этап, давала возможность задуматься о поведении, учила самым простым и не очень простым навыкам жизни в обществе, объясняла, что можно делать и за что неминуемо последует наказание.

Композиционные элементы японской народной сказки

Обращения к слушателям представляли собой первый этап установления контакта сказочника с аудиторией. Следующим этапом были инициальные формулы или зачины, с которых, собственно, и начиналось повествование. Зачины по-японски называли *катари-*

хадзимэ («начало рассказа/повествования»), а также *хаттанку* или *бо:то:ку* в значении «вступительная часть». Два последних обозначения были более официальными, потому на бытовом уровне использовалось слово *катари-хадзимэ*. Однако и оно, несмотря на простоту и прозрачность значения, не было основным. Чаще всего зачины сказок называли просто словом *мукаси*, что буквально означает «старина». Сегодня это слово используется для обозначения действительно давних событий, но также его употребляют, когда говорят о событиях не столь уж отдаленных, и в этом применении есть даже легкий оттенок сленга. Но, конечно, никаких недавних событий никто не имел в виду, когда употреблял это слово в прежние времена. Наполненность слова была иной.

Процесс рассказывания сказок иногда называли *мукаси-о катару*, что буквально можно перевести «рассказывать о старине». Место, на котором сидел сказитель, также иногда называли *мукаси-о катару*, что понималось в этом случае, как «там, где рассказывают о старине». И здесь перевод слова *мукаси* как «старина, давние времена, прошлое, давно» правильный, но не отражает того оттенка, который присутствовал в этом слове при традиционном рассказывании сказок. Дело в том, что само слово «мукаси» и есть основная составляющая зачина любой японской сказки. Именно поэтому выражение *мукаси-о катару*, которое сегодня допустимо перевести, как было показано выше, – «рассказывать о старине», традиционно понималось как «рассказать сказку».

Как известно, время в фольклорных произведениях – это весьма специфическая категория, которая имеет свои особенности в зависимости от жанра. «Сказочное» время также имеет несколько самобытных черт. Оно эмпирическое и определяется действиями героя («шел он, шел и, наконец, пришел», «рос, рос и вырос»), оно может сужаться до нереальных пределов («тотчас», «в мгновение ока»), может погружать повествование в безвременье, а потом вновь появляться. При этом время всегда относится к прошлому, к неопределенному прошлому, точнее даже – к неопределенно отдаленному и давнему прошлому. Как отмечала В.А. Бахтина, если говорить о времени в волшебных сказках, то «по функции и качественному своеобразию различается время сказочных начал и концовок и время внутрисказочное, сюжетное. Будучи обрамлением сказки, начала и концовки способствуют вовлечению слушателя в сказочное действо и быстрому отключению его. Время здесь неопределенно и длительно» [Бахтина 1993, с. 47].

Фиксация внимания на длительности времени и неопределенной давности происходящего и есть главный акцент зачина в японской сказке.

В сказках разных народов зачины бывают двух типов: пространственные и временные. Достаточно вспомнить известные с детства начальные строки русских сказок: «В некотором царстве, в некотором государстве...», «За тридевять земель, в тридесятом царстве...». Это типичные пространственные зачины, которые характерны не только для русской, но и для славянской сказки. Временные зачины в сказках этих культур встречаются гораздо реже. А вот для японской сказки характерен как раз временной зачин, причем он является практически единственным. И речь идет все о том же слове «мукаси», которое вбирает в себя весь спектр и этой неопределенности, и этой длительности.

Последнее достигается благодаря тому, что слово «мукаси» в японских сказках имеет много «помощников» для достижения эффекта «погружения» слушателя в нечто давнее, отдаление его от «нынешнего» и бытового. Эти слова-помощники усиливают ощущение давности происходящего, приглашают слушателя в иной мир, в иные обстоятельства. Самый

простой прием, который используется в японских сказках, это двойное употребление слова «мукаси» – *мукаси-мукаси*, что можно перевести как «давным-давно», «в давние-предавние времена». Однако слово «мукаси» может повторяться и трижды, причем, в третий раз оно, как правило, получает дополнительное «усиление» благодаря слову со значением «великий, большой»: *мукаси-мукаси-оо-мукаси*. Эту конструкцию перевести уже труднее, и получается что-то похожее на «давным-давно, очень-очень давно». В произнесении этих слов проявлялся талант сказочника, когда каждое слово «мукаси», как бой часов, отодвигал слушателя все дальше и дальше в неведомое «далекое».

Во всех районах Японии к зачину в виде слова «мукаси» сказочники относились с особым трепетом, используя при этом всякие лексические дополнения. Смысл этих дополнений нередко был равнозначен усилению и повторению слова «мукаси». Но иногда присоединялись вводные слова, показывающие расположение сказочника к долгому и доверительному разговору. При этом хотя бы одно слово «мукаси» обязательно сохранялось. Так, в префектуре Ямагата говорили: *тонто мукаси*, а в префектуре Кагосима – *тённото мукаси*, где слово «тонто/тённото» имело значение «совершенно, абсолютно». То есть: «в самую, что ни на есть давнюю старину». Более «личными» можно считать зачины в префектуре Ниигата и в префектуре Окаяма. В Ниигате говорили: *мадзу мукаси*, то есть «можно так сказать, что давно»), а в Окаяме: *нанто мукаси*, то есть «что ни говори, а давно»). Были и другие зачины с использованием слова «мукаси»: *мукаси катари дзя* – «Ну, это давняя история...» (префектура Миядзаки); *мукаси-мукаси атта дзя* – «Ну вот, случилось это давным-давно» (префектура Сига); *мукаси аатта дзённа* – «Как видно, случилось это давно» (префектура Аомори); *тонто мукаси атта имасурай* – «Говорят с давней-предавной древности, что такое было» (префектура Эхимэ) [Yoneya Youichi 2011, с. 224].

Понятно, что, несмотря на существовавшие различия, сказочные зачины в японских народных сказках не отличались особым разнообразием. Несколько больше вариантов предлагали японские сказочные концовки. Напомним, что под концовкой или финальной формулой понимается обязательный структурный элемент сказки, который выполняет важные коммуникативные функции, а именно, выводит слушателя из особого коммуникативного состояния, куда он был «погружен» сказочником в начале своего повествования. Кроме того, концовки, составляя вместе с зачином симметричную композицию сказки, давали слушателям представление о том, «чем же все закончилось», то есть подводили итог, не оставляя вопросов, играли роль логического завершения произведения. И.И. Крук, фольклорист и специалист по структуре сказочного текста, отмечал, что «концовки акцентируют внимание слушателей на самом важном моменте сказки, указывают на счастливый или неблагоприятный для главных персонажей финал, содержат отзвуки мифологического этиологизма» [Крук 1993, р. 123].

Выведение из особого коммуникативного состояния было целью и японского сказочника. Когда он завершал свое повествование, то неизменно хлопал в ладоши, как бы «пробуждая ото сна», и произносил финальную фразу, понимаемую как «на этом все», «на этом завершаю». Японская финальная формула или концовка называлась по аналогии с зачином *катари-осамэ*, то есть «конец рассказа», а также *кэкку* или *кэцумацуку* со значением «финальная фраза», «заключительная фраза».

В основном в Японии использовались две разновидности сказочных финальных формул. Первая делала акцент на только что произнесенном повествовании, которое

понималось сказителем как высоко почитаемое, потому что пришло из глубины времени, от предков. Высокопарная фраза о том, что «я завершил вам рассказывать эту достопочтимую сказку так, как она существует на самом деле» не произносилась, но предполагалась. И об этом знали все присутствующие. Вслух же произносилось только ее логическое продолжение, чрезвычайно вежливое, как и сама произнесенная фраза: «примите с почтением», «будьте благосклонны». Основу этой фразы составлял глагол *то:тому* в значении «уважать, дорожить», и в идеальном варианте фраза звучала как *то:тохараи*. В разных районах она приобретала локальные черты и имела много фонетических вариантов: *то:токарэ, дотто-хараи, дондо-харэ, тоттибарэ* и другие.

Другая разновидность концовок была ориентирована на главных героев сказки, и потому содержала прямое или косвенное обращение к ним. Это была явно выраженная благопожелательная концовка, счастливую символику которой должны были чувствовать и слушатели, получая в конце повествования еще и доброе напутствие. Самой распространенной может считаться здесь финальная формула *икки сакаэта*, что значит «Всю жизни [они] процветали». С эмоциональной точки зрения это аналог нашей формулы: «Жили они, поживали, да добра наживали». Фраза также имела множество фонетических вариантов: *итигасакета, икигасакета, эттигосаккэ*.

Иногда к ней добавлялись благопожелательные слова *мэдэтай, мэдэтай* (или в форме – *мэдэтаси, мэдэтаси*). Повторение фразы, согласно законам фольклорной «закрепки», усиливало пожелание. Дважды произнесенные слова имели значение пожелания счастья и благополучия и могли быть отнесены как к героям сказки, так и к слушателям. Иногда именно этих слов слушатели ждали с особым трепетом, потому что сказочник никогда не воспринимался просто как носитель информации. Его слова исстари наделялись особым смыслом, а рассказанное понималось как возможность приобщиться к древнему знанию. Оттого пожелания счастья и удачи, произнесенные сказочником, считались чрезвычайно действенными.

Помимо зачина (инициальной формулы) и концовки (финальной формулы) для сказок любого народа характерны так называемые медиальные формулы. Любой из нас знает их с детства, более того, это именно то, что и запоминается на всю жизнь. При этом, конечно, никто не думает, что это важный композиционный элемент сказочной структуры. «Сивка-бурка, вещая каурка, встань передо мной, как лист перед травой» (вызов сказочного помощника), «Стоит избушка на курьих ножках...» (появление нового объекта), «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» (показатель течения времени), – все это медиальные формулы. Они очень важны для сказочного текста, потому что делят его на логические части, отделяют одну «картину» от другой, являют собой нечто вроде смены декораций. При этом, конечно, в русском фольклоре эти формулы интересны сами по себе, они рифмованы, образны, наполнены нередко определенным пафосом и ожиданием неведомого и нового.

Однако именно такое «деление текста» характерно не для всех сказочных традиций. Хотя само по себе деление присутствует всегда. Любой сказочник выдает свое знание как бы небольшими порциями, делая при этом паузу – и стилистическую, и голосовую. Японская традиция не знает похожих на русские медиальных формул, но процесс медиального деления также присутствует.

Сказку в Японии не допускалось «слушать молча». На этот факт следует обратить особое внимание. В современном японском языке есть слово «айдзутти», которым принято обозначать реакцию слушателя при разговоре. И сегодня молчаливо слушать собеседника считается в Японии неприличным. В качестве *айдзутти* выступает целый набор слов и междометий, которые должны демонстрировать заинтересованность слушателя, сопереживание услышанному, участие в рассказе. Это бесконечные «да-да», «неужто?», «ну и ну», «вот это да!» и масса других выражений. Не слыша самого разговора, но наблюдая за ним со стороны, всегда можно подумать, что идёт оживленная беседа, хотя при этом один может только рассказывать, а другой – только слушать.

Слова-*айдзутти* пришли в современный язык и манеру общения из далёкого прошлого. Правила рассказывания и слушания сказок – один из примеров давнего бытования этого поведенческого приёма. Сегодня при помощи *айдзутти* демонстрируется внимание к говорящему: я здесь и я весь во внимании. Точно также слушатели выказывали своё уважение сказочнику, постоянно подтверждая словами и звуками своё присутствие – не столько физическое, сколько эмоциональное. Но никто не перебивал сказочника, не вступал в диалог, когда желал, а тихо поддакивал (*гэна, соона* – в значении «да-да», «да, так»).

Более явно реагировать позволялось лишь тогда, когда сам сказочник вызывал слушателей на контакт. А это происходило как раз в момент, когда приходило время для «смены декораций». То есть, переходя к новому эпизоду, сказочник обращался к аудитории, что достигалось благодаря использованию определённых грамматических форм и самобытной лексики. И то, и другое имело ярко выраженный диалектальный характер, и потому слова и выражения различались в зависимости от местности бытования и исполнения. В качестве примера можно привести такой диалог между сказочником и слушателями из префектуры Ниигата:

- Случилось это давно (Слушаете?)
- Слушаем!
- Жили дед и бабка. (Слушаете?)
- Слушаем!

(Цит. по [Yoneya Youichi 2011, p. 224]).

Если ответной реакции не было, сказочник сразу прекращал рассказывать. Но не следует думать, то слушатели только покорно отвечали на вопросы и требования сказочника. Нередко они давали оценку его повествованию и манере рассказывать. Потому могли выкриками заставить его замолчать, если им не нравилась сказка, или сказочник казался не очень умелым. А могли, наоборот, требовать, чтобы он рассказывал ещё и ещё. Если сказочник останавливался, желая показать, что он больше рассказывать не будет, раздавались громкие возгласы, что-то типа «ну-ка, давай, давай», нередко напоминающие ритмические речёвки. В префектуре Нагано, например, было принято в таких случаях хором кричать: «Фун-фуфу-фун-но фун». Получалось ритмично и выразительно. То есть можно сказать, что процесс рассказывания японской народной сказки был творческим и предполагал активное участие в нём не только сказочника, но и слушателей. Это было своего рода некое содружество, от участия в котором у всех оставалось ощущение своей причастности к вековой традиции и к великому прошлому.

Заключение

Как видно, рассказыванию сказок в Японии издавна придавали большое значение. Любой аспект, будь то время рассказывания, манера исполнения, общение со слушателями, структура, — требовал осмысления и соблюдения правил. И сама сказка, и законы работы сказочника решали важные задачи внутри коллектива, выполняли значимые социальные и образовательные функции. Именно сказка на протяжении веков учила молодое поколение главным законам жизни в обществе, указывая на необходимые и недопустимые элементы поведения. И получалось, что сказочник выступал в роли некоего учителя, который не только даёт информацию, но и учит правильно строить межличностные отношения со сверстниками и со старшими по возрасту и положению. Именно поэтому некоторые навыки, выработанные в процессе рассказывания и слушания сказок, оказали влияние на нормы поведения даже в современном японском обществе. Кроме того, принцип коллективного исполнения сказок, привлечение к участию в этом процессе большого числа людей, также способствовал формированию умения слушать собеседника, что и сегодня в японском обществе считается важным элементом этикета.

Коллективная модель, сформировавшаяся при исполнении народных сказок, нашла своё воплощение в литературной традиции. Ряд произведений средневековой литературы строились по принципу коллективного рассказывания историй, заимствованном из традиции устного исполнения. То есть, очевидно, что рассказывание сказок, ставшее сейчас периферийным элементом коммуникации, на протяжении веков оказывало заметное влияние на разные аспекты японской культуры и даже сегодня это влияние можно обнаружить в повседневной поведенческой практике японцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахтина В.А.* Присказка // Восточнославянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. Минск: Наука и техника. 1993. С. 285.
- Крук И.И.* Формула // Восточнославянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. Минск: Наука и техника. 1993. С. 422–423.
- О:кагами* – Великое зеркало. Перевод, предисл., коммент. Е. М. Дьяконовой. СПб: Гиперион. 2000. 288 с.
- Померанцева Э.В.* Русская народная сказка. М.: Издательство Академии наук СССР. 1963. С. 128.
- Садокова А.Р.* Фольклорная символика японской животной игрушки // Японские исследования. 2020. № 3. С. 123–136. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10023

REFERENCES

- Bakhtina, V.A. (1993). Priskazka [Exordium]. In *Vostochnoslavjanskii fol'klor. Slovar' nauchnoi i narodnoi terminologii* [East Slavic Folklore. A Dictionary of Research and Folk Terms] (P. 285). Minsk: Nauka i Tekhnika. (In Russian).
- Kruk, I.I. (1993). Formula. In *Vostochnoslavjanskii fol'klor. Slovar' nauchnoi i narodnoi terminologii* [East Slavic Folklore. A Dictionary of Research and Folk Terms] (Pp. 422-423). Minsk: Nauka i Tekhnika. (In Russian).

Ōkagami – Velikoye Zertsalo [Ōkagami – The Great Mirror]. (2000). Translated from the Japanese by E. M. Dyakonova. Saint Petersburg: Hyperion. (In Russian).

Pomerantseva, E.V. (1963). *Russkaya narodnaya skazka* [The Russian Folk Tale]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russian).

Sadokova, A.R. (2020). Fol'klornaya simbolika yaponskoi zhivotnoi igrushki [The Folkloric Symbolism of the Japanese Animal Toy]. *Japanese Studies in Russia*, Is. 3, 123–136. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10023 (In Russian).

* * *

Inada, Kōji & Inada, Kojuko. (2010). *Nihon mukashibanashi handobukku* [The Handbook of Japanese Folk Tales]. Tokyo: Senseidō. (In Japanese).

Kawaguchi, Kenji. (2001). *Nihon-no kamisama jiten. Yomi toki* [The Encyclopaedia of Japanese Shinto Deities. Reading and Interpretation]. Tokyo: Kashiwashobō. (In Japanese).

Nagako, Mikako. (2015). *Nihon-no yōkai jiten to toshi densetsu* [The Encyclopaedia of Japanese Demon Creatures and Urban Legends]. Tokyo: Oizumi shoten. (In Japanese).

Nihon mukashibanashi jiten [The Encyclopaedia of Japanese Folk Tales]. (1994). Tokyo: Kōbundō. (In Japanese).

Suzuki, Tōzō. (1979). *Nihon nenchūgyōji jiten* [The Encyclopaedia of Seasonal Holidays]. Tokyo: Kadokawa shuppan. (In Japanese).

Yoneya, Youichi. (2011). *Gaido bukku. Nihon-no minwa* [Guidebook. Japanese Folk Tales]. Tokyo: Nihon minwa-no kai. (In Japanese).

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91

Взаимные исторические претензии КНДР и Японии

И.В. Дьячков

Аннотация. Специфической чертой международных отношений в Северо-Восточной Азии является обострённое внимание к проблемам общей истории и коллективной памяти. За последние 70 лет Токио и Пхеньяну так и не удалось установить официальные связи, и одной из основных причин стали исторические претензии. После освобождения и разделения Кореи Япония и КНДР оказались в разных военно-политических «лагерях», что усугубило неприязнь бывшей колонии к бывшей метрополии. Переговоры по нормализации в 1990-е гг. изначально шли не слишком гладко из-за трудности согласования вопросов об извинениях и компенсациях за колониальную эпоху. Долгожданные встречи лидеров двух государств в начале 2000-х гг. не принесли дипломатического прорыва. Японское общество оказалось возмущено признанием северокорейской стороной факта похищения японских граждан в 1970–1980-х гг., но отсутствием извинений в адрес Японии. Подтверждение давних подозрений в похищении и начатая японскими медиа кампания по политизации вопроса укрепили позиции консервативных представителей элит, которые, придя к власти, постепенно разорвали и без того не слишком прочные связи с Северной Кореей.

Примечательно, что эта относительно новая проблема заняла в общественном сознании и политическом пространстве ту же нишу, которую занимают вопросы исторической памяти. Дискурс о похищенных укрепляет общественную поддержку националистов, помогает через образ внешнего врага формировать групповую политическую идентичность, а также даёт японскому обществу возможность «отдохнуть» от потока претензий со стороны бывших колоний, заняв позицию жертвы. С другими историческими проблемами этот вопрос сближают методы продвижения японской позиции (связка усилий государства и общественных организаций) и политические итоги эксплуатации эмоций. Разгорячённое общество настойчиво требует наказания внешних виновников и не принимает никакие дипломатические компромиссы (которые как раз помогли бы урегулировать вопрос), и двусторонние связи деградируют до полного разрыва. Характерен и симметричный ответ: Северная Корея сама выступает с критикой Японии, припоминая ей все накопившиеся обиды – от современных до средневековых.

В Северо-Восточной Азии и без исторических осложнений хватает противоречий, грозящих обернуться военным конфликтом. Поэтому крайне настораживает, что ни союзники, ни традиционные оппоненты не могут удержаться от опасной политической эксплуатации националистических чувств.

Ключевые слова: женщины для утешения, историческая память, КНДР, северокорейско-японские отношения, Токто, проблема похищенных, Япония.

Автор: Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, доцент кафедры востоковедения МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); сотрудник Института востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). E-mail: dyachkov@naver.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (грант № 19-18-00017).

Для цитирования: Дьячков И.В. Взаимные исторические претензии КНДР и Японии // Японские исследования. 2021. № 2. С. 78–91. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91

Mutual historical accusations between the DPRK and Japan

I.V. Dyachkov

Abstract. International relations in Northeast Asia are particularly attuned to fluctuations of collective memory and the parties' evolving perception of their common past. In the past 70 years Tokyo and Pyongyang have failed to establish official ties, and historical differences became a major point of contention. After Korea was liberated and later divided, Japan and the DPRK found themselves in different political 'camps', which exacerbated Pyongyang's distrust of its former oppressor. Normalization talks of the 1990s had a rough start since the parties found it difficult to settle the issues of apologies and compensations for decades of colonial rule. The long-awaited summits in the early 2000s failed to bring a diplomatic breakthrough. Japanese society was enraged at North Korea's admission that Pyongyang was responsible for abductions of Japanese citizens in the 1970-1980s. This confirmation and the media's efforts to politicize the issue solidified support for the nationalists, who later came to power and cut all of Japan's loose ties with the North.

In the realms of public consciousness and politics, this relatively new issue has taken the place usually reserved for matters of troubled history. The discourse on abductions helps nationalists garner support. It also contributes to forming collective political identity vis-à-vis an external enemy, and provides the public a respite from constant accusations from former colonies by letting them try on the victim's shoes for once. The methods used to promote Japan's view (a peculiar union between NGOs and the government) and their political results bring this issue closer to historical problems. The enraged public clamors for punishment for foreign perpetrators and rejects any diplomatic compromise (which would have actually helped to resolve the issue), and so the bilateral ties fall apart. North Korea's symmetrical response is also quite symptomatic: Pyongyang now constantly criticizes Japan, bringing up all its 'wrongdoings' from modern times back to the Middle Ages.

Northeast Asia is troubled enough even without historical differences, with the threat of military conflict always looming on the horizon. That is why it is very concerning to see how both allies and opponents are eager to exploit nationalistic sentiments for short-term political gain.

Keywords: abductions issue, collective memory, comfort women, DPRK, Japan, relations between North Korea and Japan, Tokto.

Author: Dyachkov Ilya V., Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian, Department of Oriental Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). E-mail: dyachkov@naver.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017).

For citation: Dyachkov I.V. (2021). Vzaimnye istoricheskie pretenzii KNDR i Yaponii [Mutual historical accusations between the DPRK and Japan]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 2, 78–91. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91

Введение

Объединяющая сила антипатий к Японии в корейском политическом поле настолько велика, что они порой являются точкой для сближения позиций даже Севера и Юга [Курбанов 2018, с. 77]. Сегодня Пхеньян и Сеул выступают с единых антияпонских позиций по вопросам прошлого, хотя межкорейские отношения в целом остаются сложными, а периодически переживают и существенные обострения.

В корейской народной памяти колониальный период 1910–1945 гг. и предшествовавшее ему усиление зависимости страны от Японии запечатлелись как однозначно унижительный отрезок истории. Большая часть претензий как северных, так и южных корейцев к Токио основана на событиях этой поры, и поэтому сходна. Тем не менее, история уже разделённой Кореи определила специфику восприятия бывшей метрополии в КНДР.

Как на Севере, так и на Юге главной государствообразующей силой стали представители антияпонского движения, и национально-освободительные идеи оказались центральными в идеологии новых корейских политических образований. На Севере со временем центром всей мифологизированной истории государства оказалась борьба Ким Ирсена и его партизанского отряда с японскими захватчиками. Кроме того, в КНДР подозрения в поддержке Японии или связи с коллаборационистами на первых порах были поводом для внутренних чисток, а также важным сюжетом в критике Юга, где значительная часть колониальной системы управления на первых порах сохранялась. [Chun 2020, p. 357, 361] В ходе Корейской войны (1950–1953 гг.) и в течение всей биполярной эпохи Япония оставалась в другом, антагонистическом для Севера лагере, поддерживающем Республику Корея. В частности, роль Японии как тыла возглавляемой США коалиции в Корейской войне дополнительно обострила восприятие ещё весьма свежих в памяти проблем прошлого и стала отдельным поводом для обиды [McCormack 2008, 4].

На Юге антияпонский пафос впоследствии несколько ослаб. Этому способствовали примирительная политика Пак Чонхи в 1960-е гг., а также общность военно-политической судьбы Республики Корея и Японии как элементов регионального периметра США. В 1965 г. Сеул и Токио нормализовали отношения, причём Япония «эксклюзивно» признала южнокорейское правительство единственным легитимным на полуострове. Нормализация, предшествовавшие ей переговоры, а также южнокорейско-японский диалог по историческим вопросам с 1960-х гг. до современности не решили многие проблемы, и вопросы памяти остаются ключевым поводом для конфликтов между Сеулом и Токио несмотря на связывающие их квазисоюзные отношения. Тем не менее, дипломатическая работа за 70 лет ушла значительно дальше попыток установить контакты.

Токио установил с Севером экономические и культурные связи уже к 1970-м гг., однако заключать отношения с Пхеньяном японские власти считали необоснованно поспешным шагом даже на фоне международной разрядки. [Ко 1977, p. 32] В итоге на сегодняшний день складывается парадоксальная ситуация: у Японии есть дипломатические связи со всеми странами мира, кроме соседней КНДР [McCormack 2008, p. 3], а какой-либо диалог и сотрудничество с Пхеньяном в XXI в. полностью прекращены из-за разногласий по проблеме похищенных.

Критика Японии в северокорейских материалах

Связи КНДР с Японией уже долгое время остаются на крайне низком уровне, поэтому Токио регулярно становится объектом дежурного осуждения в северокорейских источниках. В то же время критика США или Республики Корея в материалах, рассчитанных на внешнюю аудиторию, обычно приглушается, когда этого требует политическая ситуация в пору улучшения отношений с Сеулом или Вашингтоном. Северокорейские официальные публикации хотя и несколько отличаются от южнокорейских по стилю¹, весьма похожи по содержанию и регулярно выходят в ориентированной на зарубежного читателя прессе. Так, антияпонскими статьями традиционно завершаются номера журналов «Корея сегодня» и «Кымсугансан», заметки с критикой Токио – в том числе на японском языке – размещают государственные сайты «Ури минчжок ккири»², «Нэ нара»³ и др.

Статьи не всегда посвящены исключительно историческим сюжетам, часто в них критикуется современная жизнь в Японии [Ким Чисон 2020, с. 56] или политические шаги Токио (особенно северокорейцев пугают пересмотр японской конституции и укрепление Сил самообороны [Безрассудство... 2020, с. 47], совместные с США военные учения [Ким Ильбон 2020, с. 8]). КНДР регулярно осуждает те действия властей, которые трактуются Пхеньяном как притеснение близкой ему Ассоциации корейцев Японии («Чхоннён», распространена и неверная запись «Чхонрён») [Крайний... 2020, с. 48].

В большинстве случаев сегодняшнее «предосудительное» поведение Японии выводится из её прошлых грехов [Куда... 2020, с. 48], нежелания современного политического руководства страны признать прошлое и раскаяться, а также подразумеваемой прямой преемственности между деятелями милитаристской эпохи и нынешними японскими лидерами [Крайний... 2020, с. 48]. Так, в ряде публикаций подчёркивается, что дед бывшего премьер-министра Абэ Синдзо, Киси Нобусукэ, являлся военным преступником (хотя подсудимым на Токийском процессе он не был).

Что касается исторических претензий, их набор достаточно стандартен для общекорейского дискурса. Одна из статей излагает его почти исчерпывающе (здесь и далее орфография и характерный стиль перевода сохранены): «Японские империалисты зверски убили более миллиона корейцев, насильственно, путем похищения и соблазнения угнали 8,4 миллиона на агрессивный⁴ войну в качестве пушечного мяса и на средневековый каторжный труд, навязали 200 тысячам корейским женщинам позорную участь сексуальных рабынь. Кроме того, они провели бактериологическую войну, навязали рабский труд, душили корейскую культуру и хищнически грабили природные ресурсы Кореи» [Куда... 2020, с. 48].

Как видно даже из этого перечисления, отдельные сюжеты имеют наибольший вес, и нередко освещаются северокорейской прессой отдельно: проблема *вианбу* [Непростительные... 2020, с. 48], проблема принудительного труда. Для продвижения северокорейской точки зрения создаются специализированные общественные организации,

¹ Знаменитая «цветистость» северокорейских агитационных текстов частично объясняется тем, что при переводе они не адаптируются стилистически, в отличие от южнокорейских. В оригинале и северные, и южные политические воззвания довольно близки по стилю и средствам выражения.

² Ури минчжок ккири [Внутри нашей нации]. <http://www.uriminzokkiri.com/> (дата обращения: 04.02.2021).

³ Нэ нара [Моя страна]. <http://www.naenara.com.kp> (дата обращения: 04.02.2021).

⁴ Так в оригинале.

например, Корейский комитет для принятия мер по вопросу пострадавших сексуальных рабынь и насильственной вербовки⁵ и Общество корейцев, пострадавших от насильственной вербовки и их семей, от лица которых публикуются воззвания в адрес Токио⁶. Здесь нельзя не заметить сходство с тем, как деятельность общественных организаций «встраивается» во внешнюю политику в Республике Корея, [Современная Корея 2020, с. 107–108] да и самой Японии (см. ниже).

В заявлениях северокорейских общественных структур и в прессе повторяется утверждение, что Япония не признала ответственность, не принесла извинения и не выплатила компенсации за прошлую агрессию и колониальный период [Не расставшись... 2020, с. 46]. Это отчасти объяснимо тем, что эти шаги Токио преимущественно совершал в рамках отношений с Южной Кореей, а КНДР оставалась в стороне.

Не остаётся без внимания и проблема Токто, остро стоящая в южнокорейско-японских отношениях [Дьячков 2020]. Северокорейцы называют его в своих русскоязычных материалах «остров Ток» и утверждают, что эта территория «как священная земля корейской нации неразрывно связана с ее 5-тысячелетней историей» [Территориальные... 2019, с. 56]. КНДР, проявляя общенациональную солидарность, признает суверенитет Южной Кореи над островами [Трансформация... 2019, с. 267] и в своих материалах даже иногда «защищает» их от японских «притязаний» [Территориальные... 2019, с. 56].

В списке претензий КНДР есть и моменты, которые реже звучат в Республике Корея. Порой Пхеньян глубже погружается в историю, например, обвиняя японцев в воровстве корейских колоколов в эпоху Корё (935–1392) и в годы Имчжинской войны (1592–1598)⁷. Северяне чаще вспоминают об антикорейских погромах после землетрясения в Канто в 1923 г.⁸, а также о гибели судна «Укисима-мару», на котором в 1945 г. возвращалась на родину группа корейцев (по версии северян, судно намеренно потопили японцы). Эти сюжеты, безусловно, известны и на Юге, но там к ним не столь активно обращаются при обсуждении сложного прошлого (возможно, до поры). Тем не менее, центральная южнокорейская пресса порой перепечатывает северокорейские материалы [N. Korea...], судя по всему, выражая таким образом сочувствие им.

Интересно, что историческая критика Японии далеко не всегда была столь интенсивной. Да, в биполярную эпоху северокорейская пресса клеймила Токио как милитаристского прихвостня американского империализма, однако пхеньянские журналисты винили во всём «реакционеров» у власти, подчеркивая, что народ борется за демократию, мир и нейтралитет. В целом до сравнительно недавних пор Японии «доставалось» от КНДР значительно

⁵ Представитель Корейского комитета для принятия мер по вопросу пострадавших сексуальных рабынь и насильственной вербовки опубликовал заявление по случаю 75-летия поражения японского империализма. URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=rus&ptype=cfodoc&mtype=view&no=29869> (дата обращения: 12.01.2020).

⁶ В оригинале – «Общество пострадавших корейцев от насильственной вербовки и их семей». Представитель Общества пострадавших корейцев от насильственной вербовки и их семей потребовал вскрыть всю истину инцидента судна «Укисимамару». URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=rus&ptype=cfodoc&mtype=view&no=30025> (дата обращения: 12.01.2020).

⁷ Японцы воровали колокола в Корею. URL: <http://www.naenara.com.kp/main/index/ru/news> (дата обращения: 12.01.2020).

⁸ Разоблачается на весь мир национал-шовинистическая резня Японии. URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=cfonew&stype=0&ctype=0&page=1&lang=rus&mtype=view&no=30338> (дата обращения: 12.01.2020).

меньше, чем США или Южной Корее. Причина в том, что до политизации проблемы похищенных в начале 2000-х гг. Пхеньян стремился к нормализации отношений с Токио, а северокорейско-японская торговля была довольно активной ещё с 1970-х гг. [Ко 1977, pp. 33–35, 38–41].

Попытки урегулировать исторические претензии и проблема похищенных

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. северокорейские спецслужбы похитили из Японии, а также из стран Европы ряд японских граждан разного возраста, как поодиночке, так и парами. Предположительная цель похищений – использование японских граждан для подготовки агентов, хорошо владеющих японским языком и знающих реалии жизни в стране [Williams, Mobrand 2010, p. 509]. Японская сторона обычно говорит от 17 похищенных за всё время, Пхеньян же признал только 13 случаев.

Информация о похищениях впервые появилась в публикациях в японской газете «Санкэй симбун» в 1980-х гг., причём тогда журналисты ещё не высказывали подозрения, что за исчезновениями людей стоит КНДР. В 1985 г. японские спецслужбы арестовали северокорейского агента, использовавшего подложное имя и документы пропавшего ранее японца. Затем, в 1987 г., задержанная после подрыва южнокорейского пассажирского авиалайнера Ким Хёнхи на допросах указала, что японскому её обучала девушка, в которой по описанию узнавалась одна из похищенных, Тагути Яэко [Lynn 2006, p. 489].

Иными словами, к концу 1980-х гг. японской общественности было более-менее известно о похищениях, однако эти соображения ещё не влияли на внешнюю политику. В 1990 г. на фоне международной разрядки и межкорейского потепления Пхеньян посетила обширная парламентская делегация из Японии, в составе которой были представители Либерально-демократической и Социально-демократической партий. Группу парламентариев возглавил Канэмару Син (интересно, что в 1930-е гг. политик служил в Квантунской армии). Он привёз северокорейскому лидеру Ким Ирсену примирительное по содержанию личное письмо от тогдашнего японского премьера Кайфу Тосики.

Тема сложного прошлого стала центральной для первых двусторонних контактов. Так, в беседе с гостями Ким Ирсен заявил, что Япония должна заплатить 8 млрд долларов в качестве компенсации за колониальный период [Zakowski 2018, p. 79]. Итогом встречи стала декларация трёх партий (ЛДПЯ, СДПЯ и ТПК). В документе японская сторона обещала принести извинения за колониальную эпоху и выплатить компенсации за неё, а также продвигаться к нормализации. Примечательно, что также парламентарии принесли извинения за ущерб, нанесённый Корее за 45 лет *после* освобождения [McCormack 2008, p. 5].

Межпартийный формат взаимодействия позволил сторонам гибко толковать договорённости. Так, японское Министерство иностранных дел заявило, что трёхпартийная декларация – не межгосударственное соглашение, и поэтому не имеет обязывающей силы. Канэмару Син был вынужден объясняться не только перед японскими властями, но и перед США и Республикой Корея, причём Сеул добился обещания, что нормализация отношений с Севером произойдёт только с его ведома [Hangström, Söderberg 2006, p. 377].

Токио не планировал предоставлять Пхеньяну компенсации, рассчитывая применить формулу, которая была использована в ходе нормализации с Сеулом: предоставить не

собственно деньги, а экономическое сотрудничество объёмом примерно в половину затребованной суммы [Söderberg 2006, p. 441]. Такой вариант в принципе устраивал КНДР, и Пхеньян постепенно снижал свои требования в ходе последовавших в 1991–1992 гг. восьми раундов переговоров по нормализации отношений. В рамках третьего раунда северокорейцы предложили сначала нормализовать отношения, а затем решать остальные вопросы, однако Токио не согласился.

Более того, японская сторона начала поднимать тему похищений. На 4-м раунде переговоров в августе 1991 г. обе стороны условились обсуждать эту проблему отдельно от нормализации в особой рабочей группе. В ноябре 1992 г., в рамках 8-го раунда, Токио вновь поставил вопрос о похищенных. В ответ северокорейцы прекратили переговоры. В целом, в этот период проблема похищенных оставалась менее значимой, чем урегулирование проблем прошлого. В течение 1990-х гг. японо-северокорейские контакты были нестабильны и зависели от состояния ядерной проблемы и региональной конъюнктуры. В 1997 г. Северная Корея на неформальной встрече в Пекине согласилась начать расследование «исчезновения» людей (на такой формулировке настоял Пхеньян). Вскоре северокорейский Красный Крест заявил, что пропавшие не найдены на территории КНДР [Lynn, 2006, pp. 489–490].

В ходе контактов в 1990-х гг. японская сторона была в целом склонна принимать позицию Пхеньяна по похищенным, а также рассматривать эту проблему не как центральную, а лишь как одну из списка двусторонних вопросов. Политизацию этого сюжета увязывают с ростом национализма в Японии на фоне социальноэкономического кризиса 1990-х гг. [Williams, Mobrand 2010, pp. 510–511]. Главным фактором здесь, однако, стала активная работа прессы, общественных организаций и лоббистских групп.

С конца 1990-х гг. в Японии появляются общественные организации, представляющие интересы похищенных. Они разворачивают активную лоббистскую деятельность, а также занимаются агитацией, причём как внутри страны (в частности, организуя митинги и сбор средств, в том числе через продажу сувенирной символики), так и с прицелом на КНДР (начав пропагандистское радиовещание на корейском языке). Активисты из числа депутатов прилагали усилия, чтобы удерживать вопрос в парламентской повестке. «Общественники» особенно тесно сотрудничают с националистически настроенными лоббистами, поддерживающими визиты руководства страны в святилище Ясукуни, удаление упоминаний о «женщинах для утешения» из учебников истории, борьбу с «Чхоннён» и т.п. [Williams, Mobrand 2010, pp. 512–516, 519–521].

Общественные группы, борющиеся за интересы похищенных, пользовались активной поддержкой Абэ Синдзо в ходе его работы на разных постах в правительстве. Непримируемая позиция по вопросу похищений помогла политику набрать популярность и дважды занять кресло премьера в 2006 и 2012 г.

В 2000 г. Токио и Пхеньян продолжили обсуждать нормализацию отношений, и после трёх раундов переговоров зашла речь о возможном саммите. Северокорейская дипломатия вышла с этой идеей на окружение премьера Коидзуми Дзюнъитиро, а японское руководство, в свою очередь, предпочло до последнего момента скрывать подготовку от «ястреба» С. Абэ (тогда – заместителя секретаря кабинета) [McCormack 2008, p. 6]. В виде примирительного жеста накануне готовившегося визита северокорейский Красный Крест неожиданно сообщил

о продолжении завершённого было расследования и назвал 6 пропавших, ранее не состоявших в японских списках [Lynn 2006, 490].

В сентябре 2002 г. Дз. Коидзуми посетил Пхеньян, и провёл краткую встречу с руководителем КНДР Ким Чениром. По итогам переговоров была подписана Пхеньянская декларация⁹, где Япония выразила «глубокое сожаление и искренние извинения» по поводу колониального периода [Hangström, Söderberg 2006, 381]. Ким Ченир, в свою очередь, принёс извинения за похищение 13 японцев в 1977–1982 гг. и отправку разведывательного корабля в японские воды в 2001 г., возложив ответственность на отдельные горячие головы в спецслужбах. По его словам, виновные были наказаны, когда он узнал об этой «самодеятельности»¹⁰ [McCormack 2008, pp. 6, 8]. В самой декларации вместо извинений КНДР было зафиксировано её обещание впредь не совершать подобных действий. Япония же ушла от вопроса репараций, посулив Пхеньяну экономическую помощь, а тот не стал настаивать, видимо, надеясь на скорую нормализацию отношений [Söderberg 2006, p. 445].

Хотя в Пхеньянской декларации грехи колониального периода как бы противопоставлялись похищениям, для японской общественности оказалась важна лишь вторая часть этого обмена признаниями. Параллели между действиями северокорейцев и японцев в колониальные годы (при «наборе» «женщин для утешения» и рабочих на принудительный труд) воспринимались с возмущением [McCormack 2008, pp. 8, 10].

В октябре 2002 г. Северная Корея отпустила пятерых оставшихся в живых похищенных посетить родину. Под общественным давлением японские власти отказались от изначальной договорённости обеспечить их возвращение в КНДР. Северокорейцы настаивали на обратном, утверждая, что просто «выгнать» этих людей было бы негуманно. По их словам, похищенные привыкли к КНДР и пошли на многие жертвы, чтобы приспособиться к жизни там. Они обзавелись на Севере семьями и детьми, которые не знают о происхождении родителей. Как и остальные северокорейские дети, они были воспитаны в духе ненависти к Японии, а если Токио потребует вернуть и детей, чтобы не разлучать семьи, то им, по словам Пхеньяна, будет трудно приспособиться к жизни в другой стране [McCormack 2008, p. 9].

Публичные извинения Ким Ченира, что парадоксально, но часто бывает с историческими проблемами, лишь подлили масла в огонь. Японское общество не оценило дипломатические достижения Дз. Коидзуми – напротив, пресса и общественность обрушились на него с жёсткой критикой [Lynn, 2006, p. 490].

Если в 1980–1990 гг. подозрения по поводу похищенных казались уделом сторонников теории заговора и небольших общественных групп, то теперь наихудшие опасения получили полное подтверждение. Особенно японцев возмутило заявление северокорейцев, что 8 из 13 похищенных погибли при разных обстоятельствах. Вызывало подозрения, что пары, по словам северян, погибали почти синхронно в результате странных несчастных случаев или от тех или иных недугов, нередко нехарактерных для людей 20–30 лет (цирроз печени, инфаркт и т.п.). Захоронения и останки погибших, по словам Пхеньяна, утеряны из-за природных катастроф [McCormack 2008, p. 10].

⁹ Japan-DPRK Pyongyang Declaration // MOFA of Japan. https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/pmv0209/pyongyang.html (дата обращения: 04.02.2021).

¹⁰ Эта формулировка весьма напоминает слова Ким Ирсена, сказанные главе южнокорейской разведки Ли Хураку по поводу вылазок Севера против Юга в 1960-е гг.

После возвращения пятёрки японская общественность отказывалась верить, что остальные похищенные умерли [Hangström, Söderberg, 2006, pp. 382–383]. Знаковым стал пример Ёкота Мэгуми, пропавшей в 1977 г. в возрасте 13 лет. В 1996 г. через свидетельство северокорейского перебежчика стало известно, что за её исчезновением стоит КНДР. В 2002 г. Пхеньян признал это, однако заявил, что в 1993–1994 гг. девушка совершила самоубийство, и передал Токио её прах [McCormack 2008, 9]. Проведённые японскими специалистами исследования показали, что останки принадлежат не М. Ёкота, а нескольким другим людям (нужно также сказать, что методика проверки была потом раскритикована северянами и независимыми учёными) [Hangström, Söderberg 2006, pp. 382–383].

В прессе развернулась масштабная кампания против Северной Кореи, ещё больше вырос спрос на «страшилки» о КНДР [McCormack 2008, p. 11]. В этот короткий период именно средства массовой информации (возможно, при содействии консервативного лобби) создали у общества определённые представления о Северной Корее и «правильной» политике в её отношении, существенно сузив правительству пространство для дипломатического манёвра. Важным фактором стали драматичность сюжета, его близость к людям, а также то, что в нём чётко определяются и конкретные жертвы, и виновники. Освещение историй жертв превратилось для массового зрителя в захватывающее реалити-шоу о чужом горе. Внимание к судьбе похищенных было настолько велико, что за несколько лет после первого северокорейско-японского саммита в центральных газетах вышло вдвое больше передовиц про Север, чем про выборы нового премьера [Lynn 2006, pp. 484–497].

Нельзя не заметить, что дискурс вокруг похищенных по структуре и националистически окрашенной эмоциональности показал то, как общество воспринимает исторические проблемы. За пару лет СМИ добились того, что нормализацию стало поддерживать не большинство граждан (около 80 %), а меньшинство (около 40 %) [Lynn 2006, p. 503]. Сторонники мягкого подхода были дискредитированы и оттеснены от дипломатических рычагов. Можно сказать, что такой стала месть консерваторов за то, что Дз. Коидзуми отстранил их от планирования политики в отношении Севера [Zakowski 2018, pp. 81–85, 94].

В 2004 г. японский премьер вновь посетил Пхеньян, с ним в Токио вернулись ещё 8 родственников первой пятёрки похищенных. Северная Корея смирилась с тем, что все возвращённые лица останутся в Японии, а также пошла на уступки в вопросе встреч семей с остающимися в КНДР родственниками. Дз. Коидзуми пообещал при условии выполнения Пхеньянской декларации не вводить санкции против Пхеньяна, а также предоставить КНДР помощь [McCormack 2008, p. 11]. Тем не менее, вопрос похищенных уже отравил двустороннее общение настолько, что ещё недавно казавшаяся достижимой нормализация вновь выпала из повестки дня.

«Половинчатый» характер компромиссов возмутил японцев. Общественность критиковала премьера за то, что тот пошёл на уступки, утверждая, что КНДР не сдаст в ответ свои позиции, в частности, в ядерном вопросе [Akaha 2007, p. 303]. Медийный накал не ослабевал: второму саммиту в теленовостях уделили втрое больше времени, чем несколькими годами ранее – теракту 11 сентября 2001 г. Отныне любые упоминания Северной Кореи в прессе становятся поводом вспомнить о похищенных и покритиковать «бесхребетных» бюрократов в правительстве [Lynn 2006, pp. 491–3].

Придя к власти в 2006 г., Абэ Синдзо сделал вопрос похищенных из резонансного, но всё же второстепенного центральным элементом политики в отношении КНДР. Он создал

Штаб по противодействию проблеме похищенных для официального, институционального подкрепления усилий соответствующих общественных организаций, отныне пользующихся полной государственной поддержкой [Williams, Mobrand 2010, pp. 516–519].

Эмоциональный консенсус правящих элит и общества в последующие годы толкал японское руководство на всё более решительные шаги по демонтажу и без того не слишком прочных связей с КНДР. Токио стал вводить односторонние санкции против Пхеньяна, прекратил все экономические и культурные обмены, стал оказывать давление на «Чхоннён». Жёсткая позиция по проблеме похищенных повлияла на действия Японии в рамках многостороннего урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова на шестисторонних переговорах, став одним из факторов их остановки [Дьячков 2016, с. 168].

Беспокойство Японии о судьбе своих граждан хорошо понятно и объяснимо, однако трудно сказать, насколько такая позиция конструктивна: проблему будет трудно решить без нормализации отношений с Севером, а саму нормализацию Токио считает невозможной без возвращения похищенных. Стремление подменить усилия по решению ядерной проблемы обсуждением вопроса о похищенных трудно поддержать – особенно тогда, когда эти двусторонние разногласия заводят в тупик общерегиональную работу.

За исключительную политизацию вопроса японских коллег критикуют даже южнокорейские общественники, занимающиеся аналогичной борьбой за права своих похищенных. При этом их гораздо больше, чем японских: с 1940-х гг. северокорейцы при разных обстоятельствах похитили около 500 южан. Преимущественно это задержанные в море рыбаки, но есть также военные, представители интеллигенции и т.д. [Go, Forney]. В Южной Корее, в отличие от Японии, эта проблема мало обсуждается и не политизируется, о ней лишь изредка вспоминают консерваторы [Williams, Mobrand 2010, pp. 507–510, 529–531].

После прихода С. Абэ к власти японское правительство также развернуло ряд медийных кампаний по привлечению внимания к проблеме похищенных на всех уровнях от регионального до государственного для нагнетания эмоций у внутренней аудитории [McCormack 2008, p. 16]. Размах стал напоминать старания Республики Корея по продвижению своей точки зрения на проблему принадлежности острова Токто. Так, при поддержке МИД Японии регулярно выпускаются материалы самого различного формата – от брошюр до анимационных фильмов, а на сайте дипломатического ведомства появился обширный раздел на 10 языках, посвящённый похищенным¹¹ [Abductions...].

Движение за права похищенных стало знаменем националистов – похожая динамика наблюдалась и при развитии дискурса вокруг «женщин для утешения» в Республике Корея. Так, правительства между периодами пребывания С. Абэ у власти не придерживались столь же жёсткой позиции по этой острой проблеме, и разочарованные «профильные» лоббисты оказывали на руководство страны существенное давление [McCormack 2008, pp. 18–19].

Япония осталась не удовлетворена возвращением на родину пятерых похищенных и по-прежнему надеялась узнать судьбу остальных. Совместное расследование шло с перерывами до недавних пор, однако без особого успеха и, по большому счёту, лишь создавало проблемы. Само согласие на него северянами рассматривалось как колоссальная уступка, а японскую сторону систематически не удовлетворяли формат и ход работы. Тем не

¹¹ Abductions of Japanese Citizens by North Korea // MOFA Japan. https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kp/page1we_000069.html (дата обращения: 04.02.2021).

менее, новое руководство КНДР в лице пришедшего к власти в 2011 г. Ким Чжонгана изначально было настроено на диалог. В 2014 г. проживающая в Северной Корее дочь Ёкота Мэгуми, Ким Ынгён (ранее фигурировала как Ким Хегён [McCormack 2008, p. 9]), встретила со своей бабушкой-японкой в Улан-Баторе; вопрос курировала сестра северокорейского вождя Ким Ёчжон, якобы лично дружащая с Ким Ынгён [Halpin]. Двусторонние консультации продолжались до середины 2010-х гг., однако особо не продвинулись, и Пхеньян в итоге прекратил расследование.

Трудно сказать, насколько КНДР готова обсуждать похищенных далее, поскольку власти страны уже, по их мнению, пошли на серьёзные уступки в этом вопросе, взамен получив лишь обрыв связей и дополнительные требования. Раздражённость Пхеньяна хорошо видна и по публичным материалам, где нередко указывается, что историческая вина Японии перед Кореей настолько велика, что Токио не имеет морального права выдвигать свои претензии [Страна-попирательница...].

* * *

Подводя итог, можно сказать, что на данный момент северокорейско-японские отношения деградировали настолько, что существуют лишь в форме обмена историко-политическими претензиями, причём рассчитанного на внутренний «идеологический рынок». Главной виной тому – вопрос о похищенных японских гражданах, который в начале 2000-х гг. стремительно превратился в проблему исторической памяти и взаимного восприятия. Северная Корея, раньше критиковавшая Японию за прошлые «грехи» достаточно осторожно и в целом дежурно, сейчас потеряла надежду на нормализацию отношений и предъявляет Токио длинный список исторических претензий, уходящий в Средние века.

Как и иные вопросы прошлого, вопрос похищений для правящих элит неразрывно связан с национализмом, проблемой возвращения Японии статуса «нормальной» страны [Williams, Mobrand 2010, p. 508]. Также это – отдушина от преобладающей в регионе антияпонской риторики, призывов к ответу за преступления колониального периода. Эта проблема дала неудовлетворённой части общества возможность найти внешнего врага и хотя бы мысленно отыграться на нём за неурядицы затяжного экономического кризиса 1990-х гг. Ставя вопрос о похищениях, Япония не должна в очередной раз выслушивать чужие требования, а имеет право предъявить свои [Lynn 2006, p. 498]. С историческими проблемами этот нарратив роднит его функции (строительство националистической идентичности, сплочение перед лицом внешней угрозы), а также «побочные эффекты». Продвижение «правильной» точки зрения видится настолько ценным, что может осуществляться даже в ущерб национальным интересам в регионе (Япония фактически исключила сама себя из ядерного урегулирования). Характерна и бескомпромиссность активной части общества: когда кто-то из публичных фигур заявляет, к примеру, что участие в решении ядерного вопроса так же важно, как выяснение правды о похищениях – «диссидента» осаживают и принуждают извиниться за свои слова [Lynn 2006, p. 500].

В итоге проблема похищений, как и другие историко-политические вопросы, стала точкой входа в дискурс для далёкой от политики и истории части общества, которая на волне нагнетаемого возмущения начала поддерживать линию, выгодную одной из властных групп по совсем другим причинам. Безусловная поддержка большинства по «горячей» теме

перетекает в поддержку националистов по другим, более важным для них вопросам (в японском случае – укрепление вооруженных сил, пересмотр Конституции и др.). Однако пока одна из групп элит извлекает из сложившегося положения сиюминутную выгоду, страдают двусторонние связи с соседями и долгосрочные внешнеполитические интересы страны. В такой конфликтоопасной части мира, как Северо-Восточная Азия, националистическая игра с огнём особенно опасна, и потому столь печально видеть, что в последние годы ею увлекаются почти все региональные игроки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Безрассудство Японии // *Корея сегодня*. 2020. № 9. С. 47.
- Дьячков И.В. Остров Токто в южнокорейско-японских отношениях: история, память, политика // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. Выпуск 12 (98). Часть I [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840010272-8-1/> (дата обращения: 17.02.2021). DOI: 10.18254/S207987840010272-8
- Дьячков И.В. «Немирный атом» Северо-Восточной Азии: корейский узел. М.: МГИМО-Университет. 2016. 239 с.
- Ким Ильбон. Неизменные замыслы Японии // *Корея сегодня*. 2020. № 9. С. 48.
- Ким Чисон. Суицид в Японии стал социальной проблемой // *Кымсугансан*. 2019. № 6. С. 56.
- Крайний национал-шовинизм не доведёт до «блестящего будущего» // *Корея сегодня*. 2020. № 9. С. 48.
- Куда стремится Япония // *Корея сегодня*. 2020. № 12. С. 48.
- Курбанов С.О. Северокорейская интерпретация проблемы прав человека и корейская традиционная культура // *КНДР и РК — 70 лет*. М.: ИДВ РАН. 2018. С. 74–83.
- Не расставшись с ответственностью за преступное прошлое, нельзя жить сегодня // *Корея сегодня*. 2020. № 7. С. 46.
- Непростительные нечеловеческие преступления Японии // *Корея сегодня*. 2020. № 5. С. 48.
- Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.) / А.В. Торкунов, Г.Д. Толорая, И.В. Дьячков. М.: Просвещение. 2021. 448 с.
- Страна-попирательница прав человека // *Кымсугансан*. 2019. № 4 (339). С. 56.
- Территориальные притязания Японии // *Кымсугансан*. 2019. № 9 (343). С. 56.
- Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова. Монография. М.: Аспект Пресс. 2019. 432 с.

REFERENCES

- Bezrassudstvo Yaponii [Japan's recklessness]. (2020). *Koreya segodnya* [Korea Today], 9, 47. (In Russian).
- Dyachkov, I. (2016). «*Nemirnyi atom*» Severo-Vostochnoi Azii: koreiskii uzal [North-East Asia's 'non-peaceful atom': the Korean knot]. Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russian).
- Dyachkov, I. (2020). Ostrov Tokto v yuzhnokoreisko-yaponskikh otnosheniyakh: istoriya, pamyat', politika [Tokto Island in relations between South Korea and Japan: history, memory,

politics]. *Istoriya*, vol 11, 12 (98) part I. Retrieved February 4, 2021, from <https://doi.org/10.18254/S207987840010272-8> (In Russian).

Krainii nacional-shovinizm ne dovedet do «blestyashchego budushchego» [Radical nationalistic chauvinism cannot bring about a 'brilliant future']. (2020). *Koreya segodnya* [Korea Today], 9, 49. (In Russian).

Kuda stremitsya Yaponiya [Where Japan is headed]. (2020). *Koreya segodnya* [Korea Today], 12, 48. (In Russian).

Kurbanov, S. (2018). Severokoreiskaya interpretatsiya problemy prav cheloveka i koreiskaya traditsionnaya kul'tura [North Korean interpretation of human rights issues and traditional Korean culture]. In *KNDR i RK — 70 let* [DPRK and RoK: 70th anniversary] (pp. 74–83). Moscow: IDV RAN. (In Russian).

Nae Nara. (2020) Yapontsy vorovali kolokola v Koree [The Japanese stole bells in Korea]. Retrieved February 4, 2021, from <http://www.naenara.com.kp/main/index/ru/news> (In Russian).

Neprostitel'nye nechelovecheskie prestupleniya Yaponii [Unforgivable inhuman crimes of Japan]. (2020). *Koreya segodnya* [Korea Today], 5, 48. (In Russian).

Ne rasstavshis' s otvetstvennost'yu za prestupnoe proshloe, nel'zya zhit' segodnya [Without absolving criminal past one cannot live today]. (2020). *Koreya segodnya* [Korea Today], 7, 46. (In Russian).

Strana-popiratel'nitsa prav cheloveka [The country that tramples human rights]. (2019) *Kymsugansan*, 4 (339), 56. (In Russian).

Territorial'nye prityazaniya Yaponii [Japan's territorial claims]. (2019) *Kymsugansan*, 9 (343), 56. (In Russian).

Torkunov, A., & Streltsov, D. (Eds.). (2019) *Transformatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii v Severo-Vostochnoi Azii i natsional'nye interesy Rossii* [Transforming international relations in North East Asia and Russia's national interests]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

Torkunov, A., Toloraya, G., & Dyachkov, I. (2021). *Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.)* [Modern Korea: metamorphoses of the turbulent years (2008–2020)]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).

Uri Minzok Kkiri. (2020). Predstavitel' Koreyskogo komiteta dlya prinyatiya mer po voprosu postradavshikh seksual'nykh rabyn' i nasil'stvennoi verbovki opublikoval zayavlenie po sluchayu 75-letiya porazheniya yaponskogo imperializma [Representative of the Korean committee for measures to resolve the issue of sexual slavery victims and forced recruiting publishes a statement to commemorate 75th anniversary of defeat of Japanese militarism]. Retrieved February 4, 2021, from <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=rus&ptype=cfodoc&mtype=view&no=29869> (In Russian).

Uri Minzok Kkiri. (2020). Predstavitel' Obshchestva postradavshikh koreitsev ot nasil'stvennoi verbovki i ikh semei potreboval vskryt' vsyu istinu intsidenta sudna «Ukisimamaru» [Representative of the Society of Korean victims of forced recruitment and their families calls for uncovering the whole truth about the Ukushima-maru incident]. Retrieved February 4, 2021, from <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=rus&ptype=cfodoc&mtype=view&no=30025> (In Russian).

Uri Minzok Kkiri. (2020). Razoblachaetsya na ves' mir natsional-shovinisticheskaya reznya Yaponii [Japan's nationalistic chauvinist massacre is exposed for the entire world]. Retrieved February 4, 2021, from

<http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=cfonew&stype=0&ctype=0&page=1&lang=rus&mtype=view&no=30338> (In Russian).

* * *

Akaha, Tsuneo. (2007). Japanese Policy toward the North Korean Problem. Balancing Bilateralism and Multilateralism. *Journal of Asian and African Studies*, 42(3/4), 297-320.

Chun In-Bum. (2020). How North Korea Wages Political Warfare at Home and Abroad...and How to Respond. *Orbis*, 64 (2), 353-370.

Go Myong-Hyun, & Forney, B. (2018). *Kidnapping as Foreign Policy: North Korea's History of State Sponsored Abductions*. The Asan Institute of Foreign Studies Issue Brief. Retrieved February 4, 2021, from <http://www.jstor.com/stable/resrep16763>

Halpin, D. (2014). *Abe Plays the North Korea Card*. US-Korea Institute at SAIS Policy Brief. Retrieved February 4, 2021, from <https://www.jstor.org/stable/resrep11117>

Hangström, L., & Söderberg, M. (2006). Taking Japan – North Korea Relations Seriously: Rationale and Background. *Pacific Affairs*, 79(3), 373–385.

Kim Chi Son. (2019). Suitsid v Yaponii stal sotsial'noi problemoi [Suicide becomes a social problem in Japan]. *Kymsugansan*, 6, 56. (In Russian).

Kim Il Bon. (2020). Neizmennye zamysly Yaponii [Japan's unchanging schemes]. *Koreya segodnya* [Korea Today], 9, 48. (In Russian).

Ko, Seung K. (1977). North Korea's Relations with Japan Since Détente. *Pacific Affairs*, 50(1), 31–44.

Lynn, Hyung Gu. (2006). Vicarious Traumas: Television and Public Opinion in Japan's North Korea Policy. *Pacific Affairs*, 79(3), 483–508.

McCormack, G. (2008). *Japan and North Korea: The Long and Twisted Path towards Normalcy*. Washington: US-Korea Institute at SAIS.

Söderberg, M. (2006). Can Japanese Foreign Aid to North Korea Create Peace and Stability? *Pacific Affairs*, 79(3), 433–454.

Williams, B., & Mobrand, E. (2010). Explaining Divergent Responses to the North Korean Abductions Issue in Japan and South Korea. *The Journal of Asian Studies*, 69(2), 507–536.

Yonhap. (2020). N. Korea demands Japan's apology over killing of Korean forced workers in 'Ukushima Maru sinking'. Retrieved February 4, 2021, from <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200824001700325>

Zakowski, K., et al. (2018). *Japan's Foreign Policy Making*. Cham: Springer.

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-92-109

Теоретические подходы к международным отношениям в Японии

О.А. Добринская

Аннотация. В статье рассматривается эволюция японских теоретических подходов к международным отношениям. Дана краткая характеристика интеллектуальных течений, концепций, характерных для исследований МО в довоенное время, а также рассмотрено их развитие после 1945 г. Японские теоретические подходы к МО в основном берут начало из западных школ философии, политологии, права, однако в них прослеживаются национальные особенности. Западные теории выборочно ложились на японскую почву, и если некоторые из них получили развитие в трудах японских ученых, то другие, напротив, не вызвали большого интереса. В целом можно сказать, что под влиянием западной мысли и национальных традиций в Японии появились самобытные концепции. Японские подходы к международным отношениям эволюционировали одновременно с концептуальным переосмыслением окружающего мира и места в нем Японии, ее национальной идентичности.

Особенностью японских подходов к международным отношениям является акцент на их экономических и культурных аспектах, а также продвижение концепций, которые могли бы обеспечить глобальное лидерство Японии как невоенной державы. Можно отметить интерес к прикладным аспектам ТМО, позволяющим обосновать те или иные внешнеполитические цели. В целом теоретические подходы к МО тяготеют больше к поиску ответов на конкретные вопросы, чем к абстрактным построениям. В этом находят отражение особенности японского менталитета и характерные черты японской политической культуры.

Ключевые слова: Япония, ТМО, реализм, либерализм, мир-система, безопасность человека, культура.

Автор: Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД России (Москва, ул. Остоженка, д. 51), научный сотрудник Института Востоковедения РАН (Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0002-5967-366X. E-mail: Doa94123@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Добринская О.А. Теоретические подходы к международным отношениям в Японии // Японские исследования. 2021. № 2. С. 92–109. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-92-109

Theoretical approaches to international relations in Japan

O.A. Dobrinskaya

Abstract. The article examines some aspects of the evolution of Japanese theoretical approaches to international relations (IR). A brief description of intellectual currents and concepts characteristic of the IR

studies in the pre-war period is given, and their development after 1945 is considered as well. Japanese theoretical approaches to international relations mainly originate from Western schools of philosophy, political science, and law, but national peculiarities are traced in them. Western theories selectively lay on Japanese soil, and while some of them were further developed in the works of Japanese scholars, others, on the contrary, did not arouse much interest. In general, we can say that, under the influence of Western thought and Japanese traditions, distinctive concepts emerged in Japan. Japanese approaches to IR have evolved simultaneously with the conceptual rethinking of the surrounding world and Japan's place in it, as well as its national identity. A feature of Japanese approaches to IR is the emphasis on their economic and cultural aspects, as well as the promotion of concepts that could ensure the global leadership of Japan as a non-military power. One can note the interest in the applied aspects of the IR theories, which make it possible to substantiate certain foreign policy goals. In general, theoretical approaches to IR tend more towards finding answers to specific questions than to abstract constructions. This reflects the peculiarities of the Japanese mentality and the characteristic features of Japanese political culture.

Keywords: Japan, IR, realism, liberalism, world system, human security, culture.

Author: *Dobrinskaya Olga A.*, PhD, Senior Lecturer, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: 53/2, Ostozhenka Str., Moscow, 119021, Russian Federation); Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). E-mail: doa_78@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Dobrinskaya O.A. (2021). *Teoreticheskiye podkhody k mezhdunarodnym otnosheniyam v Yaponii* [Theoretical approaches to international relations in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia]. 2021, 2, 92–109. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-92-109

Обращение к незападным, прежде всего, азиатским ТМО, стало одной из тенденций, характеризующих современные исследования МО. Понимание недостаточности западноцентричного подхода к мироустройству обусловило поиск альтернативных моделей, способных представить новый путь его развития. Причины интереса к азиатским ТМО обусловлены бурным экономическим развитием Азии, особенно ее восточной части, прогрессом в научном плане и в сфере социальных наук, а также тем, что «кризис именно западной модели политической организации мира побуждает искать решения в иных цивилизационных структурах...» [Лебедева 2017, с. 251].

Этот поиск нашел отражение в появлении многочисленных публикаций по данной проблематике. В 2010 г. была выпущена коллективная монография под редакцией А. Ачарья и Б. Бузана, в которой были рассмотрены особенности подходов к МО на Востоке. В российских академических кругах проблематика интереса к незападным ТМО освещена в трудах М. Лебедевой, Т. Алексеевой, П. Цыганкова. Из азиатских подходов к ТМО широкое освещение получили китайские, например, анализ концептов «Тянься», «морального реализма» и «теории отношений», представленный Е. Грачиковым [Грачиков 2016, с. 68–80]. Японские подходы к ТМО проанализированы в работах С. Чугрова, отмечающего в японской академической традиции сочетание политического реализма и базового стремления к гармонизации отношений, предпочтения мягкой силе [Чугров 2020, с. 76].

Теоретические вопросы международных отношений (МО) рассмотрены в трудах многих японских ученых, как современных, так и довоенного времени. Пожалуй, самым известным политологом, классифицировавшим японские теории международных отношений, является

профессор Т. Иногути [Inoguchi 2010], немало трудов посвятивший этой теме. Послевоенная эволюция японских подходов к международным отношениям тщательно проанализирована в работах К. Ямамото [Yamamoto 2011, 2014]. Из работ этих авторов очевидно, что подходы к теории международных отношений в Японии формировались под влиянием западной политической мысли (до Второй мировой войны это была Европа, а после 1945 г. стали США). В то же время они характеризуются рядом особенностей, которые можно считать результатом сочетания японского мировоззрения и западного интеллектуального влияния. В качестве примеров можно привести исследования Дз. Икэда, рассматривающего изыскания японских теоретиков через категорию «международное сообщество» [Ikeda 2008]. К. Симидзу выделяет культурную составляющую в японских теоретических подходах к МО [Shimizu 2008].

Безусловно, японские ТМО развивались под влиянием западной мысли. В то же время очевидно, что новые тренды выборочно ложились на японскую почву, что заставляет задаться вопросом, что именно обуславливало принятие или непринятие той или иной концепции. Анализ некоторых аспектов японских ТМО позволяет выдвинуть гипотезу, что наиболее органично воспринимались те концепции, которые были близки японским традициям и отвечали запросам развития нации на определенном временном этапе.

В данной статье предпринята попытка расширить представления о японском взгляде на ТМО, проследить закономерности его эволюции, а также связь с существующими внешнеполитическими концепциями, характеризующими взгляд японцев на место и роль своей страны в мире.

Зарождение науки о МО в Японии: европейские традиции

Зарождение науки о МО в Японии приходится на конец XIX века. Реставрация Мэйдзи дала мощный импульс интеллектуальным поискам, а знакомство с трудами европейских ученых и стремление создать сильное государство, не уступающее европейским державам, обусловили интерес к социальным наукам, пришедшим с Запада.

Наука о МО в Японии сформировалась как симбиоз различных дисциплин, таких как дипломатическая история, международное право, международная экономика, регионоведение, политические теории. Японский вариант ТМО сочетает в себе и такие области, которые не относят к МО, например, философию, колониальные исследования, антропологию.

На рубеже веков шло быстрое освоение основ западной политологии и международных отношений, о чем свидетельствовало большое количество работ японских мыслителей. (Подробнее см. [Чугров 2020, с. 73–74]). Т. Иногути выделяет четыре основных направления, в которых развивалась японская наука о МО: *Staatslehre*, марксизм, историзм и американская политическая традиция.

Staatslehre представляет собой науку, изучающую вопросы управления государством. Она появилась в Японии под влиянием распространения немецкой науки, поскольку Германия во многом служила примером для создания суверенного государства по западному образцу. Ее традиции оказали большое влияние на изучение военного дела и колониальные исследования. Для учения о государстве характерен акцент на описательные методы, а также опора на документальные источники. Важную роль в развитии дисциплины играли ученые в сфере политической теории и международного права. Тематика международных отношений

в Японии первоначально рассматривалась на страницах альманаха «Журнал международного права и дипломатии» [Ikeda 2008, p.6]. После войны в науке о государстве акцент был сделан на вопросах юриспруденции и экономики.

Марксизм, по определению Т. Иногути, представляет собой интеллектуальное направление, которое изучает феномены через призму диалектики производительных сил и производственных отношений и их проявлений в политике [Inoguchi 2010, p. 51]. Марксизм получил распространение после Первой мировой войны, особенно популярен он стал в контексте изучения социально-экономических проблем в период зарождения рабочего движения. В 1919 г. в Токийском и Киотоском императорских университетах были открыты кафедры экономики, что придало импульс изучению марксизма, и к 1920-м гг. марксистское понимание классовой борьбы и капитализма получило широкое распространение среди японских экономистов [Nakano 2007, p. 5]. Поскольку в 1920-е гг. марксисты подвергались репрессиям, развитие марксистской науки было ограниченным, и только после 1945 г., на волне послевоенной демократизации, когда марксисты и коммунисты вышли из тюрем, марксизм вновь обрел влияние, оно стало ослабевать к концу 1960-х гг., и в 1970-е гг. марксизм постепенно стал уходить на периферию политической науки.

Третье направление – историзм – характеризуется особым вниманием к изучению документальных источников, фактологической базы. Для него характерен акцент на описательную сторону, внимание к деталям, а не теоретические построения. В процессе изучения истории сталкивались с необходимостью анализа субъективных факторов, мотивов, настроений действующих лиц, влияющих на принятие решений, что делало исторический метод близким конструктивизму. Поэтому до тех пор пока Америка не «изобрела» конструктивизм, многие японские историки МО ощущали, что они всегда были конструктивистами [Inoguchi 2010, p. 53]. В отличие от приверженцев науки о государстве, представители историзма не придавали большого значения актуальности их исследований с точки зрения политики, изучая события и персоналии прошлого.

Историзм оставался доминирующим течением исследований международных отношений в Японии после окончания Второй мировой войны. Неудивительно, что в послевоенные годы основное внимание ученых было направлено на исследование причин, приведших Японию к войне. В декабре 1956 г. была основана Японская ассоциация международных отношений, которая преимущественно занималась изучением вопросов истории, чему способствовало постепенное снятие грифа секретности с документов, касающихся войны [Yamamoto 2011, p. 263].

Четвертое направление – позитивизм – по классификации Т. Иногути, основан на принципе, согласно которому все должно быть эмпирически проверено, и связан он преимущественно с американской политической наукой. В то же время, по словам японского профессора, было бы неверно говорить о том, что зарождение позитивизма в Японии являлось только результатом влияния США, поскольку и в самой Японии еще в конце XIX века появились труды, написанные в духе позитивизма, например, «Призыв к знаниям» мыслителя Фукудзава Юкити [Inoguchi 2010, p. 51–52]. После войны это направление получило развитие, достигнув пика в 1970-е – 2000-е гг. Все перечисленные Т. Иногути направления развивались параллельно, между ними не существовало серьезных разногласий, но при этом они и не стремились к взаимному сближению и, возможно, интеграции.

Говоря о довоенных исследованиях МО в Японии, профессор Токийского университета Т. Сакаи предлагает еще одну классификацию. Он разделяет международные отношения и изучение колониальной политики, предметами которых были, соответственно, «международный порядок», то есть отношения между равными странами, в основном, европейскими, и «имперский порядок», то есть порядок, насаждаемый странам, находящимся за границами этого «международного порядка». Япония же оказалась одновременно и в первом, и во втором измерении, что оказало влияние на ее идентичность и, соответственно, нашло отражение в академических трудах. По наблюдениям Т. Сакаи, ученые на рубеже веков подчеркивали близость Японии идеологии интернационализма, международному порядку, построенному на западном понимании мира как общества, состоявшего из равноправных членов, и в то же время принятие ею идеологии империализма, согласно которой Япония как лидер Азии должна вести регион по направлению к цивилизации. Примирению этих двух идеологий – интернационализма и империализма – могло способствовать только проведение колониальной политики, основанной на уважении к социокультурному и историческому разнообразию [Shimizu 2008, p. 73].

Японский взгляд: мир как международное общество

Еще одну категорию исследования японских теоретических подходов к МО предлагает доцент университета Тояма Дз. Икэда, который использует понятие «международное общество». На основании анализа этой категории Дз. Икэда выделяет четыре группы ученых-международников: идеалисты (М. Рояма), кельзенианцы (А. Осава и К. Ёкота), космополиты (Х. Камикава и К. Танака) и сторонники Великой Азии (К. Ясуи и С. Табата) [Ikeda 2008, p. 11].

М. Рояма (1895–1980), профессор Токийского императорского института, исходил из разделения понятий «международная политика» и «внешняя политика». Если под первым он подразумевал политическую деятельность государств, направленную на достижение ими общих целей, то второе являлось политикой, осуществляемой государством в целях обеспечения собственных интересов. Согласно теории Рояма, международное общество является единым целым (*дзэнтай сякай*), состоит из государств (основное общество – *кисо сякай*) и негосударственных акторов (производное общество – *хасэй сякай*). Таким образом, уже в период господства государствоцентричной *Staatslehre* этот ученый признавал роль негосударственных акторов в МО. Идеализм М. Рояма сформировался под влиянием британских идеалистов, прежде всего Л. Вульфа и его теории международного правительства [Ikeda, 2008, p. 12].

Кельзенианцы (последователи Ганса Кельзена, юриста и философа, теоретика правового позитивизма), изучающие МО, являлись выходцами из среды юристов-международников, что определило особенности их подхода к предмету. Они строили свое видение международного общества через призму юридической терминологии, в частности, через категорию порядка. Профессор императорского университета Кюсю А. Осава (1889–1967) представлял международное общество как правовой порядок. Он писал о существовании некоего интегрированного правопорядка, основанного на сочетании международного и суверенного порядка. При этом международный порядок стоял выше национального,

и даже предполагалось существование международно-правовой конституции, которая обосновывала легитимность этого международного порядка. К. Ёкота (1896–1993) применял аргументы Кельзена в отношении мирового общества уже в послевоенное время. К. Ёкота отрицал идею государственного суверенитета и говорил о «мировом суверенитете», которым обладает мир как единое общество. Он был одним из наиболее ярких приверженцев идеи ООН, а Устав ООН считал международной конституцией.

Ученые, которых можно назвать «космополитами», появились в межвоенный период. К их представителям Дз. Икэда относит Х. Камикава (1889–1988) – профессора международных отношений в Токийском императорском университете, в чьих работах сильно влияние кантианской традиции [Sato, Ikeda 2011, p. 23]. Развивая идею мира во всем мире, Х. Камикава говорил о мировом пацифизме и мировом солидаризме, которые считал основополагающими принципами международной политики. Международная политика, по его мнению, представляла собой совместный международный контроль, осуществляемый с целью установления мира и реализации культурных, общественных, политических, экономических и других целей для каждой этнической группы и для всего человечества в целом.

Схожих взглядов придерживался профессор Токийского императорского университета К. Танака, однако его изыскания лежали, скорее, не в философской, а в правовой плоскости. В частности, он говорил о мировом законе, который не существовал априори, а становился таким в результате универсализации определенных законов. В его взглядах было сильно влияние экономической взаимозависимости, его концепция международного общества представляла собой общество, связанное между собой глобальной экономикой, а теория мирового закона развивалась как транснациональное экономическое право.

Сторонники Великой Азии – К. Ясуи (1907–1980) и С. Табата (1911–2001) – связывали свои теоретические построения с политикой создания Сферы сопроцветания Великой Азии. Критерий выделения именно этих ученых в данную категорию Дз. Икэда обосновывает тем, что на их взгляды сильное влияние оказала концепция «Большого пространства» К. Шмитта. К. Ясуи также рассматривал международное общество с позиций правового порядка, однако говорил не об универсальном порядке, а о конкретном порядке в Азии, освободившейся от Европы и ее правил. К. Ясуи считал возможным говорить о существовании международного права Великой Азии, которое представляет собой правовую систему, регулирующую отношения как внутри сферы, так и за ее пределами.

С. Табата, рассуждая о международном порядке, отрицал его единую сущность и представлял его как плюралистичную структуру. Во-первых, присоединение восточных государств к международному (то есть европейскому) порядку не означало универсализацию этого порядка и распространение его на незападные государства. Во-вторых, он говорил о появлении региональных блоков. Позже он отошел от плюралистичного подхода к миропорядку в пользу подхода, основанного на солидаризме, в котором больший акцент был сделан на правах человека.

По мнению Дз. Икэда, особенностью японских исследований международного общества является то, что они задают вопрос о солидаризме, власти и автономии. Причем, именно третий вопрос характерен для японского взгляда на МО. Икэда объясняет это «промежуточным положением Японии – между европейским миром колонизаторов и внешним миром колоний. Изучение вопроса об автономии находилось в центре внимания,

потому что являлось обоснованием того, насколько Япония должна быть свободной от правил Европейского мира [Ikeda p. 21].

Таким образом, в Японии еще до знакомства с американской политической наукой существовали свои самобытные подходы к международным отношениям. Чаще всего их появление было стимулировано изучением трудов европейских, прежде всего немецких или британских авторов, однако на основе импортированных из-за рубежа концепций японские ученые создавали собственные теоретические конструкции. Нередко в центре этих исследований находился вопрос о восприятии Японией своей идентичности, положения между Западом и Востоком, ее региональной роли. Уже на раннем этапе изучения МО в Японии можно выделить понимание важности социальных и культурных аспектов международных отношений, многослойности мирового порядка, роли в нем негосударственных акторов.

МО в период «холодной войны»: Великие дебаты и новые тенденции

После окончания Второй мировой войны Япония вступила в новую полосу «интернационализации». Американское влияние прослеживалось во всех аспектах жизни страны, в том числе и в ее интеллектуальных изысканиях. В Японии получили распространение теории МО, популярные в США, хотя и здесь и их восприятие, и их эволюция имеют национальную специфику. Можно говорить о существовании американской политической традиции в преломлении японских представлений о внешней политике и безопасности.

В Японии не были воспроизведены Великие дебаты в том виде, в котором они прошли на Западе. Единственным серьезным идеологическим противостоянием стали развернувшиеся в 1950-е – 1960-е гг. дебаты между реалистами и либералами (их также называют идеалистами, утопистами). Споры велись вокруг практических вопросов – параметров Сан-Францисского мирного договора, завершающего состояние войны (должен ли он быть подписан только с западными державами или со всеми, кто воевал с Японией), и целесообразности существования военно-политического союза с США. Несмотря на то, что их нередко сравнивают с Великими дебатами, развернувшимися на Западе, следует отметить, что само понимание реализма и идеализма применительно к японским реалиям отличается от их западной трактовки. Так, под идеализмом понимается тенденция ставить во главу угла пацифизм, основанный на 9 статье Конституции, и умалять роль, которую Япония выполняет согласно военно-политическому союзу с США. Под реализмом понимают тенденцию ставить альянс с США на первое место и преуменьшать роль конституции [Inoguchi 2010, p. 58].

Наиболее известным представителем реализма являлся политолог М. Косака. Он выступал поборником сохранения союза с США, считая, что именно реализм способен обеспечить безопасность страны. В статье «Реалистская теория мира» М. Косака писал: «Опыт войны продемонстрировал, что надежда на политику силы ошибочна, однако идеалы, не основанные на силе, лишены реального содержания» [Kosaka 2012, p. 398]. Он считал, что альянс обеспечивает баланс сил на Дальнем Востоке, а там, где нет баланса сил, не может быть и мира.

Его оппонентом выступал ученый и журналист Ё. Сакамото, который со страниц журнала «Сэкай» доказывал, что нейтралитет и пацифизм вполне способны обеспечить безопасность Японии. Главный его аргумент состоял в том, что Япония не сможет защитить себя в ядерной войне, а существование на ее территории американских баз не обезопасит ее, а напротив, сделает мишенью для нападения со стороны СССР или Китая.

Несмотря на противоположные точки зрения, реалисты и идеалисты не отрицали полностью взгляды друг друга. Так, например, М. Косака, хотя и считал аргументы идеалистов оторванными от реальности, признавал вклад нейтрализма в дискуссии о дипломатии, поскольку он подчеркивает важность идеалов в дипломатии и, соответственно, ставит вопрос о ценностях в международной политике. М. Косака писал: «Если государство не придает значения вопросу того, какие ценности оно должно преследовать, то существует опасность, что реализм... выродится в цинизм... Ценность, которой Япония должна придерживаться, заключается в абсолютном мире, установленном 9-й статьей Конституции» [Kosaka 2012, p. 400].

Дискуссии 1950–1960 гг. вышли за пределы академических кругов и затронули не только политиков, консервативные и левые политические силы, но и рядовых японцев. В день ратификации нового Договора безопасности в 1960 г. на улицы вышли многотысячные демонстрации, а для начала самой парламентской процедуры потребовалось вызывать полицию. Антиамериканские настроения были настолько сильны, что пришлось отменить визит в Японию президента Д. Эйзенхауэра. Именно на эти годы пришелся пик борьбы за выбор развития послевоенной Японии, который в конце концов был сделан в пользу союза с США.

Этот «большой спор» показал, что, во-первых, соперничество не носило абсолютный характер. Во-вторых, пацифизм являлся непререкаемой константой и идеалистов, и реалистов, отличался только их подход к воплощению его принципов. Пацифистская мысль в послевоенной Японии породила более либеральную форму реализма, чем в других странах. В-третьих, переход дискуссий в плоскость реализм-идеализм означал постепенный переход к теоретическому подходу к изучению МО, в противовес преобладавшему ранее историзму.

1970-е гг.: экономика в фокусе внимания

Трансформация внешней среды и изменения международного статуса Японии отразились на векторе дальнейшего движения теоретической мысли. Из страны, разрушенной после войны, она постепенно превращается в одного из мировых экономических лидеров, способного в перспективе сместить США с первых позиций. Япония совершила экономический прорыв и стала участником глобальных механизмов принятия политических и экономических решений. В связи с этим на первое место в академических исследованиях вышли вопросы стабильности мировой экономической системы, проблемы торговых противоречий с США. Кроме того, нефтяные кризисы 1973 г. и 1979 г. продемонстрировали Японии, какое значение для выживания страны имеют вопросы невоенной безопасности, такие как обеспеченность энергоресурсами.

Необходимость реагировать на колебания мировой экономики, торговые трения с США, а также внимание к обеспечению безопасности в условиях повышения значимости

ее невоенных аспектов определили вектор развития теоретических исследований. Центр их внимания сместился на вопросы международной политической экономики, а задача интеграции вопросов невоенной безопасности в повестку дня была решена путем выдвижения концепции комплексного обеспечения национальной безопасности.

В 1970-е гг. в теоретических исследованиях международных отношений в Японии на первый план вышли экономические вопросы. По наблюдениям японских ученых, даже анализ содержания японского журнала «Международная политика» показывал, что если в период с 1957 г. по 1969 г. из 350 статей только 15 были посвящены экономике, то с 1970 г. по 1979 г. к экономике относилось 200 статей [Yamamoto 2011, p. 266]. Экономические вопросы стали предметом исследований таких ученых как Т. Камо, А. Кусано. Кроме того, в 1970-е гг. японские ученые признают важность изучения транснациональных отношений и проблем невоенной безопасности, деятельности негосударственных акторов, таким образом, делая свой выбор в дебатах между государствоцентризмом и транснационализмом. Впоследствии это направление получит широкое развитие в таких областях, связанных с невоенной безопасностью, как экология.

Появление в японских академических кругах концепции комплексного обеспечения национальной безопасности (КОНБ) стало важной вехой на пути переосмысления этого понятия. Концепция исходила из расширительного толкования безопасности, отхода от ее сугубо военного содержания и включения в него экономики, продовольственной и энергетической безопасности. В экспертном докладе, посвященном КОНБ, говорилось о том, что безопасность – это защита от разного вида угроз, включающих не только военные угрозы, но и разрушение системы свободной торговли, недостаток энергоресурсов, природные бедствия.

Идея разработки концепции принадлежала премьер-министру М. Охире, давшему указание собрать экспертную группу, в которую вошел известный своими реалистскими взглядами М. Косака. Сама концепция, хотя и разрабатывалась в русле реализма, имела выраженный либеральный уклон. М. Косака не придерживался классического реалистского подхода, который признавал особое значение военной мощи, а считал невоенную мощь важным элементом международной политики. В этом смысле его подход к национальной безопасности пересекался с подходом либералов, которые делали акцент на транснациональных отношениях и взаимозависимости в 1970 и 1980 гг., а не на структурном реализме, представленном К. Уолтцем [Yamamoto 2018, p. 128].

В 1970-е гг. историзм постепенно стал уступать место теоретическому подходу к международным отношениям. Более отчетливо стала проявляться интернационализация изучения МО, поскольку многие ученые, работающие в этот период, получили образование в США и находились под влиянием американских методологических подходов. В то же время, несмотря на доминирующее положение американских исследований ТМО, японские подходы не испытали настолько сильного влияния с их стороны, как можно было бы предполагать. Так, например, дебаты между традиционализмом и бихевиоризмом не вызвали большого отклика. Вероятно, причина состоит в том, что бихевиоризм ближе к естественным наукам, а в Японии, более ориентированной на исторический подход, он оказался более сложен для восприятия. Ни дебаты между рефлексивизмом и рационализмом, ни дебаты между неореализмом и неолиберализмом не получили развития в Японии.

Японцы довольно спокойно отнеслись и к конструктивизму, с конца 1980-х гг. ставшему одним из главных направлений в исследованиях МО. Утверждения конструктивистов о роли норм и ценностей в международных отношениях в принципе были знакомы японцам и уже использовались как элемент исторического анализа. Конструктивизм уже был составной частью методологии изучения международных отношений в Японии. В то же время конструктивистский подход довольно распространен и нередко применяется авторами, публикующимися на Западе (например, Ё. Сато, К. Асидзава и др.).

Некоторые ученые пытались внедрить методы количественного анализа международных отношений, причем это наблюдалось как в либеральном, так и в консервативном лагере. В частности, Х. Сэки применял теорию игр в отношении проблем международной политики в 1959 г. Методы теории игр и компьютерного моделирования использовались в трудах Х. Сэки и К. Мусякодзи. Сторонником использования научных методов в международных отношениях был С. Это, специалист по истории Азии. В дальнейшем его ученики развили такие научные традиции, в частности, за счет использования математических, статистических и компьютерных методов. Появились труды, посвященные контент-анализу внешней политики азиатских стран, эконометрическому анализу японской внешней политики, применению метода компьютерного моделирования процесса принятия политических решений, математического метода, изучающего отношения между взаимозависимостью и конфликтами [Yamamoto 2011, p. 133]. Интерес к количественным методам изучения МО в Японии до недавнего времени был весьма умеренным, хотя в последнее время увеличилось количество статей ученых, использующих подобные подходы.

Мир-система: японский взгляд

В то же время теории мир-системного подхода и гегемонистской стабильности заинтересовали японцев. Утверждения Р. Гилпина о том, что присутствие гегемона в мировой экономической системе является одновременно неотъемлемым и достаточным условием появления и сохранения либерального устройства в международной экономике, вызвали живой отклик в Японии. Теория Р. Гилпина была рассмотрена в трудах Камо Такэхико, одного из идеологов теории взаимозависимости в мире, например, в книге «Теория и реальность взаимозависимости» (1988 г.) и др. Камо считал доминирование государств в международной системе главной причиной возникновения войн. На первый план он ставил экономические отношения между государствами и задавался вопросом о том, возможно ли существование нескольких гегемонов в условиях ведущей роли экономики в международных отношениях. Перенос феномен взаимозависимости в политическое измерение, Т. Камо утверждал, что количественные отношения между государствами переходят в качественные [Howe, Hook 1996, p. 145]. Кроме того, его исследования ставили в центр внимания вопрос о том, может ли преобладание негосударственных акторов, а также внимание к вопросам второстепенного характера и международная интеграция предотвратить войны.

В 1981 г. в Японии были переведены и опубликованы труды И. Валлерстайна, которые вызвали живой отклик в академических кругах. Хотя идеологический уклон И. Валлерстайна был воспринят не всеми учеными, его теория оказала влияние на развитие японских исследований МО. В частности, заслуживает внимания выдвинутый японскими учеными новый подход к мировой системе, обозначивший большую роль в ней Азии. Авторитетный

историк, профессор университета Сидзуока, Хамасита Такэси, отстаивал точку зрения о том, что азиатские региональные экономики формировались в результате внутриазиатского развития, а не взаимодействия с Европой. Т. Хамасита писал о существовании нескольких региональных мир-систем, чье взаимодействие привело к созданию глобальной мировой системы. Говоря о существовании региональных систем, Т. Хамасита вводит категорию «региона» или «зоны» как промежуточного звена между «страной» и «глобальной мир-системой», посредника между историческим процессом страны и историческим процессом глобальной мир-системы. В данном случае «регион» представляет собой область, включающую в себя несколько стран, и ее можно назвать мир-регионом, чтобы отделить от обычных регионов или стран. В случае Восточной и Юго-Восточной Азии этим «промежуточным» «мир-регионом» можно считать китайскую систему вассальной торговли. Т. Хамасита предположил существование китаецентричной региональной мир-системы, которая была старше европейской капиталистической мир-системы.

Взгляды Т. Хамасита поддержали ученые Х. Кавакацу, Т. Судзуки, С. Икэда. Развивая мысль Т. Хамасита, доцент университета Конкордиа (Канада) С. Икэда подчеркивает, что старая историческая парадигма китаецентричного миропорядка существует и по сей день. Он выделяет два возможных сценария ее трансформации. Первый – это успех китайского рыночного социализма, при котором Китай достигнет статуса полупериферии в конфигурации мир-системы (центр – полупериферия – периферия). Улучшение социально экономических условий жизни будет сопровождаться возрождением Китая как центра военно-политического порядка. Это означает, что Запад и Япония потеряют относительное доминирование в результате активности европейских, американских и японских предприятий, стремящихся поставлять технологии и капитал в Китай, однако результатом этой глобальной трансформации может стать конец капиталистической мир-системы. Другой сценарий может привести к значительным накоплениям и поляризации доходов, то есть имущественному расслоению в Китае. В этом случае зональная структура мир-системы останется той же, однако политическая стабильность в Китае может оказаться под угрозой, что способно привести к массовой иммиграции и, соответственно, к дестабилизации не только в Восточной и Юго-Восточной Азии, но и в США [Ikeda 1996, p.63].

Таким образом, Т. Хамасита и его последователи предложили взгляд на развитие Азии не через призму «стадий развития» западной модели модернизации, а через сложные взаимоотношения внутри самого региона, в свете азиатских представлений об этом процессе. В отличие от Валлерстайна, представляющего историю как процесс, в ходе которого европейская капиталистическая мир-система постепенно включила в себя различные части Азии, Т. Хамасита выдвигает концепцию мировой истории как трансформации связей между множеством региональных систем, включающих европейскую мир-систему, которые продолжали существовать и после контакта с европейской капиталистической мир-системой [Ikeda p. 52–53]. Азия рассматривается не как пассивно включенный европейской мир-системой регион, а как полноправный участник процесса трансформации этой системы.

Альтернативные подходы к МО: культурное измерение

Усложнение картины международных отношений и расслоение основных теорий МО не могут не отразиться и на японских международных исследованиях, в частности, на

исследованиях, касающихся всего многообразия теоретических подходов к международным отношениям в Японии. Так, например, повышение невоенных аспектов безопасности, влияния негосударственных акторов, рост значимости неполитических аспектов международных отношений повлияли и на то, что в Японии больше внимания стали уделять трудам тех ученых, которые представляли точку зрения, альтернативную основным течениям ТМО. В частности, речь идет об исследованиях роли культуры в МО и мировой политике. По мнению японского ученого К. Симидзу, именно внимание к отношениям в сфере культуры является особенностью японских ТМО. В связи с этим он предлагает обратиться к трудам представителей этого направления, которое не вписывается в «мейнстрим» исследований ТМО. К. Симидзу выделяет несколько представителей «культурного» течения в японских исследованиях МО – А. Ириэ (род.1934), Н. Бамба (1937–1989) и К. Хирано (род. 1937).

В довоенное время культурная политика использовалась как обоснование колониализма. После войны дискурс о колониальной политике приобрел новые очертания, трансформировавшись в подход к МО через призму культурной политики. Это связано с именем почетного профессора Гарварда, историка А. Ириэ, в чьих трудах можно найти размышления о природе международных отношений (например, в вышедшей в свет в 1997 г. книге «Культурный интернационализм и миропорядок»). Культурный интернационализм А. Ириэ определяет как действия, предпринимаемые с целью объединения стран и народов посредством обмена идеями и гуманитарных обменов, через научное сотрудничество или усилия, направленные на улучшение понимания между нациями. Не подвергая сомнению то, что основным объектом МО является государство-нация, А. Ириэ делает акцент на взаимодействие вне государствоцентричных механизмов, которое составляет историю мирового развития наряду с действиями государств [Costigliola 2000, p. 377].

Еще одним представителем подобных взглядов являлся Н. Бамба, автор теории политики идентичности. Его подход состоял в том, что мировая политика является результатом взаимодействия не только наций, но и индивидуальных акторов. Он предлагает концепцию идентичности человека и действий, направленных на «доказательство существования» как движущих сил, заставляющих индивидов или социальные группы формировать международные отношения. Взаимодействие акторов, движимых желанием реализовать свою идентичность, порождает смыслы и ценности, которые Н. Бамба называет «культурой» [Shimizu 2008, p. 78].

Н. Бамба придавал особую роль в МО неправительственным организациям, деятельности субнациональных акторов. Он опирается на понятие «человеческий интерес», перенося фокус внимания с государства и «национальных интересов» на негосударственных акторов как субъект международных отношений. «Человеческий интерес» заключается в установлении мира, экономической безопасности, гармонии с природой, уважении личности и абсолютном равенстве.

Культурная традиция в японских исследованиях МО также представлена К. Хирано, автором теории международной культуры. К. Хирано предпринимает попытку применить к изучению МО антропологический метод, он рассматривает культуру не как частное, одно из измерений международных отношений, наряду с экономическим и политическим, как это делает А. Ириэ, а, скорее, использует ее как призму, через которую анализирует мировые дела. По мнению К. Хирано, культурные отношения означают взаимосвязь между

индивидами или негосударственными сообществами, которые выполняют важную роль в формировании международной структуры [Shimizu 2008, p. 79].

Подходы к МО после окончания «холодной войны»

После окончания «холодной войны» внешнеполитическая мысль в Японии развивалась вокруг вопросов безопасности и международной роли страны. Крушение биполярного миропорядка означало для Японии исчезновение угрозы со стороны СССР, но зато привело к обострению региональных конфликтов, которые ранее сдерживались довольно жесткой структурой биполярного противостояния супердержав. Одновременно с этим окончание «холодной войны» давало Японии возможность повысить международный статус, привести политическое влияние в соответствие с экономическим. Кроме того, крушение экономики мыльного пузыря и последующий период стагнации требовали поисков альтернативных направлений усиления своего международного влияния. В документах МИД, в речах политиков все чаще стали фигурировать утверждения о необходимости Японии играть творческую роль в создании нового миропорядка (например, [Diplomatic bluebook, 1998]). Размышления о новых реалиях нашли отражение в трудах японских международников, в том числе и тех, кто занимался теоретическими исследованиями МО. В направлениях теоретической мысли можно выделить реализм, либерализм и теоретическое обоснование концепции «безопасности человека». Ключевыми вопросами исследований были отношение к союзу безопасности США и дальнейшие направления внешней политики, то есть они носили скорее практический характер.

Появлялись и концептуальные разработки, касающиеся мироустройства в целом. Среди них можно выделить выдвинутую в 1993 г. теорию президента Национального университета политических исследований А. Танака о многополярности, представленной на нескольких слоях структуры международных отношений. Согласно этой теории, мир является трехслойной сферой, пласты которой взаимно проецируются. Мир является одновременно однополярным (США превосходит все другие страны по совокупности своих возможностей), трехполярным с точки зрения экономики (США, Япония и Германия) и пятиполярным в организационно-политическом отношении (США, Россия, Китай, Великобритания и Франция). В русскоязычной научной литературе эта теория получила название «теория комбинированной структуры» [Богатуров, Косолапов, Хрусталеv 2002, с. 290].

Альтернативной точки зрения придерживался профессор Кансайского университета С. Манабэ. Он считал, что мир переживает переходный период и имеет многоуровневую структуру, центральное место в которой должны занимать страны «среднего звена». С. Манабэ предложил концепцию «многослойной четырехугольной структуры международных отношений». В частности, в АТР она опирается на Японию, США, Монголию и Китай. По его мнению, именно такая структура адекватно отражает ситуацию, когда военная сила теряет значение в международных отношениях, и на первый план выходит задача решения глобальных проблем [Манабэ 1999, с. 283–293]. Упомянутые концепции объединяет стремление подчеркнуть ведущую роль Японии в формировании нового миропорядка, которая основана на экономической мощи и способности проявлять лидерство в сферах, не связанных с военной безопасностью.

Помимо концепций нового мироустройства японская внешнеполитическая мысль была сосредоточена на том, каким образом Японии следует проявить себя в мире, в том числе в решении проблем международной безопасности. Как и 50 лет назад, основной темой дискуссий стало отношение к союзу с США. По мнению японского ученого Т. Аканэя, ученых, изучающих вопросы безопасности, можно было разделить на четыре группы: реалисты-сторонники альянса (Х. Оказаки, С. Сато, М. Нисихара), либералы-сторонники альянса (Ё. Ямамото, К. Иноуги, К. Миядзава), националисты, ориентированные на независимость (Т. Наканиси, Дз. Это, С. Исихара), и приверженцы глобальной, или человеческой безопасности (Ё. Сакамото, С. Цугу, М. Асаи) [Akaneya 1998, p. 186–187].

Дискуссии относительно роли Японии в 1990-е гг. обозначили водораздел в японской политологии – принадлежность к сторонникам или противникам концепции «обычного государства» (normal state, *фуцу-но кун*). Под этим термином подразумевается: 1) снятие ограничений в оборонной политике или 2) превращения Японии в страну, «которой нечего стыдиться и не за что извиняться, причем второе условие предположительно делает необходимым первое» [Чугров 2020, с. 80]. Эти дискуссии не только стали доминировать в академическом сообществе, но и по сей день формируют политическую повестку дня.

Альтернативную точку зрения представляли сторонники наращивания потенциала Японии в международной гуманитарной деятельности, чьи взгляды нашли отражение в концепции просвещенных интересов, выдвинутой в докладе «Цели Японии в XXI веке», подготовленном в мае 1999 г. для премьер-министра К. Обути. Согласно этой концепции Японии необходимо не выбирать между США и Азией, а исходить из собственных «просвещенных интересов». Она должна следовать по пути «гражданской державы», перед которой стоят три задачи: участие в решении проблем безопасности, глобальная деятельность по строительству международного экономического порядка, а также сотрудничество с развивающимися странами через механизм предоставления ОПР [Japan goals...]. Авторы доклада выступают против милитаризации Японии, мотивируя это тем, что, во-первых, наращивание вооруженных сил потребует увеличения роста военных расходов при отсутствии гарантий укрепления безопасности, а во-вторых, вызовет серьезную озабоченность у азиатских стран. Предлагается вариант скромной модернизации Сил самообороны в рамках прежней модели сотрудничества с США, чтобы, опираясь на статус пацифистской державы, координировать международные усилия в социально-экономической области, руководствуясь целями обеспечения мира, стабильности, процветания и благосостояния людей. По мнению одного из идеологов этой точки зрения – Ё. Фунабаси, концепция глобальной гражданской державы отвечает долгосрочным интересам Японии, поскольку ее продвижение на международном уровне будет способствовать снижению значимости военной силы в мире и позволит создать благоприятную для японских национальных интересов внешнюю среду [Funabashi 1995, p. 13].

Апологетом концепции «просвещенных интересов» выступал и упоминавшийся ранее Т. Камо. Взгляды Т. Камо оказались весьма востребованы в постбиполярный период. Еще в 1980-е гг. ученый писал о способности государства устанавливать правила игры и нормы действий других стран. Речь шла о непрямой силе, скрытой силе (мягкой силе, не-принуждению, структурной силе), то есть говорилось о том, что с помощью масштаба и количества экономических связей государство может косвенно влиять на действия другого государства, формируя среду, в которой оно действует, и спектр возможных сценариев поведения. То есть

государство может само не прибегать к экономическим методам в МО, однако имеет значение его экономический вес, который проецируется через мировые рынки, экономические режимы и международные институты [Hughes 1999, p. 22]. То, о чем писал Камо, впоследствии Ё. Фунабаси назвал латентной силой – *сэндзайрёку*. Именно экономическая сила, осуществляемая косвенно, является мощным активом государства, определяющим его влияние на международной арене. Такое утверждение было особо близко Японии, в 1980-е гг. занимающей ведущие позиции в мировой экономике и, по некоторым прогнозам, способной сместить США с места мирового лидера. В 1990-е гг., на волне либерализма, утверждения Т. Камо о том, что в процессе интернационализации Японии не следует усиливать военные затраты и укреплять военную и стратегическую мощь, легли на благодатную почву.

Если перечисленные выше реалисты и либералы-сторонники альянса относились к глобальным вопросам с точки зрения просвещенных национальных интересов, то представители левой идеологии и пацифисты рассматривали их с позиции противоречий Юга и Севера или обеспечения прав человека [Добринская 2005, с. 48]. В связи с этим стоит обратить внимание на появление в теоретических разработках японских ученых концепции «безопасности человека» (human security, *нингэн андзэн хосё*) (БЧ). Эта концепция впервые появилась в Докладе ПРО ООН по человеческому развитию 1994 г. и отличалась широким подходом к обеспечению безопасности, основным объектом которой становился человек, индивид. Обеспечение безопасности должно было достигаться не посредством вооружения, а посредством устойчивого человеческого развития [Human development report, p. 24].

Концепция «безопасности человека» вызвала большой интерес в Японии. Во-первых, она оказалась близка появившейся на рубеже 1970-х –1980-х гг. КОНБ, поскольку также делала акцент на невоенной безопасности. Во-вторых, концепция имела практическое значение, поскольку позволяла Японии рассматривать участие в решении глобальных проблем как вклад в обеспечение международной безопасности. И в ее ооновской дипломатии, и в региональной дипломатии вопросы безопасности человека занимают особое место. В регионах, где возникают конфликты и появляются беженцы, Япония часто поддерживает и дополняет действия США, по существу занимаясь вопросами БЧ. Таким образом, увеличивается видимое присутствие Японии в международных отношениях [Нихон гайко..., с. 12]. При этом японский подход четко ограничен социально-экономическими аспектами этой концепции, которую некоторые страны Запада стали использовать как обоснование гуманитарных интервенций. По словам бывшего Верховного комиссара ООН по делам беженцев С. Огата, безопасность человека – это превентивная мера и не имеет ничего общего с оперативным вмешательством в конфликт после его возникновения [Нихон гайко..., с. 23].

БЧ стала популярной темой академических журналов, а также университетской дисциплиной. Уже в 1994 г. в журнале «Прайм» появилась статья профессора Мэйдзи гакуин К. Мусякодзи, посвященная этой теме. Он дал определение этому понятию, которое «относится ко всем видам безопасности, которые касаются всех человеческих индивидов или группы, защищенных или защищающих от всех видов угроз, которые существуют в человеческой среде обитания» [Mine, Fukuda 2012, p. 204]. В апреле 2004 г. была учреждена первая аспирантура по БЧ в Токийском университете, а в 2005 г. началось преподавание курса в университете Досиса. БЧ была введена в качестве одной из тем в таких программах как изучение проблем мира, развития, безопасности [Mine, Fukuda, 2012, p. 207].

Преимущество БЧ состояло в том, что она позволяла Японии играть важную роль в формировании повестки дня безопасности в постбиполярном мире, в какой-то степени отражая азицентричный, японоцентричный подход. В отличие от механизма, в рамках которого «ответственные» державы на Севере определяют место, время и алгоритм своих односторонних действий, безопасность человека в «азиатском стиле» может быть ориентирована на подход, идущий снизу вверх, в котором главные акторы думают и действуют в локальных и региональных рамках в духе сотрудничества [Mine, Fukuda 2012, p. 213].

* * *

Японские теоретические подходы к международным отношениям отличаются многообразием, в котором сочетаются политические исследования, исследования дипломатической истории, культурологические, политэкономические исследования. Они опираются на различные методологические традиции, которые сосуществуют друг с другом и не стремятся к взаимной интеграции, но в то же время редко находятся в состоянии конфронтации.

Японские теоретические течения МО зародились после Реставрации Мэйдзи, преимущественно под влиянием Запада. В период, когда Япония взяла курс на вхождение в клуб великих держав, она активно использовала изыскания ученых для обоснования механизма своего доминирования в регионе, выступая идеологом создания нового регионального порядка. Безусловно, после 1945 г. США оказали осязаемое культурное и идеологическое влияние на Японию, в том числе на ее изучение ТМО, однако это влияние не было абсолютным. Западные ТМО выборочно ложились на японскую почву или же трансформировались в соответствии с японскими реалиями или особенностями мышления. Это отразилось и в том, что японские теоретики и международники иначе трактуют некоторые термины, в частности, идеализм и реализм. Это отразилось и в попытках японских ученых «азиатизировать» некоторые теории, отойти от их западоцентричности (например, переосмысление мир-системы или «теория комбинированной структуры»).

Проникновение западных теорий, как правило, придавало импульс для появления их японизированных вариантов. Можно сказать, что японская внешнеполитическая мысль развивалась под влиянием западных теорий, однако не была поработана ими, напротив, сумела их переосмыслить и на их основе создать самобытные течения. Японские подходы к международным отношениям эволюционировали одновременно с концептуальным переосмыслением окружающего мира и места в нем Японии, ее национальной идентичности.

Какие бы в Японии ни существовали подходы к международным отношениям, их объединяет пацифистская мысль. Будь то споры между сторонниками альянса с США или нейтралистами, будь то выдвинутая И. Одзава концепция «активного пацифизма», поддержанная бывшим премьер-министром С. Абэ, идея мира остается константой любых теоретических разработок, относящихся к МО. Притом, что реализм остается доминирующим элементом внешней политики, важную роль в японском видении мира играет фактор культуры, а также возможности проявлять лидерство через отсутствие принуждения, что нашло отражение в концепции просвещенных интересов, развитии идей «безопасности человека», мягкой силы.

В Японии сильны традиции описательные, связанные с доминированием исторического подхода и науки о государстве, в противовес позитивизму. Это оказывало сдерживающий эффект на развитие теории МО в Японии. Кроме того, представляется, что в целом теоретические подходы к МО тяготеют больше к поиску ответов на конкретные вопросы, чем к абстрактным построениям. В этом находят отражения особенности японского менталитета и характерные черты японской политической культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. Москва: НОФМО. 2002.

Грачиков Е. Китайская теория международных отношений: становление национальной школы // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С. 68–80. DOI 10.17994/IT.2016.14.3.46.5

Добринская О.А. Эволюция политики Японии в области обеспечения национальной безопасности Японии после крушения биполярной системы международных отношений. Дисс. на соискание степени к.и.н. М. 2005.

Лебедева М. Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // Вестник РУДН. Международные отношения. 2017. № 17. С. 246–256.

Чугров С.В. Корни и тренды японских теорий международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. С. 71–81.

REFERENCES

Bogaturov, A.D, Kosolapov N.A, & Khrustaleva, M.A. (2002). *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Essays on theory and political analysis of international relations]. Moskva: NOFMO. (In Russian).

Chugrov, S.V. (2020). Korn i trendy yaponskikh teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Sources and trends of Japanese international relations theories]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 64(5), 71–81. (In Russian).

Dobrinskaya, O.A. (2005). *Evolutsiya politiki Yaponii v oblasti obespecheniya nacional'noi bezopasnosti Yaponii posle krusheniya bipolyarnoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii* [Evolution of Japan's national security policy after the collapse of the bipolar system of international relations] (Dissertation for the Candidate of Historical Sciences degree). Moscow. (In Russian).

Grachikov, E. (2016). Kitaiskaya teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii stanovlenie natsional'noi shkoly [Chinese school of international relations theory]. *Mezhdunarodnye processy*, 14(3), 68–80. DOI 10.17994/IT.2016.14.3.46.5 (In Russian).

Lebedeva, M. (2017). Nezapadnye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: mif ili real'nost'? [Non-Western international relations theory: myth or reality?]. *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 17, 246–256. (In Russian).

* * *

Akaneya, T. (1998). *Japan // The new security agenda. A global survey*. Tokyo.

Costigliola, F. (2000). Review: a cultural world order. *Diplomatic history*, 24(2), 377–379.

Funabashi, Y. (1995). *Introduction: Japan's international agenda for the 1990s // Japan's international agenda*. Tokyo.

Howe Ch., & Hook, B. (1996) *China and Japan: history, trends and prospects*. Oxford University Press.

Hughes, Ch. (1999). *Japan's economic power and security. Japan and North Korea*. Routledge.

Ikeda, J. (2008). Japanese vision of international society. In K. Shimizu, J. Ikeda, T. Kamino, & S. Sato. *Japanese international relations before 1945*. Afrasian centre for peace and development studies, Ryukoku university.

Ikeda, S. (1996). History of world-system vs. history of East Asia. *Review (Fernand Braudel Center)*, 19(1), 49–77.

Inoguchi, T. (2010). Why are there no non-Western theories of international relations. The case of Japan. In A. Acharya, & B. Buzan (Eds.), *Non-western international relation theory*. Routledge.

Kosaka, M. (2012). A realist theory of peace. *Japan Forum*, 24 (4), 397–411.

Manabe, S. (1999). *Gendai Nihon-no gajkōron* [Sovremennaya teoriya yaponskoj diplomatii]. Osaka.

Mine, Y. & Fukuda, S. (2012). Mainstreaming human security education and research: lessons from the networking activities in Japan. In Chantana Banpasirichote, Philippe Doney, Mike Hayes, Chandan Sengupta (Eds.), *Mainstreaming human security: Asian perspectives*. Bangkok: Chulakongkorn University.

Nakano, R. (2007). 'Pre-history' of international relations in Japan: Yanaihara Tadao's Dual perspectives of Empire. *Millenium: Journal of International Studies*, 35(2), March.

Nihon gajkō no kidōryoku to shite. Naze ningen no anzen hoshō nanoka [Why is human security the driving force of Japanese diplomacy?]. (2003). *Gaikō fōramu*, 12.

Sato, S., Ikeda, J., Ching Chang Chen, & Young Chul Cho. (2011). *Re-examination of "Non-Western International Relations Theories*. Kyoto working papers on Area studies No.118. June.

Shimizu, K. (2008) Culture and international relations. In K. Shimizu, J. Ikeda, T. Kamino, & S. Sato. *Japanese international relations before 1945*. Afrasian centre for peace and development studies, Ryukoku university.

Yamamoto, K. (2011). International relations studies and theories in Japan. *International relations of the Asia Pacific*, 11, 259–278.

Yamamoto, K. (2018). A triad of normative, pragmatic, and science-oriented approaches: the development in international relations theory in Japan revisited. *The Korean Journal of International Studies*, 16(1), April, 121–142.

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-110-126

Российское направление политики Японии в Арктике

Д.В. Стрельцов

Аннотация. Статья посвящена российскому вектору политики Японии в Арктике. Основными областями, в которых Токио проявляет заинтересованность в сотрудничестве с Россией в Арктике, являются энергетика, транспорт и безопасность. В статье сделан упор на происшедшие в этих сферах в 2019–2020 гг. подвижки, которые не получили пока должного освещения в отечественной историографии.

Проводя политику диверсификации источников поставок энергоресурсов, Япония обращает внимание на российскую Арктику как одно из перспективных направлений сотрудничества в газовой сфере. В 2019 г. японские компании подписали контракт о покупке 10 %-ной доли в проекте «Арктик СПГ-2», который предусматривает, что объём японских инвестиций в проект составит почти 3 млрд долл. США. В качестве одного из основных направлений сотрудничества с Россией Япония также рассматривает участие в транспортно-логистическом развитии Севморпути, без которого реализация проектов добычи газа на Ямальском полуострове оказывается невозможной. Кроме того, Япония заинтересована в установлении понятных и стабильных «правил игры» в Арктике, и в этом смысле сфера безопасности в арктическом регионе становится одним из наиболее значимых направлений сотрудничества с Россией.

Российское направление политики Японии в Арктике получило дополнительный импульс в связи с политикой сближения с Москвой, проводившейся кабинетами Абэ в 2012–2020 гг. Проекты в Арктике стали неотъемлемой частью Плана из восьми пунктов, способствуя решению задач обеспечения энергетической и экономической безопасности Японии. С сотрудничеством в Арктике напрямую связаны не только проекты развития Северного морского пути и арктические проекты по добыче и сжижению природного газа, но и двусторонние проекты в сферах «зелёной энергетики», портовой инфраструктуры, городского строительства, переработки рыбы, экологии, улучшения жизни людей, медицины, туризма и т.д.

Ключевые слова: Российско-японские отношения, Арктика, «Арктик СПГ-2», Северный морской путь, План из восьми пунктов, диверсификация источников поставок энергоносителей.

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО-университета (адрес: Москва 119454, просп. Вернадского, 76). E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Российское направление политики Японии в Арктике // Японские исследования. 2021. № 2. С. 110–126. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-110-126

The Russian vector of Japan's policy in the Arctic

D.V. Streltsov

Abstract. The article addresses the Russian vector of Japan's Arctic policy. The main areas of Japan's interest in cooperation with Russia in the Arctic region are energy, transport, and security. The article focuses on the developments that took place in 2019–2020 in these areas, which have not yet received proper coverage in Russian bibliography.

Pursuing the policy of diversification of energy supply sources, Japan turns its attention to the Russian Arctic as one of the promising areas of cooperation in the gas sector. In 2019, Japanese companies signed a contract for the purchase of a 10 % stake in the Arctic LNG-2 project, which provides for almost \$ 3 bln of Japanese investment. As one of the primary areas of cooperation with Russia, Japan also considers participation in the transport and logistics development of the Northern Sea Route, which is indispensable for the implementation of gas production projects on the Yamal Peninsula. In addition, Japan is interested in establishing clear and stable "game rules" in the Arctic, and, in this sense, the security sphere in the Arctic region is becoming one of the most important areas of cooperation with Russia.

The Russian vector of Japan's Arctic policy received an additional impetus in connection with the policy of rapprochement with Moscow conducted by the Abe cabinets in 2012–2020. Arctic projects have become an integral part of the Eight-Point Plan, contributing to Japan's energy and economic security. Cooperation in the Arctic is directly linked not only to the projects of the development of the Northern Sea Route and Arctic projects for the extraction and liquefaction of natural gas, but also to bilateral projects in the fields of "green energy", development of port infrastructure, urban construction, fish processing, ecology, improving people's living conditions, medicine, tourism, etc.

Keywords: Russian-Japanese relations, the Arctic, Arctic LNG-2, the Northern Sea Route, the Eight-Point Plan, diversification of energy supply sources.

Author: *Streltsov Dmitry V.*, Doctor of Sciences (History), Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (address: 76, Vernadskogo Prospekt, Moscow, 119454, Russian Federation). E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 19-18-00142).

For citation: Streltsov D.V. (2021). Rossiyskoye napravleniye politiki Yaponii v Arktike [The Russian vector of Japan's policy in the Arctic]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 2, 110–126. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-110-126

Большой интерес вызывает российский вектор внешней политики Японии в Арктике. Интерес Японии к российским арктическим проектам и ее практические шаги в этом направлении не просто вносят дополнительную коннотацию в «северный вектор» ее внешней политики, но, по сути, создают в нем отдельное направление.

Между тем этот вектор является относительно новым феноменом. В послевоенной Японии практически не наблюдалось большого интереса к Арктике и к проблемам российского Севера, как на государственном уровне, так и на уровне частных организаций. Немалую роль в этом играло критическое осмысление неудачного для Японии довоенного опыта взаимоотношений с Россией, в рамках которого северное направление внешней экспансии оказалось для страны наиболее провальным. В послевоенный период Япония

строила свою внешнюю политику, исходя из постулата о наличии прямой военной угрозы с севера, что не могло не сказаться на ментальном восприятии Арктики несколькими поколениями японцев как чего-то далекого, малоинтересного и чуждого, не имеющего отношения к насущным нуждам страны. Даже полярные научные исследования после войны были инициированы Японией не в Арктике, а в Антарктике – это было сделать гораздо проще не только в организационном, но и психологическом отношении, на фоне господствовавших тогда стереотипах о «враждебном Севере».

Ситуация стала меняться в постбиполярный период в связи с поиском страной новой глобальной роли. Япония с начала 1990-х гг. стала позиционировать себя в качестве политической державы мирового значения, несущей обязанность вносить посильный вклад в исследования крайне важного для мирового природно-экологического баланса арктического региона. Арктика и особенно российская ее часть с ее богатыми природными и энергетическими ресурсами стала привлекать интерес Токио и в контексте политики диверсификации источников поставок углеводородного сырья. Особенно этот интерес повысился после фукусимской катастрофы, когда Япония была вынуждена заглушить значительную часть своих атомных реакторов и сделать ставку на расширенное использование традиционных источников энергии, и в первую очередь природного газа как наиболее экологически чистого вида углеводородного топлива.

Кроме того, в Японию пришло понимание того, что на фоне глобального потепления Арктика в перспективе может стать судоходным регионом. Уже сейчас, благодаря активным усилиям России по развитию Северного морского пути, доставка грузов через российские арктические воды из Азии в Европу становится реальностью. В связи с этим Япония стала рассматривать транспортно-логистическое направление двустороннего сотрудничества с Россией в Арктике в качестве одного из первостепенных.

Наконец, пересмотру отношения Японии к Арктике способствовали и изменения в глобальном стратегическом балансе сил в мире в целом и в Восточной Азии, в частности. Географическое положение Арктики позволяет странам, направляющим туда свои военно-морские силы и размещающим там свои военные объекты, получить существенные преимущества в плане контроля над стратегической обстановкой в мире. В результате большинство крупнейших мировых держав стало пытаться обозначить в Арктике свое военное присутствие. Япония заинтересована в установлении понятных и стабильных «правил игры» в Арктике, и в этом смысле сфера безопасности в данном регионе становится одним из наиболее значимых направлений сотрудничества с Россией.

Российское направление политики Японии в Арктике получило дополнительный импульс в связи с политикой сближения с Москвой, проводившейся кабинетами Абэ Синдзо в 2012–2020 гг. В мае 2013 г. Япония при поддержке России стала наблюдателем в Арктическом совете [Курмазов 2015, с. 59]. В мае 2016 г. премьер-министром С. Абэ во время неофициальной встречи с президентом России В.В. Путиным в Сочи был инициирован Японо-российский План сотрудничества из восьми пунктов, который получил высокую оценку в России как смелое решение, бросающее вызов политике «Большой семерки» по изоляции России после крымских событий 2014 г. Его основными областями стали энергетика, транспорт, сельское хозяйство и технологии, медицина, развитие городской инфраструктуры, энергетика и комплексное развитие Дальнего Востока.

Многие проекты двустороннего сотрудничества в Арктике стали неотъемлемой частью Плана из восьми пунктов. К их числу относятся проекты развития Северного морского пути и арктические проекты по добыче и сжижению природного газа, которые являются важнейшими для национальных интересов Японии, способствуя решению задач обеспечения энергетической и экономической безопасности. С Арктикой связаны и многие проекты комплексного развития Дальнего Востока, а также проекты в сферах транспорта и портовой инфраструктуры, городского строительства, переработки рыбы, экологии, улучшения жизни людей, медицины, туризма и т.д. Регионы российского Севера, например, заинтересованы в японских технологиях жилищного строительства в экстремальных климатических условиях, которые позволяют добиться феноменальных показателей теплосбережения за счет использования современных строительных материалов.

Основными областями заинтересованности Японии в арктических проектах сотрудничества с Россией стали сферы энергетики, транспорта, а также безопасности. Цель настоящей статьи – проанализировать эти направления сотрудничества, сделав упор на те происшедшие в 2019–2020 гг. подвижки, которые не получили пока должного освещения в отечественной историографии.

Северный морской путь

Среди проектов сотрудничества с Россией в Арктике особое место занимает Северный морской путь (СМП). Протяженность морских коммуникаций из Японии в Европу составляет около 20 тыс. км, если доставлять грузы традиционным южным путем – через Индийский океан и Суэцкий пролив, и около 13 тыс. км, если через СМП. Иными словами, транспортировка через арктический маршрут оказывается на 40 % короче по расстоянию и примерно на 10 дней по времени, чем через южный маршрут¹. Это означает значительную экономию времени и топлива, что существенно удешевляет перевозки.

Повышает в глазах Японии привлекательность СМП и то, что в связи с экономией топлива его использование позволяет существенно сокращать выбросы парниковых газов, что особенно важно в связи с отходом после Фукусимы от атомной энергетики и вынужденным переходом на традиционные источники энергии. Освоение СМП, таким образом, оценивается в контексте решения задач «зеленого развития» и борьбы с глобальным потеплением. Кроме того, СМП более безопасен по сравнению с южным маршрутом, так как судам не нужно проходить небезопасные с точки зрения угрозы пиратства и терроризма акватории, включая Малаккский пролив или восточное побережье Сомали.

В Японии в целом признают высокую степень готовности СМП, с учетом имеющихся у России технических и инфраструктурных возможностей для обеспечения судоходства, включая мощности для ледокольного сопровождения, ведения спасательных, ремонтных и иных вспомогательных работ. Наличие подобной базы снижает риски экологических последствий крупных аварий, сопровождающихся риском масштабной утечки топлива. Высоко оценивается в Японии и имеющийся у России потенциал лоцманских услуг, особенно на фоне нехватки и даже отсутствия квалифицированных лоцманов в других арктических странах, включая страны Скандинавии. Например, особо отмечается, что опытные российские лоцманы могут на глаз безошибочно определить толщину льда

¹ Так, маршрут из Иокогамы в Роттердам по южному пути составляет 20 742 км, по северному – 12 038 км.

и выбрать правильное направление движения, чего не могут сделать их зарубежные коллеги [Kitagawa 2013].

Однако на нынешнем этапе переход на СМП сталкивается для японских перевозчиков с большими трудностями. Прежде всего, в своем нынешнем состоянии он по понятным причинам может использоваться ограниченное время в году. Поэтому речь может идти только о долгосрочной перспективе, например, связанной с развитием сети ледокольных услуг, а также удлинением сезона судоходства в связи с ускорением процесса таяния льда.

России не удалось пока реализовать в полном объеме большую часть из запланированного по совершенствованию инфраструктуры Севморпути, строительству ледокольного, аварийно-спасательного и вспомогательного флотов, оснащению СМП наземными транспортными средствами и авиационной техникой. Большинство управленческих решений по развитию Арктики было принято лишь в самое последнее время [Гриняев, Журавель 2020, с. 55]. Например, План развития инфраструктуры СМП на период до 2035 г. был утвержден Распоряжением Правительства РФ только в декабре 2019 г. Пока еще не созданы условия для развития контейнерных перевозок, привлечения к СМП крупных международных судоходных компаний и грузовладельцев. Превращение Севморпути в базовый элемент конкурентоспособного международного и национального морского транспортного коридора планируется обеспечить только в 2031–2035 гг. [Журавель, Назаров 2020, с. 146].

Как арктическое государство, Россия, основываясь на Полярном кодексе Международной морской организации, вступившем в силу с 1 января 2017 г., предъявляет нормативные требования ко всем проходящим по Севморпути иностранным судам неледокольного типа использовать российское ледокольное сопровождение, иметь на борту российского лоцмана и т.д. [Leksyutina 2021, р. 17]. В связи с этим Японию беспокоит, что Россия, будучи монопольным поставщиком услуг, сможет устанавливать неоправданно высокие транзитные тарифы за услуги сопровождения. Например, большую озабоченность вызвало в Японии решение российских властей ограничить право транспортировки СПГ с ямальских месторождений российскими танкерами. Стоит отметить, впрочем, что в начале декабря 2020 г. на рабочем российско-японском совещании по сотрудничеству в сфере транспорта с российской стороны было дано разъяснение, что в случае соответствующих обращений со стороны транспортных компаний вопрос о снятии данного ограничения будет рассмотрен².

Еще один минус СМП в глазах Японии – ограничения, налагаемые рельефом дна. Чтобы попасть в арктический бассейн из Тихого океана, суда должны проходить через относительно мелкий Берингов пролив (наименьшая глубина фарватера составляет 36 м), что существенно ограничивает возможности судоходства крупнотоннажных судов. Для Японии существенную проблему составляет и то, что крупногабаритные суда из-за большого объема выбросов и риска масштабных последствий в случае аварии потенциально могут нанести непоправимый ущерб хрупкой экологии Арктики. Наконец, из-за малого трафика через СМП большую трудность для японских страховых компаний представляет оценка страховых рисков, что затрудняет определение уровня страховых платежей для судовладельцев [Kitagawa 2013].

² <https://www.logi-today.com/412966> (дата обращения: 15.06.21).

Тем не менее, разработка транспортного сообщения через СМП ведется не только на оценочном уровне, но и обсуждается в практической плоскости. В октябре 2018 г. министр иностранных дел Японии Т.Коно, выступая на Ассамблее Арктического круга, заявил о намерении поощрять японские компании уделять больше внимания бизнесу в Арктике с учетом потенциальных возможностей арктического маршрута³. В числе перспективных для Японии направлений, активно продвигаемых Минвостокразвития России – запуск регулярной контейнерной линии на СМП⁴. Интерес Японии к данному маршруту подтверждается тем, что префектуральные власти Хоккайдо еще несколько лет назад приступили к оценке возможностей использования порта Томакомаи, расположенного на побережье пролива Цугару, в качестве перспективного транспортного терминала, обслуживающего потребности Японии в случае перехода на СМП [Holroyd 2020, p. 324].

Энергетика

Первостепенное значение для японо-российского сотрудничества в арктическом регионе имеет сфера энергетики. Следует отметить, что эта сфера в целом является основой российско-японских торгово-экономических отношений. Энергосырье составляет около 70 % от общего объема импорта Японии из России. Японское правительство считает энергетику важнейшим элементом своих усилий по укреплению партнерства с Москвой.

Интерес Японии к проектам СПГ в Арктике, расположенным на полуостровах Ямал и Гыдан, не случаен. Речь идет о крупнейших запасах природного газа, составляющих около 20 % мировых. Президент российской газодобывающей компании «Новатэк» Л.Михельсон оценил потенциал добычи на Ямале и Гыдане (с учетом доли не только «Новатэка», но и «Газпрома») в 130–140 млн тонн СПГ в год, что в полтора раза больше, чем весь годовой объем производства Катар⁵. Еще в декабре 2017 г. «Новатэком» в арктическом порту Сабетта был введен в строй первый на полуострове Ямал завод по сжижению газа мощностью 16,5 млн тонн в год⁶. В 2020 г. завод уже работал со средней загрузкой на уровне 114 % от номинальной мощности и выпустил 18,8 млн тонн СПГ⁷.

Другой проект, получивший название «Арктик СПГ-2», находится на данном этапе (начало 2021 г.) на стадии строительства. Проект, основанный на углеводородных ресурсах месторождения «Утреннее», составляющих 1,978 млрд кубометров природного газа и 105 млн тонн жидких углеводородов (по Российской классификации запасов) на соседнем с Ямалом полуострове Гыдан, предполагает строительство трех линий по производству СПГ проектной мощностью 6,6 млн тонн СПГ в год каждая⁸ (рис. 1). Первую линию СПГ планируется запустить в 2023 г., вторую и третью – в 2024 и 2026 г. соответственно⁹.

³ <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Arctic-emerges-as-collaboration-hot-spot-for-Japan-and-Russia> (дата обращения: 15.06.21).

⁴ <https://tass.ru/ekonomika/10504149> (дата обращения: 15.06.21).

⁵ <https://www.kommersant.ru/doc/3695432> (дата обращения: 15.06.21).

⁶ <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/natural-gas/093020-japan-eyes-participating-in-kamchatka-lng-reloading-terminal-official> (дата обращения: 15.06.21).

⁷ <https://www.argusmedia.com/news/2188198-zagruzka-zavoda-iamal-spg-v-2020-g-dostigla-114?amp=1> (дата обращения: 15.06.21).

⁸ <https://neftegaz.ru/news/spg-szhizhenny-prirodnyy-gaz/651369-obshchiy-progress-po-artktik-spg-2-sostavlyaet-29/>

⁹ <https://tass.ru/ekonomika/7585953> (дата обращения: 15.06.21).

В результате будет обеспечено производство 19,8 млн тонн СПГ и не менее 1,6 млн тонн стабильного газового конденсата в год. Общий объем инвестиций, как предполагается, составит от 20 до 21 млрд долл. США.

Рис. 1. Арктические проекты по добыче и сжижению природного газа

Источник: <https://energybase.ru/>

Ямальские проекты имеют для Японии, полностью удовлетворяющей внутренний спрос на природный газ за счет импорта СПГ, большие перспективы с точки зрения обеспечения уровня ее энергетической безопасности. Она проводит стратегию сбалансированного распределения источников поставок СПГ из различных регионов мира – США, России, ЮВА и Ближнего Востока. Япония исходит из стремления не оказаться в чрезмерной зависимости от какого-либо одного поставщика или страны и исключить фактор непредвиденного риска, связанный как с политическими событиями, так и со стихийными бедствиями в странах-партнерах. Как видно из табл. 1, в списке стран-поставщиков находятся как надежные политические союзники Японии, так и страны, относимые ею к числу идеологических и политических противников.

Вместе с СПГ, поставляемым Россией в Японию с Сахалина еще с 2008 г., ямальский газ в перспективе может получить существенную долю на внутреннем рынке Японии. Например, в период с января по август 2020 г. Япония импортировала из России 3, 629 млн тонн СПГ, или около 7,5 % от общего объема импорта СПГ в Японию. Россия для Японии занимала в 2019 г. 4-е место после Катара в списке стран-источников СПГ¹⁰.

¹⁰ <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/natural-gas/093020-japan-eyes-participating-in-kamchatka-lng-reloading-terminal-official> (дата обращения: 15.06.21).

Таблица 1. Импорт Японией СПГ в 2019 г. (по странам).

Страны-поставщики СПГ	Объем импорта (т)	Стоимостной объем (тыс. иен)
Австралия	30,116,008	1,756,177,031
Малайзия	9,330,527	492,022,088
Катар	8,734,971	510,420,743
Россия	6,398,638	337,528,306
Бруней	4,320,630	248,174,455
Индонезия	4,153,037	243,067,415
Папуа – Новая Гвинея	3,741,745	216,672,924
США	3,695,647	196,835,711
Оман	2,894,035	144,333,845
ОАЭ	2,168,486	123,767,579
Нигерия	833,291	32,436,813
Перу	677,128	36,467,369
Китай	70,560	2,250,297
Экваториальная Гвинея	68,819	3,623,685
Египет	62,119	3,495,559
Алжир	61,438	2,505,334
Итого	77,327,079	4,349,779,154

Источник: сайт Министерства торговли США (Official Website of the International Trade Administration <https://www.trade.gov/knowledge-product/japan-liquefied-natural-gas-lng>)

Как видно из табл. 1, поставки из Австралии, Малайзии и Катара составляют около 60 % от общего объема японского импорта СПГ. Таким образом, участие Японии в проекте «Арктик СПГ-2» способствовало бы диверсификации источников поставок СПГ и снижению ее зависимости от крупных поставщиков. Особую роль играет для Японии то обстоятельство, что стоимость добычи газа в Арктике относительно низка и сопоставима с Катаром. В частности, это связано с тем, что в полярных широтах газ дешевле охлаждать до температуры ниже нуля, чем при тридцатиградусной жаре, как на Ближнем Востоке [Ishikawa 2019]. Кроме того, поставки СПГ из российской Арктики, как отмечали представители Министерства экономики и промышленности Японии, повышают уровень ее энергетической безопасности с той точки зрения, что маршрут поставок не проходит через Ормузский пролив¹¹.

Япония с самого начала проявляла интерес к проектам разработки СПГ на Ямале. После принятия 11 октября 2010 г. российским правительством Комплексного плана по развитию производства СПГ на полуострове Ямал японские компании стали участниками проекта «Ямал СПГ». Так, совместное предприятие двух крупнейших японских инжиниринговых компаний JGC и Chiyoda выступило подрядчиком работ по проектированию, поставкам оборудования и строительству для нужд данного проекта. В декабре 2016 г. предприятие получило финансовую поддержку со стороны Японского банка международного

¹¹ <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/natural-gas/093020-japan-eyes-participating-in-kamchatka-lng-reloading-terminal-official> (дата обращения: 15.06.21).

сотрудничества (JBIC), открывшего кредитную линию на реализацию данного проекта на сумму 200 млн евро [Leksyutina 2021, p. 13]. В 2018 г. Японская национальная корпорация по нефти, газу и металлам JOGMEC подписала меморандум о взаимопонимании и возможностях сотрудничества по проектам на полуострове Ямал в Арктике, включая проекты на полуострове Гыдан. Вскоре после этого японская газораспределительная компания Seibu Gas (префектура Фукуока), поставляющая городской газ в северную часть острова Кюсю, подписала меморандум о взаимопонимании с «Новатэком» относительно выхода на рынок конечного потребителя и оптимизации поставок СПГ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включая строительство терминала Хибики в японском порту Китакою¹².

В результате длительных переговоров 29 июня 2019 г. на саммите G20 в Осаке был подписан контракт о покупке японской стороной 10 %-ной доли в проекте «Арктик СПГ-2», дающий ей право на получение 10 % добываемого газа. Чтобы добиться этой сделки, японская корпорация Mitsui & Co и JOGMEC одержали победу в конкурентной борьбе с несколькими международными национальными нефтяными компаниями, включая Saudi Aramco и KOGAS. В проекте, помимо «Новатэка», имеющего в нем 60 %-ную долю, и японских корпораций, принимают участие также французская Total и две китайские государственные корпорации – China National Oil and Gas Exploration and Development Company (CNODC) и CNOOC, получившие по 10 % акций.

Премьер-министр Японии Абэ Синдзо, выступая на саммите в Осаке, высоко оценил подписание соглашения, подчеркнув, что сделка «облегчает усилия России по освоению Арктики и обеспечивает стабильное энергоснабжение нашей страны» [Sassi 2019]. В свою очередь, президент В.В. Путин сообщил на саммите, что общий объем японских инвестиций в проект составит почти 3 млрд долл. США¹³.

Протокол о принятии окончательного инвестиционного решения по «Арктик СПГ-2» был подписан в сентябре 2019 г. на Восточном экономическом форуме во Владивостоке. Mitsui и JOGMEC, доли которых в общем пакете японских инвестиций составили соответственно 25 и 75 %, выступают в проекте через голландское совместное предприятие Japan Arctic LNG B.V.

Большой интерес вызывает схема транспортно-логистического обеспечения ямалских проектов. Единственный возможный канал поставок СПГ – Северный морской путь. Это означает, что танкеры должны быть специализированными перевозчиками СПГ класса 7Arc либо использовать атомные ледоколы сопровождения. В 2020 г. завод «Ямал СПГ» обслуживали около 15 специализированных танкеров ледового класса Arc7¹⁴. Среди них четыре танкера находятся в собственности крупнейшей судоходной компании Mitsui O. S. K Lines (MOL), входящей в группу дочерних компаний Mitsui.

В сентябре 2019 г. MOL, JBIC и «Новатэк» подписали соглашение о сотрудничестве по проектам перевалки СПГ на Камчатке и в Мурманске, а также по строительству плавучих хранилищ для перевалки СПГ с ледокольных на обычные СПГ-танкеры. Планы по созданию перегрузочного хаба СПГ на Камчатке оцениваются в Японии в контексте мер поддержки

¹² <https://www.jetro.go.jp/biznews/2019/06/20dfaacd91922362.html> (дата обращения: 15.06.21).

¹³ <https://rg.ru/2019/07/01/putin-prinial-uchastie-v-sammite-g20-i-vstretilsia-s-trampom.html> (дата обращения: 15.06.21).

¹⁴ <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/natural-gas/093020-japan-eyes-participating-in-kamchatka-lng-reloading-terminal-official> (дата обращения: 15.06.21).

растущего рынка СПГ в Азии, что отвечает национальным интересам Японии. Ожидается, что камчатский хаб снизит стоимость морских перевозок и сократит сроки доставки в остальную Азию. При этом, в отличие от сложившейся ранее модели торговли СПГ, ориентированной на долгосрочные контракты, арктический СПГ, направляемый на азиатские рынки, будет реализовываться в основном в рамках спотовых сделок. Эти поставки в перспективе позволят сформировать новый спотовый рынок СПГ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что отвечает интересам Японии, так как появление такого рынка повысило бы возможность ценового маневрирования на фоне неопределенности со спросом на «голубое топливо».

Работа по налаживанию поставок СПГ в Японию с ямальских проектов уже вступила в практическую стадию. В конце июня 2020 г. танкер СПГ ледокольного типа «Владимир Русанов» вышел из порта Сабетта и зашел 23 июля в Токийский залив к терминалу СПГ Огисима, впервые в истории доставив туда СПГ из российской Арктики¹⁵.

Вместе с тем логично задаться вопросами: почему работа над инвестсоглашением заняла несколько лет и почему в нем, в конечном счете, осталась только одна японская частная компания. Первоначально речь шла об участии двух торгово-инвестиционных корпораций, имеющих большой опыт участия в российских энергетических проектах – Mitsui & Co. и Mitsubishi Corp. Однако Mitsubishi отказалась от участия, сочтя условия проекта недостаточно выгодными. По всей видимости, была просчитана неблагоприятная для долгосрочных инвестиций политическая ситуация вокруг России, и прежде всего обостряющийся конфликт России с Западом, который не без оснований был признан долгосрочным и не имеющим видимых перспектив ослабления. В компании приняли во внимание риск стать объектом американских антироссийских санкций в случае их ужесточения в будущем [Brown 2019].

Кроме того, Россия считается в Японии страной высоких страновых рисков, в которой отсутствует независимая судебная система и поэтому главную роль играют неформальные механизмы взаимодействия с властями, которые нередко пробуксовывают. К тому же имеется и неприятная память о политическом давлении на нее, оказанном в 2006 г.: консорциум с участием Mitsubishi был вынужден сократить свою долю в проекте «Сахалин-2», когда «Газпрому» понадобился его контрольный пакет.

Наконец, определенные сомнения вызывала рентабельность проекта с учетом долгосрочных перспектив снижения потребностей страны в углеводородном сырье. Окупаемость подобного проекта занимает десятки лет, а отход от углеродной энергетики постепенно приобретет лавинообразный характер. Трудно понять, какой будет цена на газ и спрос на газ через 20–25 лет – а ведь именно таков должен быть горизонт планирования таких проектов.

В связи с этим уместно обратить внимание на общий тренд на снижение потребностей Японии в углеводородах. По долгосрочным прогнозам, в Японии ожидается некоторое снижение доли газа в электрогенерации, в связи с чем в перспективе трудно ожидать существенного роста спроса на СПГ¹⁶. Следует учитывать и то, что наметившийся после

¹⁵ <https://www.mol.co.jp/en/pr/2020/20038.html> (дата обращения: 15.06.21).

¹⁶ https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/special/article/energyissue2019_01.html (дата обращения: 15.06.21).

Фукусимы отход от атомной энергетики несколько замедлился по мере перезапуска заглушенных после аварии АЭС, в результате чего доля атома сократилась не столь значительно, как это предполагалось изначально. Кроме того, Япония как лидер движения против глобального потепления вынуждена отказываться от углеводородов, делая ставку на возобновляемые источники и опять-таки на атом, чтобы выполнить свои обязательства по Парижскому соглашению.

В связи с этим возникает вопрос о том, что же стало основным мотивом для Mitsui для вхождения в проект. По всей видимости, существенную, если не главную, роль сыграли политические соображения. Следует вспомнить, что Mitsui приняла данное решение лишь после того, как японская государственная корпорация JOGMEC предложила профинансировать 75 % сделки, нарушив тем самым свое правило финансировать не более половины от общего объема инвестиций¹⁷. Учитывая высокую политизированность этого решения, можно предположить, что принято оно было в результате неформальной договоренности Mitsui с японским правительством. Не случайно глава представительства компании Mitsui в Москве Мэгуро Хироси в публичном интервью отмечал, что проект «не мог быть реализован без поддержки правительства»¹⁸.

Следует выделить несколько возможных причин активизации политического лоббирования официальным Токио в пользу участия японского капитала в российских арктических проектах. Прежде всего, в период премьерства Абэ свою роль играли ожидания японской стороны в отношении скорого подписания мирного договора и решения проблемы границы. С. Абэ фактически поставил решение этого вопроса на кон своей политической карьеры. Арктика была встроена в программу экономической помощи и была призвана подкрепить серьезность намерений японского премьера решить данный вопрос, создав для России соответствующие экономические стимулы. Иными словами, в Токио считали, что совместные проекты по освоению СМП и разработке природного газа в Арктике помогут сдвинуть с мертвой точки переговоры о пограничном размежевании [Leksyutina 2021, p. 13]. Следует отметить, впрочем, что эти ожидания существенно снизились в последний период премьерства Абэ, а после его ухода в отставку практически сошли на нет.

Причину активной позиции японского правительства можно видеть и в обострении международной конкуренции за долю в крайне привлекательных ямальных проектах. Выше отмечалось, что Япония конкурировала за долю в проекте «Арктик СПГ-2» с саудовской и корейской национальными корпорациями. В свою очередь, французская компания Total смогла получить 16 % акций «Новатэка», а также 20 % акций проекта «Ямал СПГ» и 10 % акций проекта «Арктик СПГ-2». В этих условиях японская государственная компания JOGMEC, получившая в соответствии с принятыми в ноябре 2016 г. поправками право покупать доли в зарубежных активах¹⁹, активизировала свои усилия в борьбе за долю «Новатэка», стремясь не отстать от Total и других соперников.

Особое значение в контексте международной конкуренции за арктические ресурсы приобрел китайский фактор, а именно – стремление Токио не допустить, чтобы Китай чересчур активно действовал в Арктике под патронажем России, получив там односторонние

¹⁷ <https://www.highnorthnews.com/en/japans-mitsui-and-mitsubishi-take-10-percent-stake-novateks-arctic-lng-2> (дата обращения: 15.06.21).

¹⁸ <https://www.hokkaido-np.co.jp/article/508913> (дата обращения: 15.06.21).

¹⁹ <https://www.reuters.com/article/us-japan-jogmec-idUSKBN1360UC> (дата обращения: 15.06.21).

льготы и преимущества. Действительно, Китай существенно опередил Японию в получении значительных долей в арктических проектах, воспользовавшись политико-дипломатической изоляцией Москвы после крымских событий 2014 г. и введением против нее экономических санкций, к которым Япония была вынуждена присоединиться (китайские компании получили 30 %-ную долю в проекте «Ямал СПГ»)²⁰. Важно и то, что введенные против России секторальные санкции предполагали ограничения на участие в проектах разработки природных ресурсов в арктической зоне, в том числе касающиеся технологий и инвестиций, что поставило Японию перед дилеммой: «отдать» Россию Китаю и другим азиатским конкурентам, не участвующим в санкциях, или самой попытаться обойти их, формально оставаясь членом антироссийского санкционного блока.

Можно вспомнить, что в начале 1980-х гг. введенные против СССР санкции в связи с вводом войск в Афганистан никак не помешали Японии продолжить те проекты экономического сотрудничества, которые она считала важными для себя, включая проекты на Сахалине, куда из Японии поставлялись трубы большого диаметра, а также проекты разработки лесных ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока [Ozawa 2019, p. 413–415]. Эту традицию унаследовала и современная Япония, руководство которой в постбиполярный период неоднократно принимало решения о возобновлении и продолжении проектов ОПР в отношении тех стран, которые оказывались под международными санкциями в связи с нарушениями прав человека и попранием демократических принципов.

Еще одним мотивом для Токио, по всей видимости, явилось осознание необходимости сохранить с Россией стабильные экономические связи, не предъявляя к проектам сотрудничества обязательного требования окупаемости в короткие сроки. В целом в Токио понимают, что экономика поддерживает политику и что экономические связи с Россией могут послужить становлению добрососедских отношений двух стран. И поскольку бизнес мыслит категориями прибыльности и окупаемости, либо строит свою политику на стремлении любой ценой избежать риска, именно государство должно своей политикой скорректировать негативные последствия конъюнктурных и сиюминутных решений. При этом в данном случае под субъектом государственной политики следует понимать не какую-то отдельную бюрократическую структуру, а гибкую и вместе с тем устойчивую систему связей правительства, министерств и бизнес-сообщества, позволяющую мобилизовать административные и материальные ресурсы, а также максимально рационально их использовать [Полхова, Сергунин 2020, с. 121].

Помимо сферы СПГ, еще одним многообещающим направлением сотрудничества с Россией в арктическом регионе становится «зеленая энергетика». Проекты в этой области позволяют Японии достичь цели снижения выбросов парниковых газов в атмосферу. Одним из примеров стал совместный российско-японский проект с участием японских компаний NEDO, Такаока Токо и Mitsui по созданию уникального ветродизельного комплекса в арктическом поселке Тикси (Якутия). 22 декабря 2020 г. с участием официальных лиц из Японии и России там прошла онлайн-церемония, посвященная запуску системы электрогенерации. Помимо установки трех ветряных генераторов, разработанных специально для районов экстремального холода, предполагается также поставка сюда дизель-генераторов и аккумуляторных батарей японского производства для эффективного

²⁰ <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/04/26/5cc19b4b9a794744f3d7b676> (дата обращения: 15.06.21).

снабжения региона электроэнергией в течение всего года. Это второй после Камчатки пример внедрения японских ветроэнергетических установок на Дальнем Востоке. «Я думаю, что построенные в сотрудничестве с Японией объекты еще долго будут надежно работать на благо жителей этих мест», — заявил Айсен Николаев, глава Республики Саха (Якутия)²¹.

Безопасность

Арктический компонент неизбежно присутствует и в японо-российских отношениях в сфере безопасности. В Японии пристально следят за развитием военно-политической ситуации в арктическом регионе. Не осталось незамеченным в Токио создание в декабре 2014 г. Россией Объединённого стратегического командования «Север», призванного защитить природные богатства арктического региона и обеспечить безопасность Северного морского пути, а также строительство в регионе шести российских военных баз, завершённое к 2020 г. [Гриняев, Журавель 2020, с. 59].

Наибольшую тревогу в Японии вызывает процесс наращивания Китаем усилий по закреплению своего военного присутствия в Арктике. Еще в 2012 г. из Китая в Арктику через Берингов пролив был направлен ледокол «Сюэлун» («Снежный дракон»). В 2015 г. Китай направил в Арктику еще пять своих судов²². В январе 2018 г. Китай впервые опубликовал Белую книгу по Арктике, в которой СМП был назван «Полярным Шелковым путем» и зафиксирована готовность Китая участвовать в освоении природных ресурсов и развитии транспортных коммуникаций в Арктике. А в сентябре 2018 г. на воду в Шанхае был спущен первый ледокол китайского производства «Сюэлун-2»²³. С учетом намерения Китая ускоренно развивать военно-морскую мощь глубоководного типа и создавать по всему миру портовую инфраструктуру с целью закрепить свои стратегические интересы в том или ином регионе Япония воспринимает китайскую арктическую политику с изрядной долей алармизма.

Следует отметить, что военное присутствие в Арктике увеличивают не только Россия и Китай, но и Америка, а также ее союзники по блоку НАТО, примыкающие к Арктике. США имеют в Норвегии постоянные подразделения морской пехоты, кадровый состав которых обновляется на ротационной основе, строят станции слежения на российско-норвежской границе и т.д. В 2018 г. впервые за 27 лет Вашингтон направил в арктический регион свой авианосец в рамках военных учений НАТО²⁴. При этом в учениях блока НАТО в арктическом регионе стали принимать участие не входящие в блок Швеция и Финляндия.

По мнению японского военного эксперта проф. Ито Тосиюки, в Арктике уже началось соревнование отдельных стран, проявляющееся в символических жестах демонстрации военного присутствия в регионе²⁵. Действуя в рамках этой логики, и Япония в 2020 г. направила в Арктику свое военное судно «Касима» с 310 членами экипажа и стажерами на борту. Выйдя в конце августа из Хиросимы, в начале сентября оно прошло Берингов пролив

²¹ https://www.hokkaido-np.co.jp/article/497749?rct=n_politics (дата обращения: 15.06.21).

²² <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-military-idUSKCN0R22DN20150902> (дата обращения: 15.06.21).

²³ <https://www.sankei.com/politics/news/181115/plt1811150001-n2.html> (дата обращения: 15.06.21).

²⁴ <https://www.interfax.ru/world/634200> (дата обращения: 15.06.21).

²⁵ <https://s.japanese.joins.com/JArticle/272541?sectcode=A00&servcode=A00> (дата обращения: 15.06.21).

и провело 8 сентября учения связи с использованием сигнальных флагов совместно с береговой охраной США²⁶.

Поскольку именно Китай признается Токио в качестве основного военно-политического противника, его усилия в военной области воспринимаются в качестве угрозы безопасности Запада в целом и Японии, в частности. Депутат от правящей ЛДП в палате представителей парламента Японии Кобаяси Такаюки отмечал в своем блоге, что активность Китая в Арктике «вызывает опасения в связи с наращиванием китайским флотом своего влияния в Северном Ледовитом океане, Беринговом море и Охотском море, в Северной части Тихого океана». Особую тревогу японского политика вызывает перспектива свободного перемещения по Арктике китайских атомных подводных лодок, результатом которого, по его мнению, станет «резкое ослабление уровня сдерживания Америкой Китая и серьезное нарушение баланса сил в Восточной Азии» [Kobayashi 2015].

В Японии оценивают возможное размещение китайских военных кораблей в Арктике, прежде всего, в контексте угрозы для своего основного союзника – США. Если со стороны территории самого Китая ударная мощь его ВМФ и ракетного потенциала нацелена прежде всего на западное побережье США, то из Арктики в равной степени уязвимым для китайского ракетного удара становится и их восточное побережье. Подобную угрозу в Японии воспринимают и как удар по собственным стратегическим интересам, в связи с чем ставится задача максимально затруднить приход в Арктику китайских военных. В связи с этим нельзя не признать, что в обозримой перспективе американо-японские отношения будут оставаться крупнейшим фактором воздействия на политику Японии в освоении Арктики [Дорошев 2018, с. 159].

Именно это обстоятельство, по мнению некоторой части японских стратегов, повышает значимость диалога с Россией, которую в Японии совсем не хотят видеть в качестве партнера (а тем более «младшего брата») Китая в деле установления правил поведения в Арктике. А подобная угроза, по мнению некоторых японских экспертов, существует в силу ослабления экономической мощи России по сравнению с Китаем. Кроме того, в Японии обращают внимание на постепенное отставание России от Китая по техническому потенциалу, связанное с отсутствием должных ресурсов на модернизацию ее военно-морских сил²⁷, и активно апеллируют к вызовам и угрозам для национальных интересов России, связанным с военным проникновением Китая в Арктику. Япония не хотела бы, чтобы Россия, единственная евроазиатская держава с выходом к морю в Арктике, допустила в этот регион китайский ВМФ [Kobayashi 2015]. Там исходят из предположения, что Россия будет стремиться обеспечивать двусторонний баланс сил с Китаем [Hyodo 2014, p. 868], а поэтому ей следует сотрудничать с Японией с тем, чтобы «контролировать» продвижение Китая в Арктику²⁸.

²⁶ <https://s.japanese.joins.com/JArticle/272541?sectcode=A00&servcode=A00> (дата обращения: 15.06.21).

²⁷ <https://www.sankei.com/politics/news/181115/pl1811150001-n2.html> (дата обращения: 15.06.21).

²⁸ <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Arctic-emerges-as-collaboration-hot-spot-for-Japan-and-Russia> (дата обращения: 15.06.21).

Заключение

Арктическая политика с точки зрения стратегической перспективы позволяет по-новому позиционировать роль Японии в складывающейся в постковидную эпоху геополитической системе координат. Развитие ямальных газовых проектов и введение в мировой транспортно-коммуникационный оборот Северного морского пути, очевидно, позволяют создать новую логистическую связку, которая соединит Россию и Японию с другими странами Индо-Тихоокеанского региона. По обочинам этого торгово-транспортного маршрута располагаются депрессивные в экономическом отношении регионы российской Арктики и тихоокеанского побережья России, развитые регионы постиндустриальной Японии, а также активно растущие в промышленном отношении регионы стран Юго-Восточной и Южной Азии. Такой маршрут позволит соединить российский газ, японские финансы и технологии, трудовые ресурсы и индустриальные мощности стран АСЕАН и Южной Азии в единое целое. Именно морские коммуникации, опоясывающие Евразию с севера, востока и юга, могут стать новой логистической основой для дальнейшего экономического развития не только региональной, но и мировой экономики. В этом смысле российско-японское сотрудничество в Арктике обретает не только региональное, но и глобальное измерение. Проекты сотрудничества могут быть встроены как в японскую концепцию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, так и в продвигаемую Россией концепцию Большой Евразии, что позволит обеспечить сопряжение этих двух концепций в форме, отвечающей интересам обеих стран.

Важно и то, что несмотря на конкурентный характер отношений с Китаем арктические проекты создают для Японии уникальную возможность сотрудничества с этой страной на взаимовыгодной основе. Участие Японии в проекте «Арктик СПГ-2» согласуется с декларируемой Японией готовностью перейти от конкуренции к сотрудничеству с Китаем в сфере инфраструктурного развития, прозвучавшей в ходе встреч на высшем уровне, в частности, в ходе визита премьера Абэ в Китай в октябре 2018 г..

От сотрудничества с Японией в Арктике может выиграть и Россия. Это и отход от нежелательного крена экономических связей в направлении Китая, и расширение списка покупателей в Азии. Кроме того, это и возможность расширить доступ к японским технологиям, особенно в области шельфового промысла и иных сфер добычи энергоресурсов [Морозов и Клименко 2015, с.45; Гутенев 2017, с. 81].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гриняев С.Н., Журавель В.П. Вопросы комплексной безопасности в Основах государственной политики России в Арктической зоне до 2035 г.: предыдущий опыт и перспективы реализации // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 52–74. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.52
- Гутенев М.Ю. Арктическая политика Токио: история и современность // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23. № 9. С. 75–83.
- Дорошев А.Ю. Арктическая политика Японии: достижения, вызовы и перспективы дальнейшего продвижения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 154–162. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-2/154-162>

Журавель В.П., Назаров В.П. Северный морской путь: настоящее и будущее // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. С. 140–158. <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/1010> DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1010

Курмазов А. Арктическая политика Японии и интересы России // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 58–67.

Морозов Ю.В., Клименко А.Ф. Арктика в стратегии НАТО и направления взаимодействия России с государствами Северо-Восточной Азии в этом регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 17 (302). С. 39–51.

Полхова Е.В., Сергунин А.А. «Арктическое лобби» в Японии: структура, механизмы влияния и роль в развитии сотрудничества с Российской Федерацией // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2020; 12(4): 99–130. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-4-99-130>

REFERENCES

Doroshev, A.Yu. (2018). Arkticheskaya politika Yaponii: dostizheniya, vyzovy i perspektivy dal'neishego prodvizheniya [Japan's Arctic Policy: Achievements, Challenges and Prospects for Further Advancement]. *Ojkumena. Regional researches*, 2, 154–162. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-2/154-162> (In Russian).

Grinyaev, S.N. & Zhuravel, V.P. (2020). Voprosy kompleksnoi bezopasnosti v Osnovakh gosudarstvennoi politiki Rossii v Arkticheskoi zone do 2035 g.: predydushchii opyt i perspektivy realizatsii [Integrated security issues in the Basic Principles of Russian Federation State Policy in the Arctic to 2035: experience and prospects for implementation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 39, 52–74. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.39.52> (In Russian).

Gutenev, M.Y. (2017). Arkticheskaya politika Tokio: istoriya i sovremennost' [The arctic policy of Tokyo: history and modernity]. *Transbaikal State University Journal*, 23(9), 75–83. <https://doi.org/10.21209/2227924520172397583> (In Russian).

Kurmazov, A. (2015). Arkticheskaya politika Yaponii i interesy Rossii [Japan's Arctic Policy and the Interests of Russia]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 3, 58–67 (In Russian).

Morozov, Y. & Klimenko, A. (2015). Arktika v strategii NATO i napravleniya vzaimodeistviya Rossii s gosudarstvami Severo-Vostochnoi Azii v etom regione [The Arctic as Part of the NATO Strategy and Paths of Russia's Relationships with the Northeast Asia in the Region]. *National Interests: Priorities and Security Threats and Security*, 17(302), 39–51. (In Russian).

Polkhova, E.V. & Sergunin, A.A. (2020). «Arkticheskoye lobbi» v Yaponii: struktura, mekhanizmy vliyaniya i rol' v razvitii sotrudnichestva s Rossiyskoy Federatsiei [The Arctic Lobby in Japan: Structures, Mechanisms of Influence and the Role in Developing Cooperation with the Russian Federation]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, 12(4), 99–130. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-4-99-130> (In Russian).

Zhuravel, V.P. & Nazarov, V.P. (2020). Severnyi morskoi put': nastoyashchee i budushchee [Northern Sea Route: Present and Future]. *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2. Retrieved March 10, 2021, from <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/1010>. (In Russian).

* * *

Brown, J. D.J. (2019, October 14). Why Japanese Investment in Russian LNG Is an Isolated Deal. *Carnegie.ru*. Retrieved March 10, 2021, from <https://carnegie.ru/commentary/80059>

Holroyd, C. (2020). East Asia (Japan, South Korea and China) and the Arctic. In Coates, K. S. & Carin Holroyd (Eds), *The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics 2020* (pp. 319–332). Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-20557-7>

Hyodo, S. (2014). Russia's Strategic Concerns in the Arctic and Its Impact on Japan–Russia Relations. *Strategic Analysis*, 38(6), 860–871. <https://doi.org/10.1080/09700161.2014.952937>

Ishikawa Ichiyo (2019, June 26). Putin-no hokkyokken kaihatsu-ni nihon-ga sanku-suru igi [The meaning of Japan's participation in Putin's Arctic development projects]. *Toyokeizai.net*. Retrieved March 10, 2021, from <https://toyokeizai.net/articles/-/288101?page=3> (in Japanese).

Kitagawa Hiromitsu (2013, October 24). Hokkyokukai koro-ga musubu nichiro kankei-no mirai [The future of Japan-Russian relations connected by the Northern Sea Route]. *Nippon.com*. Retrieved March 10, 2021, from <https://www.nippon.com/ja/currents/d00099/#> (in Japanese).

Kobayashi Takayuki (2015, June 26). Hokkyoku kaikoro nado kara mita kongo-no nichiro kankei (Future Japan-Russian relations viewed from the standpoint of the Arctic sea route). *kobayashi-takayuki.jp* Retrieved March 10, 2021, from <https://kobayashi-takayuki.jp/blog/%E5%8C%97%E6%A5%B5%E6%B5%B7%E8%88%AA%E8%B7%AF%E7%AD%89%E3%81%8B%E3%82%89%E8%A6%8B%E3%81%9F%E4%BB%8A%E5%BE%8C%E3%81%AE%E6%97%A5%E9%9C%B2%E9%96%A2%E4%BF%82/>

Leksyutina, Y. (2021). Russia's cooperation with Asian observers to the Arctic Council. *The Polar Journal*, 1–24. <https://doi.org/10.1080/2154896X.2021.1892833>

Ozawa, H. (2019). Soviet-Japanese Relations and the Principle of the “Indivisibility of Politics and Economics,” 1960–1985. In Dmitry Streltsov and Nobuo Shimotomai (Eds), *A History of Russo-Japanese Relations. Over Two Centuries of Cooperation and Competition* (pp. 403–418). Brill. https://doi.org/10.1163/9789004400856_020

Поступила в редакцию 11.03.2021

Received 11 March 2021

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-127-139

«Монахи О:баку» в истории формирования учения О:баку в период Эдо (1603–1868)

А.П. Лугавцова

Аннотация. В статье рассматриваются история формирования учения О:баку-дзэн и роль, которую в этом процессе сыграли так называемые «монахи О:баку». Школа О:баку, третье направление японского дзэн-буддизма, появилась на Японских островах в период Эдо (1603–1868) благодаря прибытию китайских эмигрантов. Период Эдо в истории Японии во многом характеризует введение властями политики изоляции от внешнего мира, и появление учения О:баку, фактически заимствованного из Китая во время «закрытия» страны, оказало влияние не только на буддийское сообщество страны, но и на формирование культурного облика эпохи. Успешное закрепление в Японии учения О:баку, олицетворявшего духовное наследие минского Китая, обеспечило целый комплекс условий, среди которых стоит выделить усилия основателя школы Иньюаня Лунци (1592–1673), его учеников и японских последователей, составивших институт «монахов О:баку». Кроме того, в состав «монахов О:баку» также включают китайских буддийских священников, селившихся в Нагасаки с начала XVII в. Во многом благодаря им в Нагасаки сформировалась мощная диаспора, обладавшая достаточной материальной базой и влиянием, чтобы пригласить именитого учителя с родины, которым впоследствии стал Иньюань.

В истории успеха учения О:баку роль личности особенно важна, поскольку продуктивное взаимодействие с японскими властями, обретение материальной поддержки и прирост новообращённых во многом зависели от авторитета и харизмы наставников О:баку, перед которыми стояла сложная задача распространить на новой земле «слово Учителя». Биографии выдающихся представителей школы О:баку в полной мере отражают историю формирования учения с его взлётами и падениями. Монахи О:баку, помимо религиозной и творческой деятельности, много времени уделяли общению с народом и помощи мирянам, формируя положительный облик школы в глазах японского населения. Разносторонняя активность последователей школы – как китайцев, так и японцев – внесла весомый вклад во всплеск популярности О:баку в Японии в период Эдо.

Ключевые слова: Япония, Китай, период Эдо, буддизм, О:баку, дзэн, монахи О:баку.

Автор: Лугавцова Алёна Петровна, аспирант; лаборант-исследователь отдела философии, культурологии и религиоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) (670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6). ORCID: 0000-0002-6531-4743; E-mail: alena.karnap@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90035.

Для цитирования: Лугавцова А.П. «Монахи О:баку» в истории формирования учения О:баку в период Эдо (1603–1868) // Японские исследования. 2021. № 2. С. 127–139. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-127-139

“Ōbaku monks” in the history of the formation of the Ōbaku sect in Japan during the Edo period (1603–1868)

A.P. Lugavtsova

Abstract. This article examines the history of the formation of the Ōbaku Zen sect and the role that the so-called “Ōbaku monks” played in this process. The Ōbaku sect is the third school of Japanese Zen Buddhism, which appeared in Japan during the Edo period (1603–1868) due to Chinese immigrants. The Edo period of the history of Japan is often characterized by the isolationist foreign policy enacted by the Tokugawa shogunate, thus the emergence of the Ōbaku sect, which was actually borrowed from China during the isolation, had an impact not only on the Japanese Buddhist community, but also on the formation of the cultural image of the period. The successful establishment of the Ōbaku school, representing the spiritual heritage of Ming China, resulted from many aspects, and one of the most noteworthy points was the efforts of the founder of the school, Yinyuan Longqi (1592–1673), his students and Japanese followers, who formed a group of “Ōbaku monks”. In addition, the “Ōbaku monks” also included Chinese Buddhist priests who settled in Nagasaki since the beginning of the 17th century. Largely due to them, a powerful Chinese diaspora appeared in Nagasaki, which had a sufficient material base and influence to invite an eminent Buddhist monk (later it was decided to choose Yinyuan) from China.

It is clear that the role of the individual in the story of success of the Ōbaku in Japan is especially important. Ōbaku masters had to productively interact with the Japanese authorities, get material support and convert new members of the sect relying mainly on their authority and charisma, because they had a difficult task to spread «the word of the Teacher» across the new land. The biographies of prominent Ōbaku monks fully reflect the history of the formation of the doctrine with its ups and downs. Not only did they engage in religious and creative activities, but they also devoted a lot of time to communicating and helping the lay people, forming a positive image of the school in the eyes of the Japanese. The various activities of the followers of the school – both Chinese and Japanese – contributed significantly to the surge in popularity of Ōbaku in Japan during the Edo period.

Keywords: Japan, China, the Edo period, Buddhism, Ōbaku, Zen, Ōbaku monks.

Author: *Lugavtsova Alyona P.*, postgraduate student, assistant, Department of Philosophy, Culturology and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS) (address: 6, Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6531-4743; E-mail: alena.karnap@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90035.

For citation: Lugavtsova A.P. (2021). «Monahi O:baku» v istorii formirovaniya ucheniya O:baku v period Edo (1603–1868) [“Ōbaku monks” in the history of the formation of the Ōbaku sect in Japan during the Edo period (1603–1868)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 2, 127–139. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-127-139

Введение

Школа О:баку (яп. 黄檗), полное название которой звучит как «школа О:баку учения Риндзай», представляет собой третье направление японского дзэн-буддизма, в котором сочетаются дзэнские и амидаистские подходы и практики¹ [Кабанов 1993, с. 285]. Появление

¹ Japanese Buddhism. Part I. A brief history of Buddhism in Japan: 7. The Edo period. http://www.buddhanet.net/nippon/nippon_partI.html (дата обращения: 09.02.2021).

и распространение данного учения, связанного с деятельностью китайских монахов-эмигрантов, пришлось на эпоху Эдо (1603–1868). В идеологии периода Эдо на передний план вышло неоконфуцианство, и буддийские школы к моменту появления учения О:баку утрачивали прошлую значимость. Невзирая на устоявшееся мнение о том, что это время для буддизма представляло период застоя и деградации, именно в эпоху Эдо появились новые направления дзэн-буддизма, к которым относится и О:баку. Формирование школы О:баку, проникшей в Японию из Китая в период изоляции, не только повлияло на буддийское сообщество страны, но также привнесло в традиционные виды искусства (живопись, каллиграфию, скульптуру) наследие культуры минского Китая. В наше время О:баку по-прежнему является крупным направлением дзэн-буддизма наряду с Риндзай и Со:то:, однако в отечественном востоковедении на данный момент отсутствуют специальные исследования, посвящённые этому учению, что обосновывает научную новизну работы.

Необходимо отметить, что появление и расцвет О:баку в Японии неразрывно связаны с талантом и авторитетом основателя Иньюаня Лунци (隱元隆琦, яп. Ингэн Рю:ки, 1592–1673), а также его многочисленных последователей, в особенности Муаня Синтао (木庵性瑫, яп. Мокуан Сё:то:, 1611–1684) и Цифэя Жуи (即非如一, яп. Сокухи Нёицу, 1616–1671). Анализ жизнеописаний наиболее выдающихся монахов О:баку способствует пониманию особенностей формирования этой школы, поскольку в историю успеха учения О:баку в Японии роль личности вносит совершенно особый вклад. Вместе с Ингэн на острова прибыло много китайских монахов, оказавших влияние на формирование О:баку на раннем этапе её истории. Кроме того, в школу О:баку активно переходили японские монахи других буддийских школ, видя в учении Ингэна альтернативу «хиреющим» старым традициям и желая приобщиться к китайскому буддизму, не выезжая из страны. Однако, помимо китайских монахов, прибывших с Ингэн, и японских монахов, позднее присоединившихся к учению, в состав «монахов О:баку» обычно включают и китайских священнослужителей, поселившихся в Японии задолго до Ингэн. Таким образом, на раннем этапе истории школы в состав «монахов О:баку» входили как минимум три категории представителей монашеского сословия. Наиболее значимыми для учения, без сомнения, являлись Ингэн, Мокуан и Сокухи, получившие известность как «три кисти О:баку». Тем не менее, прежде чем рассматривать их жизнеописание, представляется обоснованным исследовать деятельность их предшественников, заложивших основу для будущей школы.

«Предшественники» О:баку из Китая

Порт Нагасаки был открыт для торговли японскими властями в 1571 г. После этого число китайцев, прибывавших туда с торговыми кораблями, постепенно росло, как и число осевших мигрантов, и необходимость в отдельном храме для религиозных нужд именно китайцев становилась всё более явной [Kimura 2007, p. V]. Поэтому в 1620-х гг. в Нагасаки были построены три «китайских храма» (唐寺, яп. то:дэра) – Ко:фуку-дзи, Фукусай-дзи и Со:фуку-дзи [Wu 2004, pp. 113–115]. С момента основания их настоятелями и прихожанами были исключительно китайцы, и именно основание «китайских храмов» фактически подготовило почву для приезда Ингэн и зарождения нового для Японии буддийского учения. Всего до приезда Ингэн в китайских храмах отметилось девятнадцать монахов, при этом неизвестно, кто из них принадлежал к какой школе китайского буддизма. Кимура Токугэн

отмечает, что, возможно, их нельзя назвать именно «монахами О:баку», скорее «предками О:баку», ведь, если бы они не прибыли в своё время в Японию, Ингэн бы туда тоже не попал [Kimura 2007, p. 276]. Несомненно, приезжавшие в Японию из Китая буддийские монахи ещё до формирования культуры О:баку служили передатчиками новшеств в самых разных сферах: архитектуре, чайном искусстве, скульптуре, резании печатей, поэзии, китайской лингвистике, печатном деле, медицине и фитотерапии, кулинарии. Типичными примерами «предшественников О:баку» до приезда Ингэн служат Моцзы Жудин, Ижань Синжун и Дули Синьи.

Моцзы Жудин (黙子如定, яп. Мокусу Нёдзё:) родился в 1597 г. в уезде Цзяньчан провинции Цзянси, в миру звался Чэнь. Монашеские обеты он принял в храме школы Чань Синфу-сы города Янчжоу провинции Цзянсу, в 1632 г. прибыл в Нагасаки и в 1634 г. стал вторым настоятелем Ко:фуку-дзи. В том же году Мокусу руководил сооружением и установкой Мэганэ-баси («Окулярного моста»), первого в Японии каменного арочного моста [Ōbakuzen no bijutsu...1993, p. 107]. После вступления в должность настоятеля благодаря пожертвованиям ему удалось закончить возведение различных построек в Ко:фуку-дзи и большого колокола [Kimura 2007, p. 279]. В 1643 г. он построил павильон Дунлуань, прозванный «горной хижинкой, столь чудесной, что подобна мечте», а в 1645 г., передав пост настоятеля Ицунэн, поселился в этом павильоне, став отшельником, и жил там до смерти, проведя в общей сложности в Дунлуане тринадцать лет. Он всячески поддерживал Ицунэн в стремлении пригласить Ингэн в Японию. В 1657 г. Мокусу скончался в возрасте шестидесяти одного года. Он в совершенстве знал искусство наведения мостов, камнерезное дело, инкрустацию, был блестяще образованным интеллектуалом и одарённым каллиграфом, фактически превратившим Дунлуань в павильон, где полюбили собираться мастера искусств [Kimura 2007, p. 279]. Начиная с Ингэн, Мокуан, Сокухи, множество поэтов читали в этом павильоне свои стихи [Ōbakuzen no bijutsu...1993, p. 107].

После Мокусу хозяином Дунлуаня стал Ижань Синжун (逸然性融, яп. Ицунэн Сё:ю:). Он родился в 1601 г. в уезде Ханчжоу провинции Чжэцзян, в миру звался Ли, прибыл в Японию как торговец в 1641 г., возможно, собирался торговать лекарствами. В 1644 г. он поступил в ученики к Мокусу в Ко:фуку-дзи, в 1645 г. стал третьим настоятелем Ко:фуку-дзи после Мокусу [Ōbaku bijutsu...2004, pp. 1–2]. В 1650 г. от прихожан звучали просьбы пригласить из Китая наставника высокого уровня, и община решила, что таким наставником станет Элань Сингуй, ученик настоятеля монастыря Ванфу-сы с горы Хуанбо Иньюаня Лунци. К сожалению, Элань погиб в кораблекрушении, и тогда диаспора решила пригласить его учителя [Kimura 2007, pp. 280–281]. Всего Ингэн отправили четыре приглашительных письма (до адресата дошли только три). Хотя он в конце концов согласился прибыть в Японию, это была долгая история, и её благополучное завершение – во многом заслуга именно настойчивости и убедительности Ицунэн. В 1654 г. он встретил Ингэн и передал ему пост настоятеля Ко:фуку-дзи, но когда в августе 1655 г. тот покинул Нагасаки и отправился в храм Фумон-дзи, Ицунэн снова принял пост настоятеля, однако в конце года оставил его и ушёл в отшельники. В 1658 г. Ицунэн поселился в Дунлуане, где с тех пор и жил, скончавшись 14 июля 1668 г. в возрасте шестидесяти восьми лет. Ицунэн также считается основоположником манеры *Нагасаки-кара-э*, или «нагасакская живопись

в китайском стиле», которую впоследствии развили многочисленные ученики [Ōbakuzen по bijutsu... 1993, p. 107].

Дули Синъи (独立性易, яп. Докурю: Сё:эки) родился в уезде Ханчжоу провинции Чжэцзян в 1596 г. Когда ему было двадцать шесть лет, умер его отец, в следующем году в пожаре сгорело всё имущество, и после этого юноша начал изучать медицину. В январе 1653 г., спасаясь от беспорядков в Китае, он отплыл в Японию и в марте прибыл в Нагасаки. В декабре 1654 г. он встретился с Ингэн в Нагасаки и принял монашество, но официально его линию не продолжил. Он сопровождал учителя в поездках по стране, однако в следующем году из-за болезни вернулся в Нагасаки, а в 1664 г. по приглашению даймё княжества Ивакуни Киккава Хиромаса и его сына Хироёси отправился в их удел и врачевал их [Ōbakuzen по bijutsu... 1993, p. 47]. В 1665 г., когда Сокухи достроил храм Фукудзю-дзи на горе Кодзю в княжестве Огура, Докурю: стал в нём письмоводителем. В августе 1672 г. он тяжело заболел, а 6 ноября скончался в возрасте семидесяти семи лет. Докурю: имел блестящее образование, был прекрасным поэтом и каллиграфом с неповторимым стилем, отличающимся от манеры других монахов О:баку. Кроме того, он также привнёс в Японию технику вырезания печатей [Kimura 2007, pp. 288–289]. Таким образом, общественная, религиозная и творческая деятельность, которую прибывшие в Японию наставники разных школ вели в Нагасаки, начиная с 1620-х гг., обеспечила О:баку начальный плацдарм на новой земле, а также внесла весомый вклад в распространение культуры минского Китая в Японии.

Ингэн Рю:ки, Мокуан Сё:то:, Сокухи Нёицу и значение их деятельности для школы О:баку

Отдавая должное усилиям «предшественников О:баку», будет справедливым сказать, что больше всего известны в истории школы три иных монаха – Ингэн Рю:ки, Мокуан Сё:то: и Сокухи Нёицу, благодаря которым она обрела благосклонность японского правительства и завоевала значительную популярность. Наибольшего почёта по сей день удостоивается фигура основателя школы – Ингэн Рю:ки, чьё прибытие в Японию стало судьбоносным для О:баку. Ингэн родился 4 ноября 1592 г. в уезде Фуцин провинции Фуцзянь, при рождении получил имя Линь Цэнбин [Kimura 2007, p. 5]. Имя «Иньюань» он принял только после пострига. Когда Ингэн было шесть лет, его отец отправился в путешествие и не вернулся. Материальное положение семьи сильно пошатнулось, и Ингэн, хотя и начал учиться, в двенадцать лет был вынужден бросить обучение. Ещё с раннего возраста мальчик стал почитать Будду и пребывал в постоянной задумчивости. В двадцать лет мать и старший брат предложили ему найти себе невесту, но Ингэн отказался, а в двадцать один год, взяв деньги, отложенные на свадьбу, отправился в путешествие на поиски отца. Долгие поиски привели его на гору Путоу в провинции Чжэцзян. Монастырь настолько порастил юношу, что Ингэн принял твёрдое решение уйти в монахи [Kimura 2007, p. 6]. В двадцать четыре года Ингэн на время вернулся домой, рассчитывая в следующем году вернуться на гору Путоу и стать монахом, однако принял постриг только в двадцать восемь лет, после смерти матери, в монастыре на горе Хуанбо рядом с домом. После паломничества по северу провинции Чжэцзян в мае 1624 г. он впервые встретил Миюня Юань (密雲圓悟, яп. Мицуун Энго, 1566–1642) и неотрывно следовал за учителем, и в день тридцатипятилетия на него снизошло

великое просветление. В августе этого же года Миюнь стал настоятелем монастыря на горе Хуанбо в Фуцзяни, а Ингэн последовал за ним. Миюнь вскоре отказался от поста и вернулся в Чжэцзян, Ингэн же решил поселиться на скале Сицзы-янь неподалёку от горы Хуанбо.

Когда Ингэн было сорок два года, ученик Миюня Фэйинь Тунжун (費隱通容, яп. Хиин Цу:ё:, 1593–1661) занял пост настоятеля монастыря на горе Хуанбо и пригласил Ингэн на пост главы храма [Kimura 2007, pp. 7–8]. В следующем году Ингэн покинул гору Хуанбо и вернулся на Сицзы-янь, но в сорок пять лет Хиин избрал его наследником Дхармы, а через год его попросили принять пост настоятеля монастыря на горе Хуанбо. Поначалу Ингэн отказался, но после настойчивых уговоров изменил своё мнение. Он занимал этот пост до 1644 г., организовал реконструкцию многих храмов комплекса и помог храму превратиться в процветающий центр буддизма [Baroni 2000, pp. 55–57]. В 1643 г. он начал обучать Удэ Хайнина, который стал первым учеником Ингэн. В общей сложности их будет двадцать три (двадцать китайцев и три японца). В 1646 г. Ингэн взял в ученики Эланы Сингуя. В 1650 г. его учеником стал Мокуан Сё:то:, а в 1651 г. – Сокухи Нёицу [Kimura 2007, p. 9].

В 1654 г. Ингэн прибыл в Нагасаки с группой учеников и ремесленников. Весть о прибытии наставника быстро разнеслась по стране². Поначалу поведение и ритуалы нового наставника, сильно отличавшиеся от японских норм того времени, не пользовались доверием у японских властей, некоторые правительственные чиновники и монахи даже обвинили Ингэн в шпионаже. Однако обвинения не подтвердились, а впоследствии, встретившись в храме Ринсё:ин с сёгуном Токугава Иэцуна, Ингэн добился аудиенции и в итоге обрёл благосклонность правящих кругов; более того, благодаря усилиям настоятеля храма Мё:син-дзи Рё:кэй и других монахов бакуфу выделило Ингэн участок земли в Удзи для основания нового храма [Кабанов 1993, с. 285]. Он рассчитывал через три года вернуться в Китай, однако в конце концов, поддавшись на уговоры почитателей, решил остаться и дал новому китайскому храму такое же имя, какое было у его прежнего храма, чтобы не забывать о родине³. В августе 1661 г. Ингэн стал настоятелем Мампуку-дзи.

Три года спустя Ингэн передал пост настоятеля Мокуан, а сам удалился от дел. До кончины в 1673 г. он не переставал заниматься проповедческой деятельностью [Kimura 2007, p. 27]. Влияние Ингэн как наставника Дзэн оказалось весьма велико, ведь большинство японцев, посещавших первые храмы О:баку, приходили исключительно увидеть Ингэн. Впечатление, которое наставник произвёл на высокопоставленных чиновников и отдельных влиятельных монахов, напрямую повлияло на разрешение основать Мампуку-дзи. Кроме того, Ингэн был блестяще образован и талантлив в изящных искусствах, представляя собой образец классического минского интеллектуала [Smith-Weidner, Berge 1994, pp. 11–12; Лугавцова 2018, с. 197–198]. Через творческую и религиозную деятельность Ингэн и его последователи привнесли в Японию элементы материальной и духовной культуры минского Китая, по праву считающиеся отличительными чертами так называемой «культуры О:баку» (яп. 黄檗文化, *О:баку бунка*).

² Mampukuji ni tsuite [О храме Мампуку-дзи]. Ōbakushū daihonzan Mampukuji [Мампуку-дзи – главный храм школы О:баку]. <https://www.obakusan.or.jp/about/> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Mampukuji ni tsuite [О храме Мампуку-дзи]. Ōbakushū daihonzan Mampukuji [Мампуку-дзи – главный храм школы О:баку]. <https://www.obakusan.or.jp/about/> (дата обращения: 01.03.2021).

Ученики Ингэн представляли собой значительную часть основного руководства ранней школы О:баку. Японскими «наследниками» Ингэн стали Рю:кэй Сё:сэн (1602–1670), Докусё: Сё:эн (1617–1694) и Докухон Сё:гэн (1618–1689), влиятельные члены религиозных кругов Риндзай-дзэн [Wagoni 2000, p. 57]. Однако наибольшим доверием Ингэн пользовался Мокуан Сё:то:. Мокуан родился 3 февраля 1611 г. в уезде Цзиньцзян провинции Фуцзянь. С раннего возраста он отличался благовоспитанностью, почитал богов и Будду, особо не играл со сверстниками и не вредил живым существам. В четыре года он потерял мать, в пять лет – отца, дальше его воспитывала бабушка. В семь лет мальчик начал учиться, но из-за бедности обучение пришлось бросить [Kimura 2007, p. 32; Hayashi 1983, pp. 8–9]. В тринадцать лет Мокуан посетил храм Кайюань-сы и, глядя на его тишину и безмятежность, задумался об уходе из мирской суеты. Однако бабушка дала согласие, лишь когда ему исполнилось шестнадцать, и Мокуан поступил в ученики к наставнику Иньмину из Кайюань-сы. В восемнадцать лет Мокуан на три дня уединился на утёсе Шитоу-янь в горах Бэйшань, усердно молясь и позволяя себе съесть в день лишь одну сушёную хурму [Glaze 2011, pp. 31–32]. Ночью третьего дня, по преданию, к нему явился необыкновенный человек в доспехах, с молотом, и произнёс: «Я божество. Ты ещё слишком молод и не знаешь, как правильно тренировать свой дух. Пройди надлежащий ритуал в храме, стань монахом и прими обеты, найди хорошего учителя», а после исчез. Тогда Мокуан вернулся в храм и 8 декабря следующего года постригся в монахи [Kimura 2007, p. 37]. До двадцати пяти лет он даже не знал о различиях, которые существовали в различных школах буддизма, но когда разобрался, стал придерживаться учения Чань [Hirakubo 1992, p. 3508].

В 1636 г. династия Мин пребывала в нескончаемом хаосе – восстания вспыхивали повсюду. Невзирая на опасность, Мокуан совершил паломничество по разным храмам, повидав многих знаменитых монахов, в том числе Миюня Юань, чтобы приблизиться к просветлению, но безуспешно. Он достиг своей цели лишь в 1637 г. под руководством наставника Юнцзюэ Юаньсяня. Мокуан тринадцать дней медитировал, забыв о еде и сне, и на тринадцатую ночь на него снизошло просветление [Glaze 2011, p. 35]. В следующем году он тяжело заболел, не вставая с постели двадцать дней и ночей, но впоследствии продолжал паломничество. В 1643 г. он отправился в Цзинсу навестить наставника Фэйиня, а 1648 г. стал переломным в жизни Мокуан – судьба свела его с Ингэн, и больше он не искал встреч с иными наставниками. В 1651 г. Ингэн официально сделал его наследником Дхармы, однако вскоре их жизнь круто изменилась – Элань отправился в Японию, но погиб. В 1652 г. Мокуан отправил ученика, Линсу, разведать обстановку в Японии. В 1653 г. Линсу вернулся с подробным докладом, а в 1654 г. Ингэн, уступив многократным просьбам, решил отплыть в Нагасаки [Glaze 2011, p. 36–37]. Мокуан проводил наставника из гавани Сямэня, но уже через год, получив от него письмо, сам отправился в Японию.

По приезду в Нагасаки Мокуан, поселившись в Фукусай-дзи, несколько лет исполнял религиозные нужды китайской диаспоры, поскольку не имел позволения властей покидать город. В 1660 г., после получения разрешения свободно перемещаться по Японии, он прибыл в Фумон-дзи к Ингэн и стал его правой рукой во всех административных вопросах. Когда Мокуан принял пост настоятеля Мампуку-дзи после Ингэн, он стал также и формальным лидером учения, руководя продолжающимся строительством комплекса с 1664 г. до его завершения в 1679 г. Получив в 1667 г. от сёгуна Иэцуна пожертвование в размере 20 тыс. рё золотом и большой партии тикового дерева, Мокуан значительно дополнил храмовый

комплекс – были построены трапезная, колокольная башня, башня барабанов, Зал сокровища Шакьямуни и Зал Небесных Королей. Мокуан также способствовал открытию двадцати четырёх храмов О:баку по всей стране (среди них важнейшим был Дзуйсё:-дзи, ставший центром О:баку в Эдо), а его сорок три японских наследника Дхармы впоследствии значительно расширили число последователей учения [Baroni 2000, pp. 58–60; Лугавцова 2018, с. 198].

Третий из наиболее известных наставников О:баку, Сокухи Нёицу, родился 14 мая 1616 г. в уезде Фуцин провинции Фуцзянь. Его отец, Линь Ин, вероятно, был потомком известного учёного династии Сун Линь Си [Kimura 2007, p. 49]. Мальчик отличался талантом к наукам, в семь лет начал изучать конфуцианские каноны и был способен толковать их, однако, когда Сокухи было двенадцать, умер его отец, и учёбу пришлось окончить. Вскоре семья соседей выказала интерес в организации помолвки их дочери и Сокухи, однако он не проявлял к женитьбе никакого интереса. Когда Сокухи исполнилось четырнадцать лет, он расторг помолвку, увидев на улице представление о Муляне⁴. По преданию, именно эта пьеса вдохновила Сокухи на то, чтобы избрать в жизни путь монаха, дабы вернуть долг рождения и воспитания родителям [Zheng 2009, p. 29]. Сокухи твёрдо обозначил свои намерения, отказавшись от всего мясного, что обозначало начало его пути аскета. В семнадцать лет Сокухи стал послушником монастыря Луншань-сы, а в апреле 1634 г. прошёл посвящение и стал монахом.

Даже будучи монахом, Сокухи неотступно исполнял конфуцианский долг сыновней почтительности, навещая больную мать посреди хаоса восстаний [Baskind 2006, p. 150; Hirakubo 1993, p. 1332]. В подобном трепетном отношении к родителям прослеживается параллель между Сокухи и Ингэн, и это демонстрирует гармоничное сосуществование заветов конфуцианской этики и буддизма. Так же, как Ингэн и Мокуан, Сокухи сознательно провёл годы в паломничестве и практике для духовного развития, но безуспешно [Zheng 2009, pp. 40–41]. Спустя два года путешествий Сокухи так и не достиг просветления, несмотря на глубину познаний, поэтому в 1639 г. вернулся в Ванфу-сы. Только в 1650 г. Сокухи обрёл просветление после того, как едва не погиб в страшном пожаре в горах за храмом. Дж. Баскинд, говоря о пожаре, называет его своеобразным ритуалом инициации – яма, в которую Сокухи упал без сознания, символизирует суетный мир, огонь – очищение от страданий и иллюзий, олицетворяющих людское невежество, а тот факт, что Сокухи смог очнуться, говорит о его перерождении в человека, отныне свободного от этих преград. Он достиг просветления только после того, как отрёкся от страстного желания получить истинное знание [Baskind 2006, pp. 149–150].

Через некоторое время после пережитого Сокухи получил от Ингэн передачу Дхармы и стал продолжателем линии наследия Ингэн, которого почитал как духовного отца – воплощая и буддийские, и конфуцианские ценности, Сокухи выступал живым олицетворением религиозного синкретизма Китая периода Мин [Zheng 2009, p. 48]. Приезд Сокухи в Японию также связан с Ингэн и долгом почтительности – учитель отправил ему письмо с просьбой, и Сокухи в 1657 г. незамедлительно прибыл в Нагасаки. Он не становился официальным лидером О:баку, как тот же Мокуан, но внёс значительный вклад

⁴ Мулянь или Маудгальяна – в буддийской традиции один из главных учеников Будды Шакьямуни, принёсший себя в жертву для спасения матери от мук преисподней. Подробнее см. [Меньшиков 2007, с. 526–527].

в развитие школы. За пятнадцать лет в Японии он выбрал всего пять «наследников», но куда большее число учеников прибывало к нему хотя бы просто попрактиковаться, поскольку из трёх основателей О:баку именно Сокухи пользовался наибольшим авторитетом как учитель [Baroni 2000, p. 61]. Однако, в отличие от Ингэн и Мокуан, Сокухи никогда не хотел остаться в Японии насовсем. Он прибыл туда по просьбе наставника и желал только встретиться с ним, но, когда Сокухи достиг Нагасаки, Ингэн уже уехал из города. Поскольку Сокухи не имел разрешения от японских властей на путешествия по стране, он занял пост настоятеля в Со:фуку-дзи и шесть лет ждал шанса увидеться с учителем. Наконец получив разрешение японского правительства на свободное передвижение в 1663 г., он присоединился к Ингэн в недавно основанном Мампуку-дзи. Пообщавшись с учителем и убедившись, что его не удерживают против воли, Сокухи решил вернуться в Китай один, однако просьбы влиятельных покровителей, учеников и китайской общины Нагасаки то и дело откладывали отъезд, а в 1670 г. он тяжело заболел. Последний год жизни Сокухи провёл в монастыре Со:фуку-дзи, где и скончался в возрасте пятидесяти шести лет [Baroni 2000, pp. 62–63; Лугавцова 2018, с. 201–202].

Представляя собой трёх самых известных наставников О:баку, Ингэн, Мокуан и Сокухи сыграли в судьбе учения разные роли. Ингэн сформировал ядро новой школы, используя свой авторитет и благосклонность влиятельных местных покровителей. Мокуан руководил О:баку в важнейший период роста и стабилизации, приумножая её материальные и человеческие ресурсы. Сокухи не был настоятелем Мампуку-дзи и не занимался административной работой, однако его талант учителя обеспечил учению значительный приток японских последователей. И по сей день этих трёх монахов японцы с уважением называют *О:баку-но сампицу* («три кисти О:баку») за их вклад в развитие религиозной мысли и особенно культуры периода Эдо [Baroni 2000, pp. 55–56; Лугавцова 2018, с. 202].

Тэцугэн До:ко: – наиболее известный японский последователь О:баку

После Мокуан в соответствии с завещанием Ингэн и желанием японских властей ещё век верхушка Мампуку-дзи оставалась китайской, в то время как японские последователи О:баку занимались распространением учения в других храмах [Smith-Weidner, Berge 1994, p. 293]. Среди японцев-последователей О:баку было много добродетельных монахов, из которых наиболее известны Тэцугэн До:ко: (1630–1682), Тё:он До:кай (1628–1695), Эгоку До:мё: (1632–1721), Тэцугю: До:ки (1628–1712). Тэцугэн До:ко:, тем не менее, занимает особое место в развитии учения О:баку. История школы запомнила его как человека, отпечатавшего всю китайскую минскую Трипитаку на ксилографических блоках. Это издание стало известно как «Тэцугэн-бан» или «О:баку-бан» [Baroni 1993, pp. 248–250]. Осуществление этого проекта, для которого потребовались многие годы, огромные финансовые затраты и титанические усилия, ставит Тэцугэн особняком среди японских монахов О:баку.

Тэцугэн До:ко: (яп. 鉄眼道光) родился 1 января 1630 г. в местечке Морияма близ города Масики провинции Хиго. О его детстве почти ничего не известно. Семья придерживалась веры в буддизм Чистой Земли, а отец Тэцугэн был членом буддийской общины. Тэцугэн начал буддийское образование в семь лет, в тринадцать лет принял постриг, а позднее женился, поскольку от монахов этой школы не требовалось соблюдать

обет безбрачия [Akamatsu 1943, pp. 177–186]. В 1646 г., когда Тэцугэн было шестнадцать лет, он стал учеником монаха Сайгин, ставшего руководителем академии Истинной школы Чистой Земли в Киото. Сайгин прекрасно знал китайскую классику и труды наставников дзэн-буддизма, и его открытость к другим буддийским школам в будущем могла повлиять на решение Тэцугэн отречься от изначальной веры [Baroni 2006, p. 12]. Кроме того, на смене воззрений Тэцугэн могло сказаться негативное отношение к отдельным обычаям школы Чистой Земли (позволению монахам жениться и есть мясо). В июле 1654 г. власти закрыли академию Сайгин, и в тот же месяц в Нагасаки прибыл Ингэн; Тэцугэн, оставшийся без школы и учителя, решил отплыть в Нагасаки осенью 1655 г. Ему разрешили встретиться с Ингэн, и после беседы наставник позволил ему присоединиться к общине. Однако в начале августа Ингэн покинул Нагасаки, а Тэцугэн снова остался без учителя [Baroni 2006, pp. 13–16].

Правительство не разрешило японским ученикам Ингэн сопровождать его, поэтому Ингэн назначил Мокуан ответственным за руководство ими. Тэцугэн отправился в Фукусай-дзи на встречу с Мокуан, но их знакомство не заладилось, поскольку Тэцугэн повёл себя крайне дерзко, и Мокуан его прогнал [Baroni 2006, pp. 13–16]. Позднее, когда Тэцугэн снова прибыл в Нагасаки, учитель дал ему позволение остаться, и Тэцугэн прожил в общине до 1661 г., который стал поворотным в его биографии – он полностью посвятил себя дзэн-буддизму и даже взял первых учеников. По дзэнскому образцу Тэцугэн учился у нескольких наставников: посещал монаха Риндзай Кэнган Дзэнъэцу (1618–1690) в храме Тайфуку-дзи в Бунго, Сокухи Нёицу в Фукудзю-дзи и других [Baroni 1993, p. 206]. После расставания с Сокухи Тэцугэн больше не посвящал много времени дзэнской медитации, поскольку целиком был поглощён проектом по ввозу деревянных досок для печати сутр из Китая [Baroni 2006, pp. 19–20].

Тэцугэн давно беспокоило крайне малое количество печатных сутр для изучения монахами, и он решил, что лучше всего будет издать в Японии полный буддийский канон. Первым делом Тэцугэн и его ученики переместились в Осаку, в 1667 г. основав там храм Дзуйрю-дзи в районе Нанива; позднее были построены склад, названный Хо:дзо:ин, в Мампуку-дзи, и печатный двор в Киото. Тэцугэн публично объявил о своём замысле на лекции в Осаке в 1668 г. Получив первые пожертвования от местных благотворителей, а также заручившись одобрением Ингэн и Мокуан, он приступил к следующей стадии проекта, с 1669 по 1680 г. путешествуя по стране и собирая пожертвования на проповедях. К сожалению, выступления Тэцугэн не остались без внимания возмущённых последователей Истинной школы Чистой Земли, и в 1669 и 1674 г. он стал участником двух религиозных конфликтов [Baroni 2006, pp. 21–23]. Несмотря на всю занятость, он регулярно навещал учителя, в начале 1676 г. получив от Мокуан передачу Дхармы, однако сам не выбрал официальных наследников [Baroni 2006, p. 26].

Десятилетний проект по изданию буддийского канона успешно завершился в 1680 г., и Тэцугэн отправился в Эдо вместе с полным собранием сутр в дар властям. Однако в 1681 г. страшный голод опустошил регионы Киото и Осаки, и в январе 1682 г. Тэцугэн решил немедленно вернуться в Осаку, чтобы организовать борьбу с бедствием. Он открыл в своём храме пункт раздачи еды, неустанно помогал нуждающимся вместе с учениками, и люди стали перевозносить его как «бодхисатву, что спасает мир». Однако спустя неделю с момента начала помощи, 29 февраля, наставник заболел, и болезнь оказалась смертельной.

По преданиям, в день кремации на церемонию пришло более ста тысяч человек, «эхо их стонов сотрясло леса» [Baroni 1993, pp. 253–258]. Прах Тэцугэн был похоронен на территории Хо:дзо:ин. Ученики Тэцугэн опубликовали его записи, однако его подлинным наследием стало издание школой О:баку буддийского канона, которое использовалось в Японии вплоть до XX в. [Baroni 2006, pp. 37–38].

Заключение

Со временем О:баку стало утрачивать те черты, которые поначалу привлекали японцев. Тэцугэн До:ко: скончался в 1682 г., а уже в XVIII в. в школе О:баку начали происходить неизбежные изменения. Какое-то время учению удавалось сохранять самобытность и новизну, в том числе путём назначений на пост настоятеля Мампуку-дзи только китайцев, но по мере роста популярности О:баку неизбежно сталкивалось с необходимостью ассимиляции, и во всех областях как религиозной практики, так и искусства О:баку началась «японизация». В 1740 г. настоятелем Мампуку-дзи впервые стал японец. Достигнув апогея в тысячу с лишним, ко времени распада сёгуната число храмов О:баку начало снижаться, а в начале эпохи Мэйдзи из-за всплеска антибуддийского движения резко уменьшилось, сократилось и число последователей школы [Kimura 2007, p. VII]. В дальнейшем О:баку уже не удалось достичь показателей начального этапа, в настоящее время число храмов школы не превышает пяти сотен.

Таким образом, период Эдо стал тем временем, на которое пришёлся пик популярности учения О:баку. Резюмируя, можно сказать, что биографии выдающихся наставников учения, живших в период Эдо, отражают историю формирования самой школы. Деятельность монахов, живших в Нагасаки с 1620-х гг. до приезда Ингэн, иллюстрирует «подготовительный» этап истории О:баку, поскольку основание в Нагасаки китайских храмов и появление мощной китайской диаспоры прямым образом повлияло на решение Ингэн приехать в Японию, фактически обеспечив зарождение школы. Наставник Ингэн и два его самых известных ученика олицетворяют успешное закрепление О:баку на новой земле и взлёт популярности учения, жизненный путь Тэцугэн – дальнейшее развитие школы, ассимиляцию её китайского колорита с местными традициями и менталитетом и столкновения с другими буддийскими школами. Без сомнения, личности играли в успехе учения О:баку особую роль, поскольку задача распространения «слова Учителя» в чужой стране требовала недюжинных усилий от монахов. Необходимость налаживания контактов с правительством и местным населением, формирование материальной базы учения, привлечение новых последователей, невзирая на языковые и культурные барьеры – формирование школы О:баку сопровождалось преодолением многих трудностей, которые стояли перед первыми поколениями монахов. Начиная с предшественников Ингэн и заканчивая японскими последователями, монахи О:баку неустанно трудились на благо учения. Помимо религиозной и творческой деятельности, они занимались благотворительностью, много времени проводя среди мирян, и их усилия значительно способствовали росту популярности О:баку в Японии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Буддизм в Японии / под ред. Григорьевой Т.П. Москва: Наука. 1993.

Лугавцова А.П. Появление школы О:баку-дзэн в Японии: три основателя // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018. № 4(32). С. 196–203. <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2018-32-196-203>

Меньшиков Л.Н. Мулянь / в кн. Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 2. Мифология. Религия / под ред. М.Л. Титаренко, Б.Л. Рифтина, А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Д.Г. Главевой, С.М. Аникеевой. Москва: Восточная литература. 2007. С. 526–527.

REFERENCES

Grigorieva, T. (Ed.). (1993). *Buddizm v Yaponii* [Buddhism in Japan]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Lugavtsova, A. (2018). Poyavlenie shkoly Ōbaku-dzen v Yaponii: tri osnovatelya [The formation of Ōbakū-shū school in Japan: three brushes of Ōbakū]. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*, 4(32), 196–203. (In Russian). <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2018-32-196-203>

Menshikov, K. (2004). Mulyan [Maudgalyayana]. In M. Titarenko, B. Riftin, A. Kobzev, A. Lukianov, D. Glaveva, S. Anikeeva (Eds.), *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya* [Spiritual Culture of China: an encyclopedia] (pp. 526–527). Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).

* * *

Akamatsu, S. (1943). *Tetsugen* [Tetsugen]. Tokyo: Yūzankaku. (In Japanese).

Baroni, H. (1993). *Buddhism in Early Tokugawa Japan: The Case of Ōbaku Zen and the Monk Tetsugen Dōkō* (PhD dissertation). Ann Arbor, Mich.: UMI Dissertation Services.

Baroni, H. (2000). *Ōbaku Zen: The Emergence of the Third Sect of Zen in Tokugawa Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Baroni, H. (2006). *Iron Eyes: The Life and Teachings of Ōbaku Zen Master Tetsugen Dōkō*. Albany: State University of New York Press.

Baskind, J. (2006). *Ming Buddhism in Edo Japan: the Chinese Founding Masters of the Japanese Ōbaku School* (PhD dissertation). Yale University, New Haven.

Glaze, S. (2011). *Muan Xingtao: An Ōbaku Zen Master of the Seventeenth Century in China and Japan*. Tucson: University of Arizona.

Hayashi, S. (1983). *Mokuan* [Mokuan]. Uji: Ōbakusan Mampukuji. (In Japanese).

Hirakubo, A. (1992). *Mokuan zenshū* [Complete works of Mokuan] (Vol. 8). Tokyo: Shibunkaku-shuppan. (In Japanese).

Hirakubo, A. (1993). *Sokuhi zenshū* [Complete works of Sokuhi] (Vol. 3). Tokyo: Shibunkaku-shuppan. (In Japanese).

Kimura, T. (2007). *Shoki Ōbakuha no sōtachi* [The monks of early Ōbaku history]. Tokyo: Shunjūsha. (In Japanese).

Ōbaku bijutsu to Edo no hanga [The art of Ōbaku and Edo woodblock prints]. (2004). Machida: Machida shiritsu kokusai bijutsukan. (In Japanese).

Ōbakuzen no bijutsu: Ingen zenji seitan 400 nenkinen [The art of Ōbaku: celebrating the 400th birthday of Zen master Ingen Ryūki]. (1993). Fukuoka: Fukuoka kenritsu bijutsukan. (In Japanese).

Smith-Weidner, M., Berge, P. (1994). *Latter days of the law: images of Chinese Buddhism, 850–1850*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Wu, J. (2004). Leaving for the Rising Sun: The Historical Background of Yinyuan Longqi's Migration to Japan in 1654. *Asia Major*, 17 (2), 89–120.

Wu, J. (2014). *Leaving for the Rising Sun: Chinese Zen Master Yinyuan and the Authenticity Crisis in Early Modern East Asia*. Oxford: Oxford University Press.

Zheng, A. (2009). *A Portrait of an Obaku Monk: The Life and Religion of Jifei Ruyi (1616–1671)*. Tucson: University of Arizona.

Поступила в редакцию 06.04.2021

Received 6 April 2021

Научное издание

Японские исследования
№ 2, 2021

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Редактор:	Е.М. Скворцова
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков
Дата публикации:	12.07.2021

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 08 02

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 2, 2021

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Editor:	E.M. Skvortsova
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov
Date of issue:	12 July 2021

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russia.
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 499 124 02 13 (Foreign Relations Dept. of IFES RAS)

www.japanjournal.ru

日
本
研
究